

10.335

1961

საქართველოს
საბჭოთავო
საზოგადოებრივი
წიგნობა

142
10.335

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1961

МАИ

საქართველოს
საბავშვო მუზეუმი

საქართველოს
საბავშვო მუზეუმი
* * *

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания пятый

В праздничном номере принимают участие:

Председатель Совета Министров
Грузинской ССР

Г. Д. ДЖАВАХИШВИЛИ
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ
МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ
ПАВЛО ТЫЧИНА
АНТАНАС ВЕНЦЛОВА
ГАФУР ГУЛЯМ
ГРАЧИЯ КОЧАР
ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ
АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ
ИАКИНТЕ ЛИСАШВИЛИ
ТИНА ДОНЖАШВИЛИ
БАГРАТ ШИНКУБА
РЕВАЗ АСАЕВ
ФРИДОН ХАЛВАШИ
АНДРО ТЕВЗАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ
ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ
ВЛАДИМИР ЧИАУРЕЛИ
СЕРГО КАВТАРАДЗЕ
ПЛАТОН ШУШАНИЯ
КОНСТАНТИН ДЖАПАРИДЗЕ
ЛЕОНИД РОСТОВЦЕВ

5

М А Й
1961

62005

К ЗВЕЗДАМ!

Да, мы дожили до свершенья
Великой ленинской мечты,
Я вижу теплое свеченье
Среди извечной темноты.

Еще представить не умеем,
Лишь вспоминаем вновь и вновь,
Что меж Тельцом и Водолеем —
Живое сердце, плоть и кровь.

Так между выдохом и вдохом
В какой-то точный миг и час
Одна окончилась эпоха,
И следующая —
началась.

Андро Тевзадзе

Н. С. ХРУЩЕВ и Ю. А. ГАГАРИН

Дары ЗЕМЛИ ГРУЗИНСКОЙ

*Беседа Председателя Совета Министров Грузинской ССР
Г. Д. Джавахишвили с писателем Константином Лордкипанидзе*

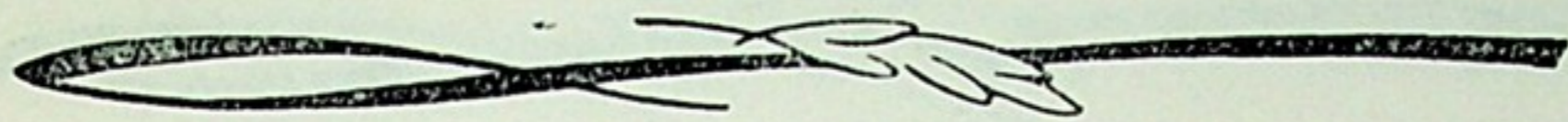
Писатель. Мне повезло, Гиви Дмитриевич, я пришел к вам в хорошее время. Только что закончилось совещание передовиков сельского хозяйства республик Закавказья, в работе которого принял участие Никита Сергеевич Хрущев. Вы, без сомнения, еще полны впечатлений об этих незабываемых днях. Прошу вас рассказать о них читателям журнала «Дружба народов».

Г. Д. Джавахишвили. Охотно расскажу. Ведь само совещание было одним из убедительных проявлений нерушимой дружбы народов нашей страны. Об этом очень взволнованно и ярко говорил в своей речи Никита Сергеевич. Читали его слова?

«Народы Закавказья проявили мужество и стойкость в исторические дни Великой Октябрьской социалистической революции, в период борьбы против иностранных интервентов, в боях за установление Советской власти в Азербайджане, Грузии, Армении. Бессмертные герои этой борьбы окружены любовью народов Закавказья и всей нашей великой Страны Советов...»

На примере республик Закавказья так же, как и республик Средней Азии, всех бывших национальных окраин России, мы видим, что Великая Октябрьская революция, победа социализма в нашей стране спасли малые народы от истребления эксплуататорами и иноземными поработителями. Социализм открыл перед всеми народами нашей страны путь подлинного процветания на основе равноправия и дружбы народов, больших и малых...».

Совещание вышло за рамки обсуждения специальных проблем сельского хозяйства, оно получило большой политический резонанс да-

леко за пределами республики, еще тесней сплотило народы Закавказья, придало им новые силы для выполнения задач, поставленных январским Пленумом ЦК КПСС, для того, чтобы достойным образом встретить XXII съезд партии.

Перед совещанием Никита Сергеевич выезжал в восточные районы нашей республики, где раньше ему не приходилось бывать. Он беседовал со многими колхозниками, механизаторами, руководителями местных партийных органов, председателями колхозов, повидал своими глазами наши земли. И, как он сам говорил, настроение у него с каждым часом поднималось, росла уверенность, что грузинские земледельцы задание партии выполнят; больше того, он убедился, что в Грузии, на орошаемых землях, имея хорошую технику и умелых людей, можно собирать по два урожая в год.

Понравились ему и наши «маяки», как он любовно называет людей с пламенными сердцами и золотыми руками. Среди них доярка Мери Квачантирадзе. Она окончила десятилетку и теперь работает дояркой.

— Это замечательное явление наших дней,— сказал Никита Сергеевич.—...Благодаря тому, что эта девушка окончила десять классов, она обогнала многих старых и более опытных доярок. Образование позволило ей быстрее освоить специальность.

Похвалил Никита Сергеевич и нашего знатного механизатора А. Бенашвили из села Джапаридзе. В 1960 году А. Бенашвили посеял и обработал без применения ручного труда сто тридцать гектаров кукурузы и шестьдесят один гектар подсолнечника. В 1961 году А. Бенашвили обязался вырастить на ста гектарах неполивных земель по шестьдесят пять центнеров зерна кукурузы и на шестидесяти гектарах получить по двадцать центнеров подсолнечника.

— Надо, чтобы человек управлял машиной,— сказал Никита Сергеевич.— В этом— проявление человеческого ума, а не в том, чтобы до седьмого пота в три погубели гнуть спину на поле.

П и с а т е л ь. Грузины издревле славятся своим гостеприимством. Да к тому же и гость был желанный, дорогой. Вы ездили с ним в Кахетию. Расскажите, пожалуйста, как принимали главу Советского правительства наши колхозники.

Г. Д. Дж а в а х и ш в и л и. Кахетинцы встречали нашего гостя с большим радушием и теплотой.

Расскажу только об одном случае.

Никита Сергеевич захотел посмотреть земли, которые мы собираемся оросить. Наутро мы поехали в Качрети, к долине реки Иори. Туда съехались с окрестных районов передовики сельского хозяйства, бригады, механизаторы, руководители колхозов. Завязалась оживленная беседа. Они подробно рассказали Никите Сергеевичу о своей работе, о своих планах, о том, как думают решить задачи, поставленные январским Пленумом ЦК. Особенно понравились Никите Сергеевичу знание дела и уверенность, с какой они говорили о своих возможностях.

П и с а т е л ь. Люди, знающие Грузию только по некоторым кинофильмам и книгам, представляют себе нашу республику несколько односторонне — страной винограда, чая, цитрусовых плодов, фруктов и

кукурузы, прославленных на весь мир курортов и целебных вод Боржоми, Цхалтубо и других.

Г. Д. Джавахишвили. Что ж, они не виноваты в этом. Кстати, и в ваших произведениях Грузия показана без заводских труб, без шума и грохота фабричных цехов.

Писатель. Каюсь, грешен, Гиви Дмитриевич. Мы, писатели, еще в большом долгу перед рабочим классом Грузии, хотя отлично знаем, что за годы Советской власти в республике создана первоклассная индустрия. Интересно, каковы пути дальнейшего развития промышленности Грузии, предусмотренного семилеткой? И если можно, немного истории...

Г. Д. Джавахишвили. Можно, только бы это не завело нас слишком далеко; ведь грузины еще с незапамятных времен занимались не только виноделием, но и металлургией.

Искусство металлургов Грузии прошлых времен описано во многих старинных летописях. Знал это, между прочим, и Александр Сергеевич Пушкин. Совершая путешествие по Грузии, великий поэт писал: «Оружие тифлисское дорого ценится на всем Востоке».

Грузинская сталь — полади — очень высоко ценилась во многих странах древности.

Потом наступило лихолетье. В неравной борьбе с иноземными захватчиками погибло многое, в том числе и замечательное искусство мастеров-металлургов.

Прошли века, и вот только недавно молодому грузинскому рабочему классу удалось возродить славу грузинской стали. Читатели «Дружбы народов», вероятно, слышали уже о социалистическом городе Рустави. В нем сейчас живет и работает более шестидесяти тысяч человек.

Дважды рожденный — так называют у нас этот город-красавец, как, впрочем, и многое другое в республике. Если заглянуть в музей Рустави, то собранные здесь во время строительства металлургического завода многочисленные археологические находки расскажут, что впервые этот город возник на подступах к Тбилиси тысячелетия назад. В нем жили храбрые воины и искусные ремесленники. Опустошенный и разрушенный, город на долгие века исчез с лица земли.

В 1944 году, незадолго до окончания Великой Отечественной войны, началось второе рождение Рустави. Пока закладывались и возводились первые цехи Закавказского металлургического завода, пять тысяч грузинских юношей отправились на различные заводы Советского Союза, главным образом в Донбасс, учиться варить сталь. А пять лет спустя первый грузинский доменщик Вардиш Коберидзе выдал первую плавку.

Прошло еще пять лет, и Руставский металлургический завод стал работать по полному металлургическому циклу, выдавать кокс, чугуны, сталь, трубы, листы и мелкосортный прокат. Может, хватит истории?

Писатель. Пожалуй, хватит.

Г. Д. Джавахишвили. Так вот... Сегодня, в годы семилетки, мы можем кое-чем и похвастаться. Например, по выплавке чугуна на душу населения Грузия уже превосходит такие старые индустриальные

страны, как Япония, Италия. В Рустави сегодня вырабатывается стали больше, чем в Швеции, Норвегии и Дании, вместе взятых.

Писатель. Вы говорили, что грузинская сталь в древности высоко ценилась во многих странах. А что можно сейчас сказать об искусстве наших сталеваров?

Г. Д. Джавахишвили. Бывшие ученики донбассовских металлургов стали теперь сами учителями. К ним приезжают учиться из дальних стран, из Европы и Азии. Уже без малого четыре года группа инженеров из Рустави находится в Индии, в Бхилаи, помогая индийцам создавать свою черную металлургию.

Металлургия была только началом. Сейчас на ее базе в Рустави построено несколько крупных предприятий, замечательных, технически совершенных, таких, как азототуковый, цементный и другие заводы. Самым важным событием в Рустави за годы семилетки будет создание предприятий легкой промышленности. Здесь будет из газа вырабатываться капролактамы и целый ряд других изделий из синтетического волокна.

Химическая промышленность—новая отрасль народного хозяйства Грузии. За годы семилетки она станет одной из ведущих, ее продукция возрастет примерно в шесть раз.

Среди молодых городов Грузии, созданных при Советской власти, и город угольщиков Ткварчели. Хотя, если быть точным, теперь это город не только угля. Тут построена мощная электростанция—одна из важнейших электростанций республики.

Всемерно развивается также добыча угля в Ткибули—старейшем угольном месторождении.

На третьем году семилетки Грузия добывает угля в сорок раз больше, чем в 1913 году.

Писатель. Гиви Дмитриевич, а сумеют ли наши шахтеры поспевать за столь быстрым развитием металлургии и химии, для которых уголь первая пища? Хватит ли у нас собственных запасов угля?

Г. Д. Джавахишвили. Должен вас успокоить: семилетка существенно изменяет структуру топливного баланса республики. Первое место, которое до недавнего времени занимал уголь, теперь будет принадлежать природному газу, и здесь нам опять приходит на помощь не раз испытанная в боях и в труде дружба наших народов. По газопроводу, названному народом трассой дружбы, наш Рустави уже получает карадагский газ из братской республики—Азербайджана. Мы будем его получать все больше и больше. На природном газе построим тепловую станцию мощностью в шестьсот тысяч киловатт.

Ну, а кроме того, мы продолжаем свое наступление на недра.

Писатель. Вы, очевидно, имеете в виду Шаори?

Г. Д. Джавахишвили. Совершенно верно. Вы там бывали?

Писатель. Бывал. Изумительно красивые там места!

Г. Д. Джавахишвили. Да, в Шаори очень красиво... Но меня как геолога по специальности эти места привлекают еще невидимой для вас, писателей, красотой. Там сейчас усиленно ведутся разведывательные работы. Я говорил со многими геологами, и все они в один голос заверяют, что Шаори станет самым мощным угольным районом Грузии и далеко оставит за собой даже Ткварчели.

Писатель. Гиви Дмитриевич, но я знаю случай, когда писатель опередил геолога. Помните, кто открыл месторождение черного камня—марганца, ставшего национальной гордостью нашего народа. Ведь это был великий певец Грузии Акакий Церетели.

Г. Д. Джавахишвили. Да, это было так. Акакий Церетели многое сделал, чтобы наладить промышленную разработку марганца. В 1879 году он впервые отправил из Поти в Европу партию чиатурской руды.

Появление на мировом рынке грузинского марганца вызвало тогда настоящую предпринимательскую горячку. В Грузию, как некогда в Клондайк, устремились любители легкой наживы, многочисленные иностранные концессионеры. Вскоре удельный вес дореволюционной Грузии в мировой добыче марганца возрос до сорока процентов.

Чиатурское месторождение марганца остается и по сей день самым богатым в мире по размерам залежей и по качеству руды. В наши дни добыча и переработка марганцевой руды—одна из главных отраслей промышленности республики. За семилетку добыча бесценного марганца увеличится на тридцать пять процентов.

Огромное развитие получит производство ферросплавов.

И раз уж разговор зашел об ископаемых, то надо хотя бы упомянуть о вольфраме, молибдене, цинке, мышьяке и десятке других ценных минералов, залежи которых обнаружены в горах Сванетии и ряде других районов республики.

Семилетка, как рачительный хозяин, вскрывает и собирает эти щедрые дары земли грузинской.

Семилетка республики началась победным гудком мощного голубого электровоза. Он возвестил о рождении нового в Грузии предприятия—Тбилисского электровозостроительного завода. Красавица машина успешно прошла испытания на Сурамском перевале, самом сложном из всех электрифицированных участков железных дорог страны. Сегодня тбилисские электровозы водят тяжеловесные составы на магистралях Урала, Сибири и Дальнего Востока. Эта чудесная машина развивает большую скорость, по мощности она почти в два раза превосходит электровозы обычного типа.

(По плану семилетки в республике будет создан второй электровозостроительный завод. В скором времени начнется производство электровозов для пассажирских составов, которые будут курсировать на всех магистралях Советского Союза. К концу семилетки Грузия будет выпускать электровозов больше, чем Франция.)

Для древней грузинской земли, богатство и красота которой были воспеты легендарным Гомером еще за несколько веков до нашей эры,—сорок лет небольшой срок. Но ведь это годы Советской власти, годы братской дружбы всех народов нашей страны, с чьей помощью и поддержкой в Грузии созданы новые отрасли промышленности, построены сотни новых заводов, фабрик, рудников и шахт. О некоторых мы уже говорили, другие придется просто назвать: автомобильный завод в Кутаиси, нефтеперерабатывающий завод в Батуми, ферросплавный завод в Зестафони, хлопчатобумажный комбинат в Гори, цементные заводы в Каспи и Рустави, станкостроительные—в Тбилиси, чайные фабрики и десятки других предприятий во многих районах Грузии.

Само собой разумеется, что бурный промышленный рост республики был бы немыслим без мощных источников энергии. На Куре, Риони, Храми, Аджарис-Цкали, Алазани и других горных реках Грузии построены мощные гидроэлектростанции. Благодаря развитию электрификации и включению грузинской энергосистемы в энергокольцо Закавказья проблема снабжения электрической энергией предприятий, транспорта и населения республики полностью решена.

(Во втором году семилетки вступила в ряды действующих одна из самых мощных электростанций республики — Ладжанурская ГЭС. В 1962 году будет построена Храми ЭС-2. А в нынешнем году начнется строительство крупнейшей, высокоэффективной Ингурской гидроэлектростанции. Мощность Ингурского каскада составит 1 миллион 630 тысяч киловатт.) Интересно отметить, что плотина этой станции будет арочная, высотой 300 метров.

Называя эти цифры, я вижу перед собой памятник Владимиру Ильичу Ленину, поставленный у самой плотины ЗАГЭСа, — первой в Грузии электростанции, построенной вслед за Волховстроем по ленинскому плану ГОЭЛРО.

Писатель. Простите, Гиви Дмитриевич, я хочу попутно задать вам еще и такой вопрос. Меня как писателя и общественного деятеля он занимает уже давно. Последняя перепись населения в СССР показывает, что в Грузии на каждую тысячу человек приходится тридцать восемь с высшим образованием. Это в три с половиной раза больше, чем во Франции, в четыре раза больше, чем в Англии.

По количеству лиц с высшим образованием на каждую тысячу человек Грузия занимает сейчас первое место в мире. Это значит, что мы располагаем большим количеством высококвалифицированных кадров, а это, конечно, не может не наложить свой отпечаток на характер и развитие нашей индустрии.

Г. Д. Джавахишвили. Я понял вас. Когда в республике, а затем в Москве разрабатывались контрольные цифры развития народного хозяйства Грузии, это обстоятельство было учтено в полной мере. Мы в первую очередь строим и будем строить заводы, не требующие много металла и энергии, но нуждающиеся в самом квалифицированном труде. (Это заводы точной механики, сложнейшего приборостроения, машиностроения, станкостроения и электротехнической промышленности. В этом-то и заключено своеобразие грузинской индустрии.)

Писатель. Недавно я побывал за границей, и представьте себе мою радость и гордость, когда я увидел там не только наши вина и коньяки, консервы и фрукты, но и чудесные машины с маркой «Сделано в Грузии».

В связи с этим хочется спросить вас, какие станки, машины, промышленное оборудование вывозятся из Грузии в зарубежные страны?

Г. Д. Джавахишвили. Изделия грузинской индустрии вывозятся более чем в пятьдесят зарубежных стран. Мы вывозим уникальные токарные, шлифовальные, трубонарезные станки, землеройные снаряды, различные измерительные приборы, кутаисские автомашины и многое другое — всего не перечислишь, тем более, если к этому добавить продукты пищевой и легкой промышленности.

Как видите, структура нашей экономики весьма заметно изменилась.

Писатель. Однако мы и сегодня остаемся классической страной чая, виноделия, цитрусовых—всего того, что Никита Сергеевич так образно назвал третьим блюдом.

Г. Д. Джавахишвили. Разумеется! Достаточно указать, что девяносто семь процентов производимого в Советском Союзе чая приходится на долю Грузии. На площади, превышающей пятьдесят тысяч гектаров, раскинулись вечнозеленые чайные плантации—краса и гордость нашей земли.

Грузия — самый молодой в мире район возделывания чая, по существу созданный лишь в годы Советской власти. В Сухумском ботаническом саду хранится чайный куст, который долгое время был единственным в Закавказье экземпляром этой ценнейшей культуры.

До революции на холмах Грузии было всего лишь девятьсот гектаров чайных плантаций, дававших низкий урожай третьесортного листа. Но дело не только в количестве.

Несмотря на то, что вегетационный период у нас гораздо короче, чем, например, в Индии — там чайный лист собирают десять месяцев в году, — урожайность наших плантаций много выше, чем в ряде старейших стран чаеводства. Все это, прежде всего, результат мастерства наших чаеводов и нашей высокой, передовой агротехники. Многие районы республики, такие, как Кобулетский, Батумский, Махарадзевский, Ланчхутский и Гудаутский, собрали во втором году семилетки по четыре-пять тысяч килограммов чайного листа с гектара. А чаевод колхоза «Сакартвело» Лейла Магулария с закрепленной за нею плантации площадью 0,7 гектара собрала двенадцать тысяч двести девяносто восемь килограммов чайного листа.

Герой Социалистического Труда Татьяна Чхаидзе с закрепленной за нею площади 0,5 гектара собрала одиннадцать тысяч сорок килограммов чайного листа.

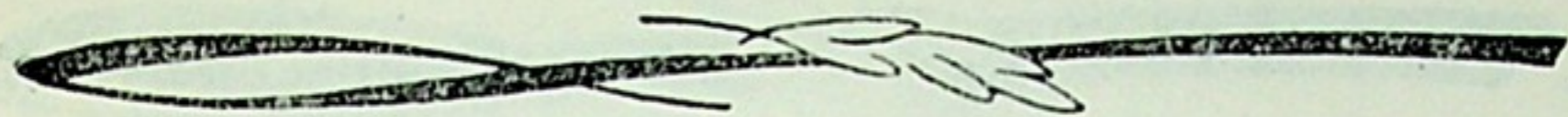
Лейла Магулария и Татьяна Чхаидзе, как вы знаете, не одиноки. Они возглавляют большую армию мастеров высоких урожаев, каких не знают ни Индия, ни даже Китай.

По плану мы предполагали в последнем году семилетки довести сбор чайного листа до ста семидесяти тысяч тонн. Но чаеводы республики, подсчитав свои силы, взяли обязательство дать Родине в 1965 году двести тысяч тонн зеленого чайного листа.

Все это ведет к тому, что мы полностью обеспечим страну этим ценнейшим продуктом, о котором еще в давние времена китайские философы говорили: «Чай удаляет все недуги, прогоняет сонливость, головная боль уменьшается. Он облегчает и освежает тело и проясняет восприимчивость».

Чаеводство, как вы знаете, насчитывает более десяти веков. И вот, впервые за всю его историю, у нас в Грузии советская женщина, ныне лауреат Сталинской премии, Ксения Бахтадзе вывела новые сорта чая, получившие в народе высокую оценку и полное признание.

Писатель. Многие наши поэты очень красочно описали работу сборщиц чайного листа. Они сравнивали их пальцы то с бабочкой, легко порхающей над зелеными нежными побегами, то с игрой вдохновен-

ного пианиста. Последнее сравнение законно, но все же какой это не легкий, прямо скажем, тяжелый труд!

Сбор чайного листа вручную—одна из самых трудоемких работ в сельском хозяйстве. Мне известно, что в Грузии давно ведется работа по созданию чаеуборочных машин. Когда эти машины появятся на плантациях?

Г. Д. Джавахишвили. Вы правы, сбор чайного листа не увеселительная прогулка с песнями, в красивых соломенных шляпах под горячим южным солнцем. Не просто даются нашим чаеводам высокие урожаи.

Вот почему грузинские конструкторы давно работают над созданием чаеуборочных машин. И такая машина уже создана. Она заменяет труд тридцати сборщиц и собирает восемьдесят процентов чая без примеси сухого листа. Надо усовершенствовать на этой машине сортировочное приспособление, и тогда задача будет решена.

Чтобы всесторонне испытать эту машину, мы выделили один из самых крупных в республике Ингирский чайный совхоз, где чайный лист будет собирать только машина. Весь урожай Ингирского совхоза переработают затем на специально выделенной Ингирской чайной фабрике.

Таким образом, мы сумеем проследить от начала до конца процесс сбора и обработки чая и сделать необходимые выводы. Через год-два эта первая в мире уникальная машина станет надежным помощником наших чаеводов.

Писатель. Китайские философы правы—чай, действительно, прекрасный напиток, но чай с лимоном еще лучше...

Несколько лет тому назад небывалые в наших краях морозы нанесли большой урон цитрусовым плантациям. В какой мере удалось восстановить и развить дальше эту отрасль нашего народного хозяйства?

Г. Д. Джавахишвили. Ущерб был, действительно, велик. Особенно пострадали лимоны и апельсины.

Многое нам уже удалось восстановить. (По плану семилетки мы в 1965 году должны будем собрать не менее шестидесяти тысяч тонн цитрусовых плодов.) Мы ставим перед собой задачу не только вывести вперед эту пока еще отстающую у нас отрасль, но и уберечь в будущем цитрусовые плантации от капризов природы.

Недавно мне довелось побывать в Америке. Там, во Флориде, я видел, как американцы обогревают во время заморозков лимонные и апельсиновые рощи. Они на каждые четыре дерева установили по одному обогревательному прибору, которые используются при заморозках. Сообщают из бюро погоды, что надвигается мороз, немедленно включаются приборы, и деревья обогреваются. Это выгодно. Морозы в таких субтропиках бывают редко, и затраты вполне окупаются.

Мы также решили обогревать и укрывать наши цитрусы, особенно лимоны и апельсины. Мандарины не так прихотливы, они легко переносят морозы в девять-десять градусов.

Главное, однако, всемерно улучшить уход за цитрусами. Деревья, как и всякий живой организм, лучше переносят невзгоды и недуги, если они здоровы и получают хорошее питание.

П и с а т е л ь. Виноделие самое древнее и, конечно, самое любимое занятие наших крестьян. Вина Грузии славятся во всем мире. Чем порадуят наши виноградари народ в первой семилетке?

В одной из бесед, напечатанных в «Дружбе народов», первый секретарь ЦК Компартии Молдавии товарищ Сердюк говорил писателю П. Вершигоре, что молдавские колхозники решили всемерно развивать виноградарство и превратить свою республику в самый большой сад Страны Советов.

Неужели мы уступим Молдавии наше первенство?

Г. Д. Дж а в а х и ш в и л и. Нет, не уступим!

Правда, молдаване имеют больше свободной земли, чтобы закладывать новые виноградники. Наши же возможности в этом отношении ограничены. (К концу семилетки мы доведем площади под виноградниками до ста пятидесяти тысяч гектаров, а к 1970 году до двухсот—двухсот пятидесяти тысяч.) У Молдавии виноградников будет несомненно больше, но по качеству вин мы не только молдаванам, но и никому другому первенства не отдадим. Залогом этому — многовековой опыт наших виноградарей, который передается из поколения в поколение, а также высокая культура производства.

Мастерство грузинских виноделов признано повсюду. И неспроста поэтому осенью 1962 года именно у нас, в Тбилиси, состоится Всемирный конгресс виноделов. К нам приедут виноделы братских республик и крупнейшие зарубежные специалисты Венгрии, Болгарии, Румынии, Франции, Италии, Аргентины и многих других стран.

Я надеюсь, что наши гости увидят в Грузии много для себя интересного и полезного, а также наши специалисты и ученые сумеют использовать хороший опыт зарубежных виноделов. Вы, наверное, знаете, что из шестидесяти восьми районов республики виноградарством, занимаются колхозы и совхозы шестидесяти двух районов. У нас построены десятки заводов первичного виноделия, заводы шампанского, коньячные заводы. Все эти предприятия оснащены самой передовой техникой. В Кварельском районе мы строим огромное подземное хранилище длиной до двух километров. Там мы будем закладывать вина на старение, на долголетнюю выдержку.

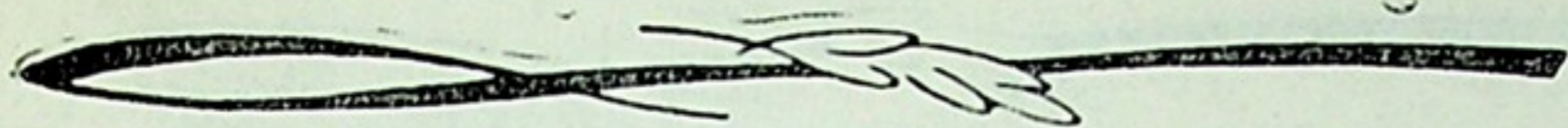
Наши вина на двух международных конкурсах в 1958 году получили восемнадцать золотых и серебряных медалей. Тридцать медалей (в том числе десять золотых) присуждено им на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве в 1958 году.

П и с а т е л ь. Видно, не так-то легко будет оспаривать первенство у грузинских виноделов! Но вот, к сожалению, с табаком у нас несколько другая картина. Курильщики утверждают, что качество знаменитых ароматических табаков Грузии заметно ухудшилось. Я сам не курящий и не очень страдаю от этого, но славой наших табаков все же дорожу. Да и курильщиков обижать, по-моему, не следует.

Г. Д. Дж а в а х и ш в и л и. Это правда. Колхозы в последнее время увлеклись получением высоких урожаев табака, и это несколько повлияло на качество.

— Нужно снизить урожайность, чтобы повысить качество, — утверждают некоторые табаководы.

Мне думается, что бросаться из одной крайности в другую не сле-

дует. Надо искать решение этой проблемы, исходя из интересов народного хозяйства. Следует помнить, что семьдесят процентов из общего количества табака, экспортируемого Советским Союзом, приходится на долю нашей республики.

Писатель. На январском Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич упрекнул нас за то, что мы отстали в развитии общественного животноводства.

Г. Д. Джавахишвили. Упрек справедливый.

В республике положение с животноводством сложилось так: у колхозников в личном пользовании коров больше, чем на колхозных и совхозных фермах.

Сейчас мы принимаем все меры к тому, чтобы наше общественное животноводство твердо стало на ноги и колхознику не было бы нужды держать свою корову.

(Мы создадим новые мощные совхозы на свободных землях, либо на базе некоторых колхозов.)

Писатель. А скот? Откуда мы его возьмем?

Г. Д. Джавахишвили. Прежде всего за счет воспроизводства. Кроме того, мы будем закупать племенных коров в других республиках, в первую очередь, в прибалтийских и на Украине.

(В Западной Грузии, преимущественно на осушенных землях Колхиды, будут созданы молочно-животноводческие, молочно-овощеводческие и чисто животноводческие совхозы. В Восточной Грузии главным образом будут животноводческо-зерновые совхозы.)

Наша цель — добиться резкого перелома в пользу общественного животноводства. Надо полностью обеспечить города и курорты Грузии молоком и овощами.

Писатель. Для многих районов Грузии проблема орошения — это проблема использования еще не тронутых резервов, резкого повышения урожайности. Ведь продать государству в ближайшие годы пятнадцать миллионов пудов зерна, это значит, в среднем получать с гектара шестьдесят центнеров зерна.

Какие же новые оросительные системы будут созданы в республике за годы семилетки?

Г. Д. Джавахишвили. Сейчас заканчивается большое Сионское водохранилище. Оно позволит нам быстро оросить около девяноста тысяч гектаров засушливых земель. Затем мы думаем решить и проблему Верхней Алазани. Это давняя мечта земледельцев Кахетии. Приход в нашу степь алазанской воды совершит целый переворот в хозяйстве Восточной Грузии.

Здесь чудесные земли, которые сейчас зависят от капризов природы, будут давать устойчивые, обильные урожаи. При любых условиях земля щедро возместит труд человека.

Кроме того, туда, где условий для самотечного полива нет; мы, как нам посоветовал Никита Сергеевич Хрущев, двинем современную технику — поставим насосы, дадим электроэнергию и будем подавать воду на любую высоту.

Писатель. В горах, вы знаете, человеку жить нелегко: скудная земля, короткое лето, даже ячмень не успевает созреть... В советское

время горцы стали спускаться в долины, государство дает им ссуды, строит добротные кирпичные дома. Таких новых деревень уже много в Самгорской степи, в Шираки и Колхиде...

Недавно я возил зарубежных писателей в Шираки к новым поселенцам. Зашли в один дом, гости спрашивают хозяина:

— Легко ли вы расстались с прославленной поэтами романтикой гор?

Признаюсь, я немного растерялся. Вопрос книжный, как на него ответит хозяин?

А он, не мудрствуя, ответил просто и точно:

— В горах у меня была хижина из неотесанного камня сухой кладки. Зимой очаг не согревал наше жилье, и мои три дочери перед сном бросали жребий, кому первой лечь в постель, чтобы согреть ее. А теперь...

Колхозник показал гостям свой дом из трех комнат. Теплый, удобный, обставленный по-городскому... Я хочу спросить вас, Гиви Дмитриевич, как пойдет в дальнейшем переселение горцев в долину?

Г. Д. Джавахишвили. Правительство будет оказывать по-прежнему всемерную помощь каждому, кто захочет спуститься с гор. Принуждать никого не будем.

Писатель. Мне думается, наш разговор о семилетке Грузии был бы неполным, если бы мы не коснулись вопросов науки и культуры.

Г. Д. Джавахишвили. Есть опасность повторить то, что уже известно читателям «Дружбы народов».

Кто не знает грузинских поэтов и писателей, художников, музыкантов. Грузинские фильмы, как и наши певцы и танцевальные ансамбли, прославились далеко за пределами Страны Советов. А кто не знает трудов наших всемирно прославленных ученых — физиков и математиков, биологов и языковедов, химиков и астрономов. Труды наших ученых переведены на русский и иностранные языки.

Ректор Сорбонны Марсель Преппин, посетивший нашу республику, помнится, писал:

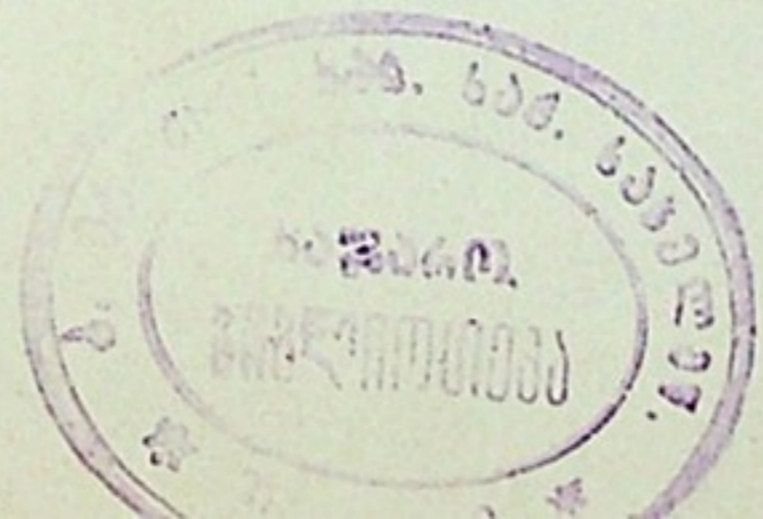
«В Грузии мы видели высокий уровень культуры. Достоинно удивления и прямо-таки поразительно, что эта маленькая страна имеет столько же научных кадров, сколько имеется во Франции с ее сорокамиллионным населением».

В Грузинской республике создано сто пятьдесят научно-исследовательских учреждений. Талантливые наши ученые успешно ведут исследования в области ядерной физики, физики низких температур, космических лучей. Предполагается создание института полупроводников, где будут решаться проблемы, имеющие огромное значение для вычислительной техники, телемеханики, автоматике. Среди новых научно-исследовательских учреждений — институт прикладной химии, крупный Вычислительный центр. Недавно мы создали институт кибернетики, который является ведущим в этой области по всему Советскому Союзу.

Можно долго продолжать этот перечень, можно назвать десятки имен крупных ученых, академиков: Николая Мухелишвили — выдающегося математика, известного далеко за пределами нашей страны своими научными трудами в области проблем теории упругости; Ивана Бериташвили — крупнейшего физиолога страны; Элевтера Андроника-

საქართველოს
საქართველოს

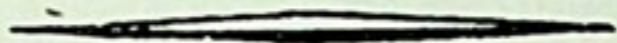
швили, Шалвы Амиранашвили, Виктора Купрадзе, Георгия Меликишвили и других ученых с мировым именем.

Писатель. Я и без того много времени отнял у вас, но вы разрешите, Гиви Дмитриевич, задать вам еще один вопрос, которым мы и закончим нашу беседу.

Третий год семилетки — это год сорокалетия Советской власти в Грузии, это год XXII партийного съезда. Какие подарки подготовят трудящиеся нашей республики к этим знаменательным событиям?

Г. Д. Джавахишвили. Успешно выполним решения январского Пленума ЦК КПСС — это и будет нашим лучшим и главным подарком Родине и партии.

Вместе со всеми народами Советского Союза мы будем бороться за досрочное выполнение предначертаний семилетнего плана — величественной программы строительства коммунизма.

ГРУЗИИ СОВЕТСКОЙ

Николай Тихонов

К ВЕРШИНАМ ВЕКА!

Из давних в Грузии скитаний
Я вспоминаю день один:
Мы шли в Орбели из Альпани
Тесниной краше всех теснин.

Здесь воды синие искрились,
И легкий ветер оевал,
Все зеленело — мы дивились
На этот маленький Дарьял.

И мы забыли время года,
Казалось, все вокруг цветет,
И мы дышали, как природа,
Тем малым раем в плеске вод.

А вот теперь в теснине этой
Плотины грозной высота,
Чтоб дать стране потоки света
Вся Ладжанури заперта.

Могучим падает каскадом
Томящийся в теснине вал —
А ты стоишь с каскадом рядом:
Он кончен, маленький Дарьял.

Не ветер легкий оевает —
Вихрь пенных брызг навстречу бьет,
Здесь прошлое в пучине тает,
И гром грядущего встает.

О Грузия, твоим красотам
Опять, как прежде, нет числа,
По созданным тобой высотам
К вершинам века ты взошла!

Максим Рыльский

РАДЯНСЬКІЙ ГРУЗІІ

Безсмертна Грузіє, в огні неопалима,
Незламна в подвигах, квітуча у віках!
Ти свято бережеш дідів священний прах
Але нова зоря тобі сіяє, зрима.

Тебе я згадую, із України гість.
Як згадують сестру ласкаву та гостинну.
Яка щаслива ти, що в грозову годину
Дух Леніна послав тобі високу вість!

Хай живоносний дощ твої долини росить,
Хай гроно гір твоїх сіяє вище хмар,
Хай чашу радості, дорогоцінний дар,
Міцна рука твоя у небеса підносить!

21 квітня 1961 р.

Павло Тычина

ДАВИДУ ГУРАМИШВИЛИ

Удивительная сила —
наша дружная семья:
Украина и Россия,
с ними Грузия твоя.
Мы сердца соединили —
не найти прочней родства.
С нами ты, Гурамишвили,
песнь твоя жива.

Что так молодит поэта?
Словно был ты среди нас
вот недавно — этим летом,
нынче утром — вот сейчас.
Из твоей мы чаши пили
сок поэзии живой.

Слышен нам, Гурамишвили,
чистый голос твой.

Пел открыто, думал прямо,
жизнь твоя прошла в борьбе.
Миргород и Сагурамо
вспоминают о тебе...
Дружбе мы пути открыли,
поколение Октября.
Погляди, Гурамишвили, —
занялась заря...

Мир поэзии великой
с каждым новым днем новей.
Ярче блеска сердолика
свет сердечности твоей.
Навсегда мы полюбили
нежные твои слова.
С нами ты, Гурамишвили,
песнь твоя жива.

Перевод с украинского Л. Озерова.

Антанас Венцлова

ПЕСНЯ У КОСТРА

Был туман беспросветен на диво.
Будто залило мир молоком.
Лишь в упор мы горбатые ивы
Различали, спеша большаком;
И напевом осенней печали
Провода телеграфа звучали.

Так мы ехали по Жемайтии¹,
Под дождем, по дорогам войны.
Осень. Тучи нависли густые.
И шагали, во тьме не видны,
По грязи, через лес и болота,
Наши воины, наша пехота.

¹ Жемайтия — западный край Литвы.

Ветер в сучьях обломанных резче,
Злее воет, и дождик стучит,
И на западе темном зловеще
Полыхают пожары в ночи.
Вот к усадьбе свернула дорога,
Видны дом и костер у порога.

Это взвод на пути отдыхает,
Пехотинцы расселись дугой,
И один на гармонии играет,
Хмуро смотрит на пламя другой,
Третий грубые греет ладони,
Помогая словами гармонии.

И вступают в мелодию вместе
Голоса пехотинцев простых;
У костра предложили нам место,
Мы присели в шинелях сырых,
И сидели вот так до рассвета.
Не одна была песня пропета.

Нам напомнила песня простая
То, что было от нас далеко, —
Словно звон колокольчиков, тая,
Лился тихий напев «Сулико».
Он родился далеко, далеко,
Там, где горы сияют высоко.

Гас костер, и звучанием ладным
Эхо песни затихло вдали.
Ранним утром, сырым и прохладным,
Мы с друзьями беседу вели...
В Жемайтии в рассветную пору
Смолкла песня, как ропоты бора.

— Познакомимся! Я — Мосашвили, —
Стройный юноша проговорил, —
Вот грузины Литву посетили,
То есть, вас я, грузин, посетил.
Победим — приезжайте в Тбилиси...
Ну, ребята, — пора! Поднялись!

И на запад ушли по дороге,
Помахали мы им издали...

Сердце дрогнуло: гордый и строгий
Встал Казбек в серебристой пыли, —
Письменами столетий забытых
Засверкали гранитные плиты.

Все, кто грелись костром полуночным,
О товарищи, живы ли вы?
Пахнет майской пылью цветочной
От Кавказа до самой Литвы;
Мир свободы, мир солнца и мая,
За тебя я бокал поднимаю!

Гость Кавказа, кричу ему: «Здравствуй!»
Слышу вновь я напев «Сулико»,
Над рекой, над сиренью вихрастой,
В синеве — журавли высоко...
Вот литовцы твой край полюбили
Так, как любишь ты сам, Мосашвили!

Там, где Балтика плещет сурово,
Вырос я, ты — родился в горах;
Не забыть нам костра путевого,
Жемайтии истоптанный шлях.
Полыхать нашей дружбе свободной —
Она светит нам ярким
костром путеводным.

Перевод с литовского.

Гафур Гулям

БРАТСКИЙ ПРИВЕТ!

Славное сорокалетие Грузинской Советской Социалистической Республики узбекский народ празднует, как свой праздник. Ибо кто, как не самый близкий, радуется успехам соседей, а мы, грузины и узбеки, — родные братья в великой семье народов — Советском Союзе!

История культуры грузинского народа восходит к самым древним временам. Мы, советские люди, гордимся, что одна из древнейших письменностей мира была создана на территории теперешней Грузии, в стране древней цивилизации — Урарту.

Великий певец грузинского народа Шота Руставели близок нам, узбекам, точно так же, как и наш Алишер Навои. Узбекский народ с любовью читает на родном языке знаменитую поэму «Витязь в тигровой шкуре». Я тоже имел честь еще в тридцатых годах взяться за перевод этой поэмы и перевести отрывки из нее. Мне с большим удовольствием приходилось переводить на узбекский язык и советских грузинских поэтов.

Произведения грузинской литературы известны во всех уголках нашего солнечного Узбекистана, узбекские читатели узнают из них о богатом духовном мире грузинского народа.

В день юбилея Грузии узбекский народ шлет братскому народу свои горячие поздравления и пожелания дальнейших успехов в нашем общем деле — коммунистическом строительстве.

Пусть живет и здравствует великая дружба народов нашей страны!

Грация Кочар

ПАМЯТНИК БРАТСТВА

Вот уже 40 лет поэты Грузии и Армении являются свидетелями национального возрождения своей родины... Песня и слово грузинского народа приобрели новые чарующие цвета и краски. В творчестве Галактиона Табидзе и Иосифа Гришашвили, Паоло Яшвили и Тициана Табидзе, Георгия Леонидзе, Георгия Кучишвили, Симона Чиковани, Ираклия Абашидзе, Григола Абашидзе, Алио Мирцхулава, Реваза Маргиани, Иосифа Нонешвили и других поэтов всегда приветствует живая душа грузинского народа.

Так же замечательна, богата красками и содержанием и грузинская проза... Творчество Константи́на Гамсахурдиа согрето тем великим чувством, благодаря которому писатель-патриот достигает чистоты флюберовской поэзии. Тот, кто сочтет это за гиперболу, пусть ознакомится с классическим произведением Гамсахурдиа «Десница великого мастера».

В любой хрестоматии, как бы умело она ни была составлена, отрывки из произведений прозы и драматургии не могут дать полного представления о творчестве автора, так же, как нельзя себе представить всего ансамбля большого архитектурного строения, если увидишь только один красиво отесанный его камень. Мы видим в вышедшем недавно на армянском языке сборнике «Избранные страницы грузин-

ской литературы» «капители» и «орнаменты», принадлежащие кисти Шалвы Дадиани, Нико Лордкипанидзе, Михаила Джавахишвили, Лео Киачели, Константина Лордкипанидзе и других писателей, и утешаемся мыслью, что армянский читатель еще прочитает их произведения полностью.

«Избранные страницы грузинской литературы» вызывают у нас живейший отклик, и невольно вспоминаются полные веры поэтические строки Ованеса Туманяна, который предсказывал, что настанут дни возрождения наших народов, и призывал поэтов «воспевать лучезарную новую жизнь новой песней, новым стихом, новым словом».

Сбылись слова великого армянского поэта: настали эти желанные дни, и сегодня поэты посвящают своему Отечеству строки, полные восторга.

Обновленная жизнь грузинского и армянского народов является одним из источников вдохновения поэтов Грузии и Армении.

«Вся ты росой кровавой источена,
 Вся ты врагами истерзана в клочья,
 Но не смогли иссушить источника:
 Неистощимая жизнь клокочет!» —

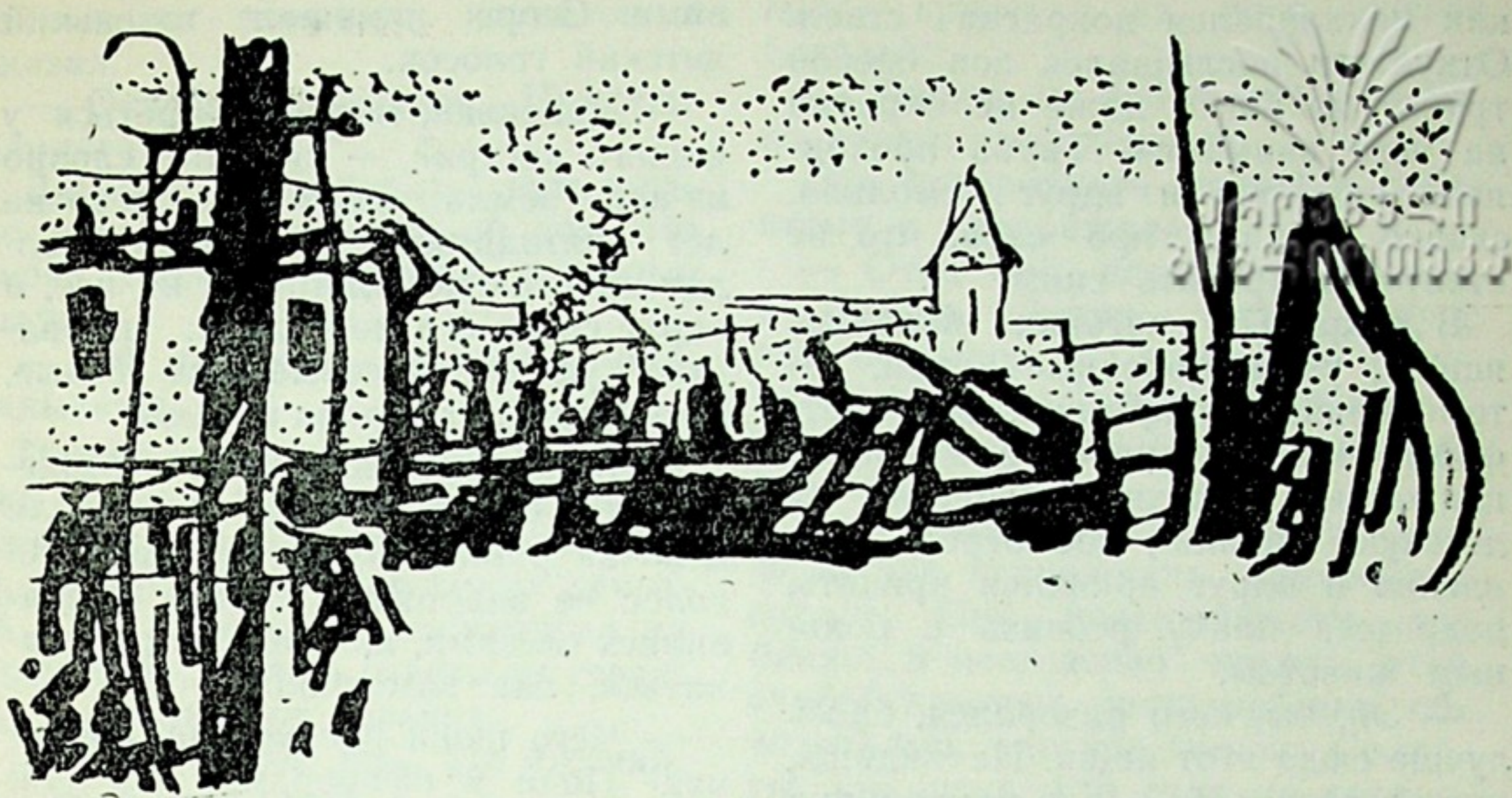
говорит Георгий Леонидзе в своем стихотворении «К Армении».

В грузинской поэзии много прекрасных стихов об армянском народе, об Армении, согретых этим великим чувством. Авторами этих стихотворений являются Сандро Шаншиашвили, Иосиф Гришашвили, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Симон Чиковани, Сандро Эули, Иосиф Нонешвили, Теймураз Джангулашвили и другие. В произведениях грузинских поэтов, наряду с бессмертными образами Акакия Церетели, Ильи Чавчавадзе и Важа Пшавела, нашли отражение образы и наших великих поэтов Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна.

Сборник «Избранные страницы грузинской литературы» — этот памятник братства и дружбы наших народов, станет горячо любимой книгой армянских читателей.

Прими, любимая братская Грузия, страна героев и поэтов, этот дар армянских писателей в день твоего сорокалетия!

Демна Шенгелая

Февраль

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Б. Гасса

Воинский порядок в меньшевистской гвардии распался. Гарнизон поспешно уходил из Мцхета в сырую февральскую ночь. Откуда-то с края земли доносился гул пушечных выстрелов, и солдаты переглядывались, ничего не понимая, — в кого еще стрелять, когда уже нет ни войны, ни армии.

В воздухе кружились лохматые хлопья снега.

Всегда глухой, тихий дачный вокзал сейчас бурлил людской накипью. Меньшевистское правительство бежало. Разрозненные отряды отступали. Офицеры суетились по перрону, кричали, бранились — каждый думал лишь о спасении своей жизни.

Вокзал был набит беженцами, фургонами, пулеметами, тюками с награбленным добром. На рельсах зябли паровозы с длинным хвостом деревянных вагонов, изрешеченных пулями. Свинцовое небо карежилось, как dranka, и косо смотрело на это скопище военных.

Дезертиры разграбили склады яблок, и повсюду валялись турашаули, ранет, шафран... А в задумчивой тишине февраля пылал в предрассветном багрянце Тбилиси.

Бивак был освещен кострами. Доски ящиков из-под патронов жарко пылали. Гвардеец в мокрой шинели сунул в костер свою винтовку и осовелыми глазами смотрел, как языки пламени лизали приклад,

как накаливался докрасна ствол. Откуда-то послышался зов боевой трубы, но никто даже не обратил на него внимания. Труба прохрипела еще раз и вдруг смолкла, словно решила про себя, что не стоит зря тратить силы.

В открытых вагонах валялись ящики, узлы, походные кухни, автомобильные покрышки. На платформу залез гвардеец в мохнатой шапке. Он нечаянно наступил на детскую шибак¹, посмотрел удивленно и вдруг принялся кричать, подражая плачу ребенка с больным животом.

— Эй, ты, чего разорался, брось лучше сюда этот ящик. Не видишь, костер догорает, — зло прикрикнул на него окоченевший от холода солдат.

Гвардеец сунул шибак за пазуху, как-то странно огляделся вокруг и, словно набравшись решимости, принялся остервенело сдирать крышку с ящика. Высыпав патроны, он бросил пустой ящик солдату.

Издали донеслись дружные залпы.

Им ответил глухой стон. Рядом с костром в снегу корчилась от схваток беременная женщина.

Поодаль торчало из снега туловище швейной машины с оторванной головой. На свернутой шее крупно выделялись золотые буквы: «Зингер и К^о». К Зингеру прижимался белый сеттер. Обратив к рваным тучам коленкоровый нос, он жалобно выл.

— За душу тянет, проклятый, — прохрипел скуластый солдат и, ругаясь на чем свет стоит, выстрелил в пса. Сеттер с визгом подпрыгнул и тяжело, как набитый ячменем мешок, повалился в грязь. Солдат поправил в головах конский подседельник и прилег у костра. На него брезгливо посмотрел пожилой солдат с клочкастыми бро-

вьями. Сгоре помешал тоненький детский голосок.

— Дяденьки, можно погреться у вашего костра? — сказала словно из-под земли выросшая девочка лет пятнадцати. Пожилой солдат пристально посмотрел на нее, и вдруг глаза его потеплели: из рваных туфельек высывались голые, посиневшие от холода пальцы.

— Мама потеряла меня в Мцхета... и я осталась одна, — сказала девочка робко, и еще не окрепший голос ее задрожал. Глаза наполнились слезами, и, чтобы не расплакаться, она замолчала.

— Чего нюни распустила, сопливая! Поди к офицерам, они уж пригреют тебя, — захохотал скуластый солдат, кивая в сторону пьяных офицеров, которые развязно шутили на перроне с проститутками.

— Креста на тебе нет, проклятый! Чего прицепился к ребенку, — прикрикнул на него пожилой солдат.

— Иди, иди, согрейся, — приласкал он озябшую девочку и подвинулся, чтобы она могла сесть на шинель. — У меня тоже есть дочка... Кесанэ зовут ее... И ждет доченька меня... Ты слышала деревню Аскала? Это в Гурии, девочка, в Гурии... Сейчас там зеленеют горы, пробивается трава... Люблю я мою Кесанэ. — Девочка доверчиво посмотрела на него черными влажными глазами. Она покорно села на шинель и так съжилась, что у солдата от жалости слеза закипела на сердце.

Немного обогревшись, девочка еще ближе придвинулась к солдату и часто зашептала ему на ухо:

— Что мне делать, дедушка... Моего отца увезли с арестованными большевиками. А я затерялась в толпе, отстала...

— Успокойся, доченька, я тебя не дам в обиду, — попытался утешить ее старый солдат. Он достал из кармана бутылку с остав-

¹ Детская трубка в люльке.

шимся на донышке коньяком и сказал:

— Отпей, согреешься. Придешь немного в себя.

Девочка отхлебнула чуть-чуть, но коньяк так обжег ей рот, что перед глазами поплыли огненные шары.

— Ой, горячий, — выпалила она, задыхаясь.

Пожилой солдат улыбнулся и допил остаток коньяка. Потом он извлек из кармана три галеты, сдунул с них табак и протянул девочке. Она благодарно посмотрела на «дедушку», но есть галеты не стала: во рту горело от коньяка.

— Ешь, дочка, ешь. Не стесняйся... Как твое имя?

— Тина.

— Тина, — повторил он. — Кушай, Тинико, ты, наверное, голодна.

Девочка грызла галету так по-детски самозабвенно, что у солдата вдруг от души отлегло.

— Не могу понять, Тинико, почему преследуют нас эти большевики, чего им от нас нужно, может, хоть ты мне ответишь? — сказал полушутя пожилой солдат.

Девочка недоверчиво посмотрела на него, потом обвела долгим взглядом остальных солдат, дремавших у костра. Лицо ее посветлело.

— Мой отец хочет, чтобы все жили хорошо, — торопливо залепетала она. — Один раз он сказал мне: я готов пожертвовать собой ради счастья людей, и ты не бойся... Я не боюсь... И все же иногда страшно. А вы стреляете в них... Не стреляйте... Не стреляйте в моего отца... Бог свидетель, он хочет вам добра...

— Э-э, чего ты там мелешь! Знаем, что ты за фрукт, большевика! — оборвал ее губастый солдат и потянулся за винтовкой.

Девочка вся вспыхнула и, уже не по-детски гордо повернув к нему голову, посмотрела полными укора глазами.

— Эй ты, герой, ребенка пуга-

ешь! — привстал на ноги другой солдат.

— Говори, не бойся его, — ласково ободрил он девочку.

Она повернулась спиной к губастому и продолжала:

— Отец мой часто рассказывал о Ленине. Ленин... Ленин — друг всех бедняков. Вы не видели Ленина? А я видела Ленина на снимке... Он улыбался... Глаза у Ленина добрые, добрые...

Тина говорила увлеченно, искренне, и эта искренность привлекала солдат. Они подсаживались все ближе, и постепенно вокруг этой слабой девочки, почти ребенка, образовалось плотное кольцо. Солдаты, кто лежа, кто сидя на корточках, слушали ее рассказ. Слушали и, казалось, слова девочки были для них светом надежды.

Только один солдат угрюмо сидел в сторонке. Наконец он оторвался от своих дум и присел к костру. Наивный рассказ девочки захватил и его. Солдат украдкой достал из кармана яблоко, почистил его перочинным ножом и протянул Тине. Она застенчиво улыбнулась ему и взяла яблоко. Кушала и торопливо лопотала. Утомленная от бессонной ночи девочка склонила голову на колени пожилого солдата. Свернулась калачиком и сладко уснула. Рука ее крепко сжимала яблоко, надкусанное маленькими, как у мышонка, зубами.

Солдаты молчали. Один из них нежно положил себе на коричневую от оружейного масла ладонь ее косичку и держал так, будто взвешивал. Затем бережно опустил косичку и сказал:

— Видали, наша Тинико!

Он услышал свой голос и вздрогнул. Разозлившись сам не зная на что, смачно плюнул в ночь.

Солдаты улыбнулись.

Костер все еще горел.

Мертвая собака валялась в грязи.

Пьяные офицеры все так же развлекались на перроне.

Ираклий Абашидзе

КОРНИ

Вознесен над Ефратом и Тигром,
сверху вниз я смотрел на века,
обведенные смутным пунктиром,
цвета глины и цвета песка.

И клонилась, клонилась средь ночи
К Междуречью моя голова.
Я без страха глядел в его очи,
словно в очи заснувшего льва.

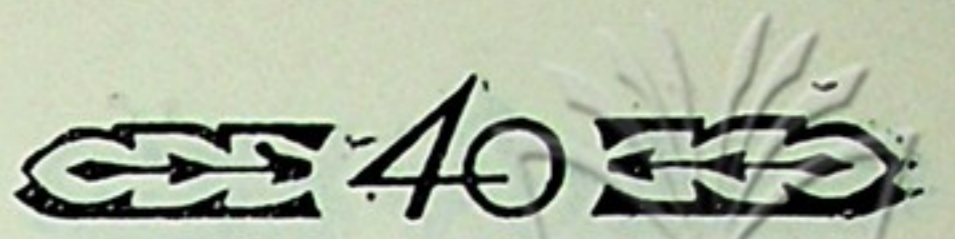
Там, вверху, я оплакал утрату
тех времен, что теперь далеки,
когда белая темень Урарту
вдруг мои осенила зрачки.

И когда в повороте капризном
промелькнул, словно тень меж ресниц,
дорогой и таинственный призрак
шуберийских и хетских границ.

Приласкать мои руки хотели —
но лишь воздух остался в руках —
голубей, обитавших в Халдее,
в разоренных ее облаках.

Что-то было тревожное в этом
вихревом и высоком дыму,
белым цветом и розовым цветом
восходившем к лицу моему.

О, куда бы себя ни умчала,
свой исток да припомнит река!
Кровь моя обрела здесь начало
и меня дожидалась века.

УДК 82.01
ББК 84.001.01

В скольких женщинах, скольких мужчинах
билась пульсов моих частота.
Так вино созревает в кувшинах
и потом услаждает уста.

И пока тяжелы мои корни
посреди занесенных полей,
я—всего лишь подобие кроны
над могилою этих корней.

ХВАМЛИ

Я, как к женщинам, шел к городам.
Города, был обласкан я вами.
Но когда я любил Амстердам,
в Амстердаме я плакал о Хвамли.

Скромным жестом боги ко мне
протянула ты руки, Эллада.
Я в садах твоих спал, и во сне
видел Хвамли я в день снегопада.

О Эмпайер, по воле твоей
я парил высоко над Гудзоном.
Сумма всех площадей и полей
представлялась мне малым газоном..

Но твердил я: О Хвамли, лишь ты,
лишь снегов твоих вечный порядок,
древний воздух твоей высоты
так тяжел моим легким и сладок.

Гент, ответь мне, Радом, подтверди —
вас ли я не любил? И не к вам ли
я спешил, чтоб у вас на груди
опечаленно вспомнить о Хвамли?

Благодарствуй, земля! Женских глаз
над тобой так огромно свеченье.
Но лишь раз я любил. И лишь раз
все на свете имело значенье.

Воплотивший единственность ту,
Хвамли, выйди ко мне из тумана,
и вольюсь я в твою высоту —
обреченный, как сын Амирана.

ОПУСТЕВШАЯ ДАЧА

Увы, ущелие пустое!
Давно ли в сетке гамака
желтело платьице простое,
как птица в глубине силка?

Давно ли женщина глядела
глазами чуть наискосок?
Кто улетел? Что улетело
и след впечатало в песок?

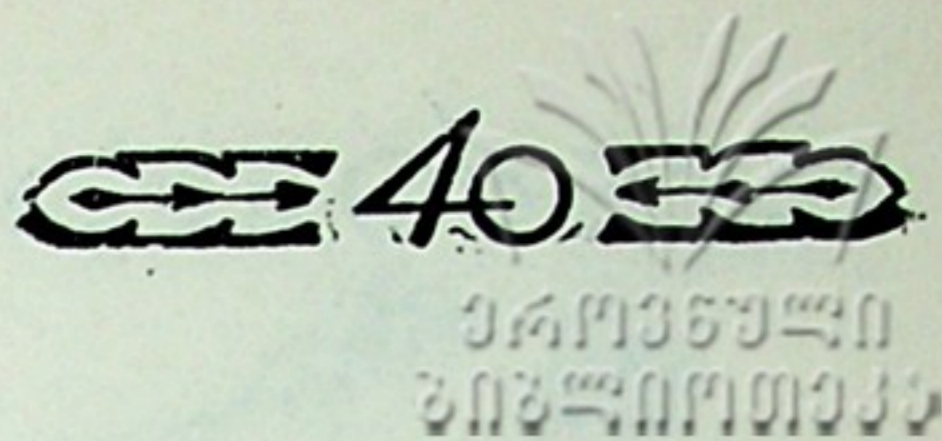
Давно ль смородиной зеленой
играли пальчики любви,
и на веранде застекленной
шел спор меж милыми людьми?

Но кто ж возник здесь? Что возникло?
Кто плакал и не вытер слез?
Какой бесчинствовал возница?
Куда увез? Зачем увез?

Под сенью бедного ореха
чего я жду? Кого я жду?
Какого голоса и смеха?
Какого шепота в саду?

Так утром, при погоде славной,
я шел меж опустевших дач,
овеянный печалью сладкой
и предвкушеньем неудач.

Перевод с грузинского
Беллы Ахмадулиной.

ПАМЯТИ НЕВЫСКАЗАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Я собираю память воедино
О вас — о неродившемся огне.
Вы не ушли! Вы живы, невредимы.
Вас нет во мне.
Но ваш огонь во мне.

Вы были просто красотой неброской,
Свеченьем воска,
Взглядом на звезду —
Не стали камнем,
Не оделись бронзой,
Не завязались яблоком в саду.

Вас опьяняли
Алые апрели,
Орлов полеты,
Низверганье вод,
Долины, дали,
Улицы, панели,
Гуденье параллелей и широт.

Поэт всегда поэт!
И я не первый
Все тайны, недосказанности, бред
Хотел постигнуть вашим лишь напевом,
Лишь вашим сном —
— Поэт всегда поэт!

Поэт всегда поэт.
Мне ваша сила
Казалась не имеющей конца.
Я верил вам слепою верой сына,
На вас глядел с надеждою отца.

Ваш детский взгляд был пристален и светел
Во тьме ночей
И в суматохе дней...
Ваш мудрый взгляд насмешки не заметил
В глазах всепонимающих друзей.

Да, ваша верность — не слова, а дело.
Вы стали смутной памятью уже.

Вы шли за мной до крайнего предела
И полегли на смертном рубеже.

Вы полегли так радостно и вольно,
Сошлась над вами синяя вода,
Как будто тихо погрузились в волны
Старинные большие города.

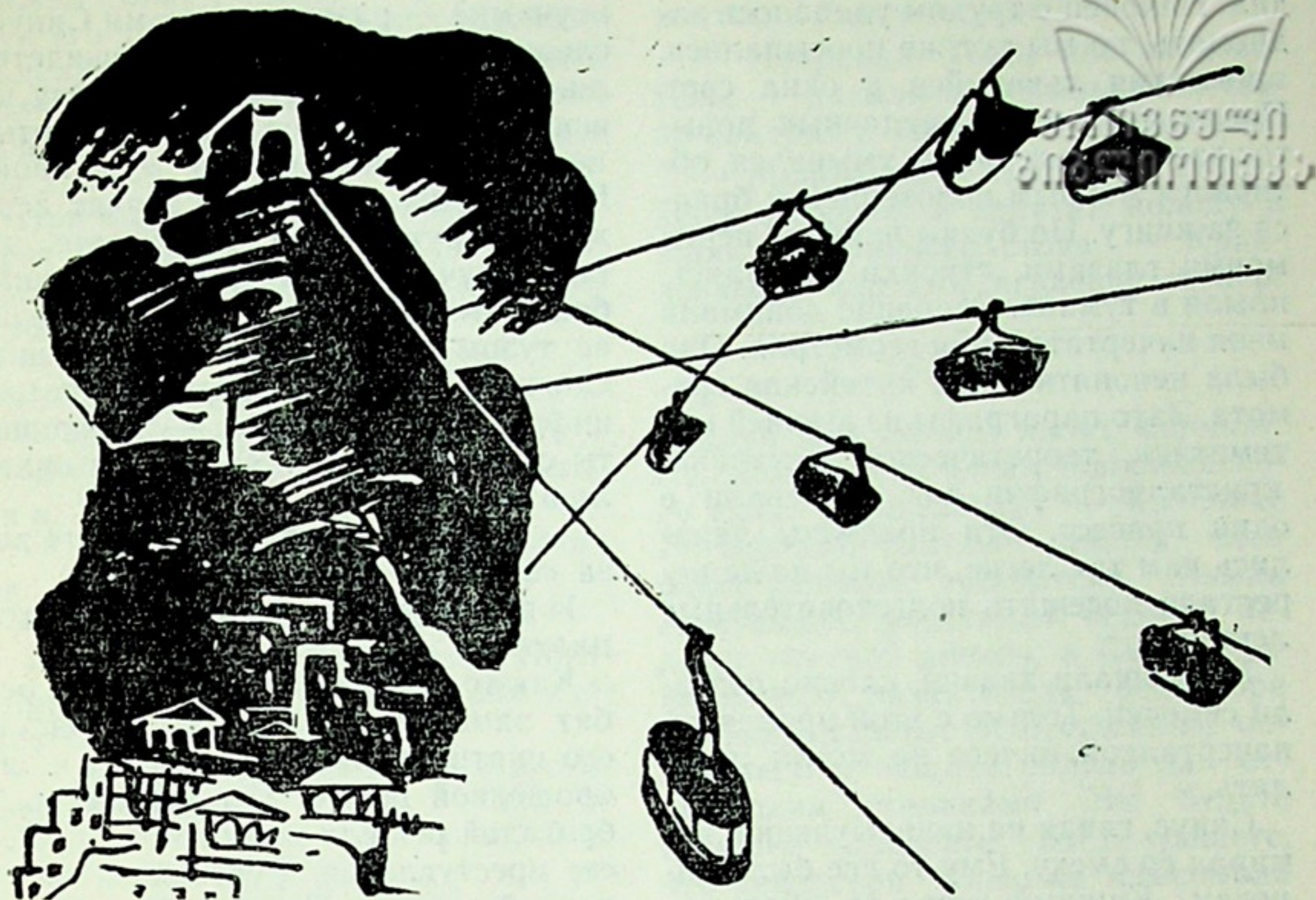
Как называть вас — небом или адом?
Как понимать — причудой иль судьбой?
О, как найти вас — где-то или рядом?
Как провожать — напевом иль мольбой?

Пусть эти строки станут нашей встречей,
Сегодня мы, как в первый день, близки.
Мне, кроме слов, благодарить вас нечем —
— Мир вам!

Мир вам! —
неслышные стихи.

Перевод с грузинского
Валерия Т у р а.

Акакий Белиашвили

ШВИДКАЦА

ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского Б. Гасса и Э. Елигулашвили

Часть вторая

Рис. Д. Нодия

Взявшись за создание бригады коммунистического труда, мы работали, что называется не покладая рук. С шахты возвращались до того усталые, что о занятиях или развлечениях не могло быть и речи. Иногда мы даже забывали поесть и прямо валялись на кровать. Так и спали до самого утра. Впрочем, спать нам приходилось то в полдень, то вечером, то ночью, в зависимости от того, в какой смене работали. Для всех нас, деревенских парней, было настоящей мукой приучить себя к дневному сну. Мы уставали до чер-

Первая часть повести А. Белиашвили «Швидкаца» напечатана в журнале «Литературная Грузия», № 1, 2 за 1961 год.

тиков, а заснуть никак не могли. Глаза горели, в голове шумело, в пояснице ломило, а сон не прихо-

дил. Наконец с трудом удавалось задремать, но мы тут же просыпались, проклиная льющийся в окна свет. После множества неудачных попыток заснуть, я вставал, умывался, обтирался мокрым полотенцем и брался за книгу. Но буквы плясали перед моими глазами, строчки сливались,плыли в тумане. Особенно донимала меня начертательная геометрия. Она была непонятна, как китайская грамота. Зато параграфы из высшей математики, теоретической механики, кристаллографии мы одолевали в один присест. Эти предметы давались нам так легко, что мы даже перестали посещать подготовительные лекции.

Мы решали задачи, словно лужгли семечки. Только с этой проклятой начерталкой ничего не могли поделать.

Синус, глядя на наши мучения, помирал со смеху. Ему-то все было ни почем. Каждый день он старался улизнуть то в кино, то на свидание со своей девушкой. А уж издевкам над нами и зубоскальству не было конца.

— Вы что, собираетесь заживо похоронить себя? — бывало начинал донимать нас Синус. — Грызете устои науки? Что ж, посмотрим, кто останется в прибыли.

— Перестань, Синус, — угрожающе хмурю я брови.

— Мой знакомый Гентор Квахадзе всю жизнь готовился к познанию смысла жизни. С первыми петухами шел на поле, а возвращался в сумерки. Работал в поте лица своего. И что же? Так и помер, не вкусив радости жизни; он даже кусочка сахара не попробовал за все свои мытарства.

— И кто это начинил тебя, Синус, такой мудростью? — смеемся мы.

— Поступайте, как хотите, а я буду жить по-своему

— Слыхали о твоей жизни. Вижу я, по вкусу тебе пришлось проигрывать наши деньги, — не удерживаюсь я от упрека.

— О чем можно говорить с этими

неучами? — разводит руками Синус, словно призывая кого-то в свидетели. — Человек, который ни разу не испытал радости от удачной карты, не достоин называться мужчиной. Вы даже не знаете, что значит держать в руках туза. Понимаете, на столе куча денег, и ты кричишь: банк! Берешь карту, прикрываешь ее тузом и медленно вытягиваешь. Сначала появится краешек, потом цифра, масть. «Очко», — говоришь ты с достоинством. Эх, что вы видели в жизни?!

— Погодите, дорого заплатите вы за «очко», — говорит Тангенс.

И вправду, вскоре пришел час расплаты.

Как-то вечером один из наших ребят заметил, что Пи-эр-квадрат и его партнеры прокрадываются к заброшенной шахте. Мы тут же всей бригадой решили поймать их на месте преступления. Руководить «операцией» взялся Пармен. С трудом отыскали мы искусно прикрытый густой зарослью ежевики вход в туннель. Тихо, чтобы даже дыханием не вспугнуть картежников, пробрались мы в черное чрево туннеля. Но странное дело, ни одного шороха не было слышно вокруг. Наконец Пармен уперся рукой в стену из огромных камней. Нащупав небольшую щель, он ящерицей скользнул меж глыб. Мы последовали за ним. Шахта оказалась сухой и чистой, словно ее пробили только вчера. Откуда-то сбоку доносились голоса. Мы осторожно подкрались к вошедшим в азарт картежникам. Пи-эр-квадрат сдавал карты. Двое о чем-то спорили, усиленно жестикулируя. Мы незаметно окружили их со всех сторон и по команде Пармена нажали на кнопки фонариков. Картежники, застигнутые врасплох, повскакали с мест. Пи-эр-квадрат гневно взглянул на меня и закусил губу.

— Собирайте монетки. Поговорим у директора, — глухо сказал Пармен.

Стыдливо опустив глаза, картежники бочком направились к выходу. Один лишь Пи-эр-квадрат непод-

вижно стоял у стены. Пармен потянул его за руку. Но тот с силой оттолкнул его и, по-бычьему наклонив голову, ринулся на меня. Хорошо, подоспели ребята, иначе завязалась бы драка.

При выходе из туннеля Пи-эр-квадрат оказался рядом со мной. Наклонившись к моему уху, он злобно прошипел:

— Дорого тебе заплатили?

— За что это? — удивился я.

— За шпионство.

— Девять пятьдесят, — засмеялся я.

— Встретимся еще, — пригрозил он.

— А мы уже встретились.

— На дружков надеешься? Поговорим наедине, уж я из тебя сделаю отбивную. Ябеда!

— Дурак ты! — ответил я и отошел в сторону.

* * *

Мы гурьбой вошли в кабинет директора рудника.

— Вот они, герои, — указал рукой на картежников Пармен. Он вкратце рассказал директору о похождениях Пи-эр-квадрата и его товарищей.

Директор внимательно оглядел всех и, не узнав в лицо Пи-эр-квадрата, спросил:

— А ты где работаешь?

— В пятой АТК, — запинаясь, ответил тот.

— Это тебе я обязан открытием на шахте казино? — смерил его взглядом директор. — Или тебе неизвестно, что азартные игры запрещены, — он вдруг разозлился. — Это по таким вот негодникам, как ты, плачут тюрьмы.

— Да мы так, забавлялись... Просто решили перекинуться. Мы ведь не на деньги играли.

— Покажи твои карты, где они?

Директор порывисто ощупал карманы Пи-эр-квадрата, вынул из бокового колоду, поднес к свету и сердито сказал:

— Развлекались, значит. А почему же тогда карты мечены?

— Неправда. Тоже мне следовательно, — нахально ухмыльнулся Пи-эр-квадрат и потянулся за картами.

— Молокосос! — процедил сквозь зубы директор и спрятал колоду в ящик письменного стола. — Крапленными картами играешь, шулер!

* * *

Клуб был битком набит народом. На сцене сидели члены товарищеского суда: председатель — Каленике Богверадзе, знатный шахтер, член бюро райкома, заседатели Мамия Камушадзе, убеленный сединой педагог местной школы, и Симон Цанава, поэт, заместитель редактора районной газеты. Общественный обвинитель и защита сидели за отдельными столиками. Вы будете страшно удивлены, когда узнаете, что секретарь райкома комсомола предложил именно мне выступить обвинителем. Как я ни отказывался, но товарищи поддержали это предложение, и мне пришлось засесть за составление речи. Целых десять дней корпел я над обвинительным словом, исписал столько тетрадей, что ими, пожалуй, можно было отапливать наше общежитие в течение месяца. Наконец решился прочесть свою речь товарищам по бригаде. Потом показал директору, редактору газеты и, уже после их поправок, секретарю райкома.

И вот настал день товарищеского суда. Опросив обвиняемых и свидетелей, председательствующий громко произнес:

— Слово предоставляется общественному обвинителю.

В зале стало так тихо, что слышно было, как бьется муха о стекло.

— Товарищи, — начал я волнуясь, — мы недавно окончили среднюю школу и приехали сюда работать. И вот сегодня я должен обвинять моего товарища по парте. Вы понимаете, как это мне трудно. Но не сказать открыто и честно того, к

чему меня призывает долг, я не могу.

— Вы только послушайте этого лицемера, — выкрикнул кто-то из задних рядов.

В зале захихикали. Я растерянно посмотрел на председателя, потом перевел взгляд на товарищей и смешался. Зазубренная с таким трудом речь мигом вылетела из головы. Хорошо еще, что я захватил тетрадку с полным текстом, иначе даже не знаю, чем бы все это кончилось. Итак, я принялся шпарить по бумажке. Шум в зале постепенно улегся, меня слушали внимательно. Это придало мне бодрости, теперь я часто отрывался от шпаргалки.

— Пиер Квашавидзе учился в одном классе со мной. В школе мы прозвали его Пи-эр-квадратом, ибо он был силен, как бык, и не знал равных в кулачном бою.

По залу пробежал одобрителный смех.

— Окончив школу, я, Лабадзе, Табатадзе, Котрикадзе, Кенчошвили приехали сюда, а Пиер решил попытать счастье в Тбилиси. Однако в институт он не попал и в конце-концов тоже присоединился к нам. Приехать-то он приехал, а вот работать на руднике не захотел. А ведь кому, как не Пиеру, было идти на шахту. Человек он способный (в нашем классе лучше всех решал задачи по алгебре), здоровый, ему на шахте, как говорится, и карты в руки. Но наш Пиер взял да и вправду принялся за карты. Он даже подвел под свое поведение особую философскую базу. Человек, говорил он при каждом удобном случае, должен по возможности меньше работать и больше кушать.

— Вот это открытие! Молодчина, да у него просто ума палата, — язвительно сказал Симон Цанава.

Присутствующие ответили дружным хохотом. Когда вновь воцарилась тишина, я закрыл тетрадку и обратился к залу:

— Разве так думает каждый из вас? Разве это философия человека? Да так поступает только свинья. Да,

только свинья заботится о заполнении желудка, больше она ничего не делает в жизни. Попробуйте, сравните кого-нибудь из присутствующих здесь со свиньей, он вам все ребра пересчитает. А Пиеру Квашавидзе по душе пришлась «философия» свиньи. Более того, он всякий раз насмеялся над нами, чего, мол, убиваетесь, весь ваш заработок за целый год я за один рейс сорву с пассажиров. Товарищи, я вовсе не хочу бросать тень на честных тружеников руля. Конечно, быть шофером почетно, так же, как быть педагогом, слесарем, инженером или шахтером. Однако Пиера влекло к рулю не желание честно работать, а страсть нечестно зарабатывать.

— Эх, вижу я, рос ты на мягких хлебах, не знаешь почему фунт лиха, -- прервал меня чей-то голос.

Я оглянулся и задал ему вопрос.

— А ты знаешь? Так почему ты не стал воровать? Почему не играешь в карты?

Поднялся невообразимый шум. Люди с передних рядов повскакали с мест в надежде увидеть спорщика. Председатель яростно тряс звонком.

— Пусть никто из сидящих здесь не подумает, — продолжал я, стараясь перекричать шум, — что у Пиера было трудное детство. Родители Пиера прекрасные люди. Мать и сестра работают в колхозе, отец — на шахте. Семья живет в достатке. Что же толкнуло Пиера на скользкий путь, почему он оторвался от друзей и погнался за длинным рублем?

А ведь пойдя он в колхоз, так в год выработал бы не меньше 600 трудодней. И мать его отдохнула бы на старости лет, и отец гордился бы сыном. А вот вчера я случайно встретил отца Пиера у входа в столовую. За эти несколько дней он сразу состарился, плечи обвисли. Мне стало его так жаль, что сердце кровью облилось. Мы оба чувствовали себя виновными, не могли смотреть друг другу в глаза. А вы знаете, что сказал мне отец Пиера? Он попросил

меня быть строже с его сыном, примерно наказать, чтобы впредь Пиер не срамил честного имени своего отца-шахтера.

Товарищи, в недостойном поведении Пиера Квашавидзе есть доля и нашей вины. Возьмем хотя бы меня. Я с Пиером учился с первого до одиннадцатого класса. По дороге в школу он каждое утро заходил за мной. Мы сидели за одной партой. А когда Пиер свернул с прямой дороги, погнался за заработком, с издевкой отзывался о честных рабочих, я как-то смотрел на все это сквозь пальцы... И сегодня, выступая обвинителем, чувствую и свою вину.

— Правильно говоришь, — крикнул мне седой шахтер, — мы сами должны бороться со злом.

— Чего же ты молчал, — ответил ему второй, — когда на твоих глазах Караман продал семирублевый ситец по пятнадцати рублей за метр?

— Пора, товарищи, поднять голос против спекулянтов и тунеядцев, — обратился ко всем Мамия Камушадзе.

Я с облегчением вздохнул и сел за свой столик. Только сейчас я вспомнил цитаты и примеры из истории, которыми так обильно была сдобрена записанная в тетради речь. Но горевать об упущенном не приходилось, так как по выступлениям рабочих я чувствовал, что затронул наиболее важные вопросы. А люди говорили искренне, справедливо. Они задали Пиеру и его дружкам такой нагоняй, что мои слова показались им, наверное, слаще сахара.

Под конец председательствующий дал слово обвиняемым. Каждый из них чистосердечно признал свои ошибки и обещал честным трудом искупить вину. Один лишь Пиер сидел молча, я видел, как злобно перекосилась у него рот.

— А ты что скажешь, Квашавидзе? — обратился к нему председатель.

Пиер лениво поднялся со стула и пробормотал себе под нос:

— Даю слово исправиться. — Потом, метнув на меня злой взгляд, добавил: — А с Нодаром у нас свои счеты, мы еще поговорим.

* * *

Мое выступление на товарищеском суде дало ребятам пищу для разговоров на целый месяц. В перерывах на шахте часто затевались споры об ответственности за судьбу товарища, о спекулянтах и тунеядцах. Но больше всего толков вызывала последняя реплика Пи-эр-квадрата, грозившего мне отомстить. Несмотря на то, что после суда Пи-эр-квадрат исчез бог весть куда, ребята не упускали случая подшутить надо мной. Часто, притворяясь, будто не замечают, как я прохожу мимо них, они слишком громко спрашивали друг у друга:

— Нодара не видели сегодня?

— Нет, а что?

— Боюсь, как бы не убил его Пи-эр Квашавидзе.

— Типун тебе на язык, что ты мелешь?

— Короткая у тебя память, забыл угрозы Пи-эр-квадрата.

— Да-а, парень он отчаянный, скор на расправу.

— Жалко Нодара, погибнет ни за грош.

— Ребята, а может, Нодару лучше уехать на время?

— Подальше от глаз Пиера?

— А что, это тоже выход.

Такими разговорами они и донимали меня. Особенно изощрялся Арсен Читлакадзе. Стоило ему увидеть меня, как он тут же хватался за голову и вопил истошным голосом:

— Мамочка, помоги! Бедная голова моя, не бей так по шее, ох и излупцевал он меня!

Первое время я смеялся вместе с ними, потом стал сердиться не на шутку. Но что мог я сделать? Нельзя было показывать вида, что обижаюсь. Вот и приходилось сносить дурачества товарищей.

Наконец жизнь вошла в колею, и я сел за учебу. В один из свободных дней я решил вновь пойти к Ци-

сане. Не успел войти в дверь, как Цисана с деловым видом посоветовала срочно подать документы на юридический факультет. Ободренный, я спросил ее в упор:

— Тебе понравилось мое выступление?

— Очень,—ответила она, посмотрев на меня смеющимися глазами. — Главное, говорил ты просто и от души. Без заученных цитат и газетных фраз. Пиер бесится на тебя, но ничего, я вас помирю. Парень он неплохой, только вот избалован родителями, возомнил о себе нивесть что. Привык над одноклассниками командовать, решил, что и здесь все сойдет ему с рук. Вот и получил взбучку. Долго он будет помнить ваш суд. Ты не знаешь, где он сейчас?

— Нет, — ответил я резко и перевел разговор на другую тему.

Мы условились заниматься вместе три раза в неделю, и я счастливый вернулся в общежитие.

Однажды, возвратившись с работы, я умылся, переоделся и уже было собрался идти к Цисане, как кто-то постучал. «Только гостей сейчас не хватает»,—подумал я, открывая дверь. На пороге стояла Цисана. Она была чем-то сильно взволнована. От растерянности я даже не предложил ей войти.

— Можно к вам? — смутилась и она.

— Заходи, заходи, — со всех сторон закричали мои товарищи, вскакивая с кроватей. Непаридзе бросился за веником. Эдишер принялся суетливо заправлять свою кровать. Пармен же, укоризненно качая головой, собрал скатерть и вытряхнул ее в окно.

— А я к тебе собрался, Цисана,—промямлил я.

— Видишь ли, мне почему-то захотелось заниматься у вас в общежитии. Твои товарищи тоже готовятся к экзаменам, вместе, может быть, у нас лучше получится, — начала оправдываться Цисана.

— Конечно, конечно, — поспешили мы согласиться с ней.

Но тут вмешался Пармен:

— Цисана, объясни, пожалуйста, этим неряхам, что пол надо подметать, грязные ботинки снимать у входа в комнату, окурки бросать в пепельницу...

— Хватит, хватит, не позорь нас перед девушкой, — закричали все в один голос.

Пармен ухмыльнулся и развел руками: мол, Цисана и сама видит, какие вы чистюли. Непаридзе принялся так рьяно мести комнату, что пыль взвилась столбом. Мы в мгновение ока навели порядок. Теперь в нашей комнате стало непривычно чисто, кровати были убраны, на столе появилась белая скатерть. Перекидываясь шутками, мы разложили книги, тетради и сели заниматься. Говоря по правде, меня больше устраивало готовиться к экзаменам наедине с Цисаной. У нее дома как-то на душе было спокойно. Но что поделаешь, коли ей взбрело на ум придти к нам!

Весь вечер Цисана сидела молча, а на редкие вопросы отвечала невпопад. Наконец, в самый разгар занятий, она коснулась моей руки и с мольбой в голосе прошептала:

— Нодар, выйдем на минутку, хочу посоветоваться с тобой. — У меня просто заledenело сердце, не собирается ли Цисана сообщить мне дурную весть.

Мы вышли на балкон.

— Нодар, — взволнованно начала Цисана, голос ее дрожал.

— Что случилось, Цисана? Говори.

— Нодар, ты не должен больше приходить ко мне.

— Почему? Разве я сделал что-нибудь не так?

— Нет, ты ни в чем не виноват... Но так будет лучше.

— Ничего не понимаю.

— С сегодняшнего дня я сама буду приходить к вам. Прошу тебя, больше ни о чем не спрашивай.

Ее просьба поразила меня. Как это Цисана, мой лучший друг, не хочет поделиться со мной своими волнениями, открыть мне душу. По-

дозрения терзали меня, но из гордости я решил не перечить ей.

— Воля твоя, — подчеркнуто хладнокровно сказал я, — как хочешь, так и поступай.

— Значит, решено? — не скрывая радости, спросила она. — Да, я забыла сказать тебе еще об одном: не провожай меня домой.

Тут уж я просто ошалел и, не помня себя, наговорил ей кучу дерзостей.

— Может, испугалась кого-нибудь? Боишься мести, дрожишь за свою жизнь? — запальчиво окончил я свою тираду.

— Не болтай глупостей, — сказала она спокойно.

— Поклянись, что это не так.

— Брось шутить, Нодар.

— Мне все ясно, — опять разгорячился я, — боишься!

— Ничего ты не понимаешь, — бросила с упреком Цисана и вошла в комнату. Ребята будто и не заметили ничего, продолжали спорить о решении задачи.

Вскоре пришел Синус. Я испытующе посмотрел ему в глаза. Опять предчувствие недоброго кольнуло меня в сердце.

— Синус, ты ведь собирался в кино?

Он даже не удостоил меня ответом и прямо обратился к Цисане.

— Привет. Как жизнь? Очень рад тебя видеть.

— Почему ты не пошел в кино? — допытывался я.

— Так, расхотелось, — лениво бросил он и, оживившись, принялся донимать Цисану: — Все сохнешь над формулами? Брось, и без них выскочишь замуж.

Тут уже вмешался Пармен. Отложив в сторону газету, которую он читал, наш бригадир гаркнул на Синуса:

— Сам в неучах ходишь и еще другим мешаешь!

Синус не ожидал такого поворота и растерялся. Потом он вкрадчиво попросил Пармена на минутку выйти с ним.

— Что-то сегодня много секретни-

чают, — не преминул съязвить Эдишер.

А мне вновь показалось, что все стараются скрыть от меня какую-то дурную весть. Тангенс продолжал диктовать условия задачи, но я не мог сосредоточиться. Все мое внимание было обращено к двери, за которой скрылись Синус и Пармен, словно там решается моя судьба.

Цисана упорно смотрела в тетрадь, притворяясь, будто решает задачу. Но я чувствовал, что она думает совсем о другом. Всех нас мучило любопытство. Первым сдался Непаридзе. Виновато улыбаясь, он бочком пошел к двери. Потом не выдержал и Эдишер. За ним последовали Тангенс и Котангенс. В комнате остались только я и Цисана. Мне тоже страшно хотелось узнать, о чем это они там шепчутся, но оставить девушку одну было неудобно.

— Цисана, — начал я робко. — Ты ведь мне друг... Скажи, что произошло? — и вдруг меня осенило. — Вернулся Пи-эр-квадрат?

— Нет, что ты, — вспыхнула она, но я мгновенно понял, что не ошибся.

— Ты сама видела его? — уже твердо спросил я.

Цисана вдруг уронила лицо на руки и заплакала.

— Нодар, дорогой, не выходи на улицу, — взволнованно произнесла она.

Сейчас никакие силы не могли бы удержать меня на месте. Выскочив из комнаты, я набросился на Синуса.

— Что шушукаетесь, выкладывайте все начистоту.

— Вечно суешь нос в чужие дела, — попробовал утихомирить меня Синус, — тебя наша беседа не касается.

И в это время из тени вышел Пи-эр-квадрат.

— А говорили, Нодара нет дома, — сказал он вызывающе, — испугались?

— Чего ты корчишь из себя героя, и не таких видали, — грубо оборвал его Пармен.

— Герой не герой, а с вами справлюсь... Нодар, если ты мужчина, отойдем на минутку в сторону.

— Не волнуйтесь, ребята, я и сам с ним договорюсь, — бросил я на ходу и пошел за Пи-эр-квадратом.

Я шел без боязни, очевидно потому, что чувствовал за спиной товарищей, которые каждую минуту могли прийти мне на помощь. Но Пи-эр-квадрат перехитрил нас. За углом его ждала грузовая машина. Он открыл дверцу и с вызовом сказал мне:

— Садись, если ты мужчина.

Что мне оставалось делать? Недолго думая, я сел рядом с ним. Пи-эр-квадрат торопливо включил мотор, дал газу, и мы помчались по освещенной улице. Я оглянулся, и в заднем смотровом окне увидел наших ребят: они размахивали рука-

Однако стоило мне усесться поудобнее и откинуться на спинку сидения, я сразу позабыл обо всех своих страхах и опасениях.

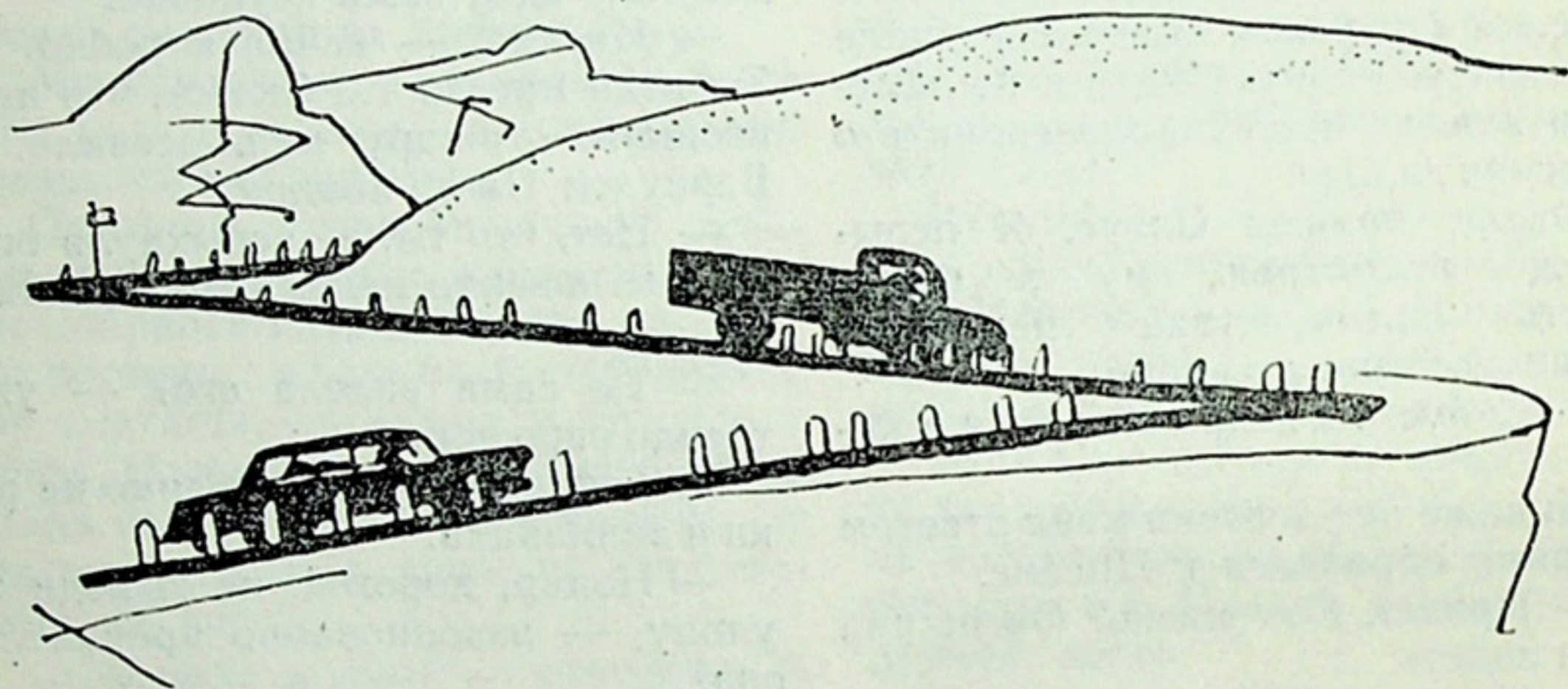
Пи-эр-квадрат гнал машину, как бешеный, время от времени отрывая одну руку от руля и отирая пот, обильно выступивший на лбу. Я равнодушно глядел на дорогу: мне было безразлично, что задумал мой бывший товарищ. Только однажды, когда машину на крутом повороте занесло так, что она проехала на двух колесах, я не выдержал и сказал:

— Куда мчишься очертя голову?

Пи-эр-квадрат быстро глянул на меня и тотчас же отвел взгляд.

— Смерти испугался? — коротко спросил он.

— А ты — не боишься?

ми и что-то кричали. Потом пустились бегом за нашей машиной. Пи-эр-квадрат, не сбавляя скорости, круто повернул влево, и последнее, что я увидел, было испуганное лицо Цисаны, стоявшей на балконе.

* * *

Если говорить откровенно, с тех пор, как Пи-эр-квадрат пригрозил мне: «Мы с тобой еще посчитаемся», я чувствовал себя не совсем спокойно. Нет, это не был страх перед расправой, но чувство какого-то неведомого беспокойства не покидало меня. И теперь, устраиваясь в кабине машины, я испытывал то же самое.

Вместо ответа он нажал на газ с отчаянной решимостью. Потом, как будто совершенно независимо от нашего разговора, спросил:

— Хочешь, мой драндулет перепрыгнет через скалу? — Пи-эр-квадрат испытующе глядел на меня. Машина неслась вперед, круто срезая повороты дороги. Придорожные кусты стремительным пунктиром прочерчивали обочину. Стекло в боковой двери кабины дребезжало тонко и жалобно. Внезапно я услышал протяжный гудок и, оглянувшись, увидел за грохочущим и подпрыгивающим кузовом нагонявший нас грузовик. Его шофер требовательно сиг-

налил, прося уступить дорогу. Трехтонный самосвал обогнал нас и, проехав метров сто—сто пятьдесят, остановился. Из кузова посыпались на землю парни в серых ватниках с ломами в руках.

«Да это же наши ребята! — промелькнуло у меня в голове. — И машина наша». Только теперь дошло до моего сознания, что «преследователи» гнались за нами, чтобы в случае чего прийти мне на помощь. Очевидно, эта же мысль пришла в голову и Пи-эр-квадрату. Увидев, что дорога загорожена чужой машиной, он резко затормозил и, чтобы предотвратить неминуемое столкновение, круто завернул руль. Наш грузовик взрыл землю, как породистый жеребец, и стал сползать с дороги. Задние колеса зацепились за камень, машина встала на дыбы. Последнее, что мне запомнилось тогда, было ослепительно синее небо, опрокинувшееся над нами.

Пришел в себя я в больнице. Долго не мог понять, где я нахожусь и почему тут оказался. Ослепительно белая — от косынки до шуршащего халата — фельдшерица склонилась над изголовьем моей кровати. Заметив, что я открыл глаза, она ласково проговорила:

— Ну как ты теперь?

Я попытался приподняться на локте:

— Где я?

Но фельдшерица бережно и властно положила руку мне на плечо и заставила лечь.

— Тебе нельзя двигаться. Молчи, я сбегая за врачом, — и исчезла из палаты прежде, чем я успел что-нибудь сказать.

Теперь я осмотрел все вокруг более внимательно. Мой взгляд встретился с глазами худощавого бледного старика, который сидел на кровати, свесив ноги, и опирался на сложенные крест-накрест костыли. На другой кровати любопытно поднял голову и уставился на меня парень примерно моих лет. В углу безраз-

лично лежал навзничь больной с рукой, накрепко прибинтованной к шине, торчащей высоко над одеялом.

— Поздравляю, сынок, ты еще легко отделался, — обратился ко мне старик, словно мы были давным-давно знакомы с ним.

Больной с переломом руки тоже повернул голову в мою сторону. Голос у него оказался неожиданно высоким:

— В таком деле без магарыча нельзя. Не всякий вылезет живым из машины, которая попала в аварию.

Старик охотно поддерживает беседу: видно, соскучился по новым собеседникам и свежим темам для разговора. Он натужно оперся на костыли и неумело заковылял к моей кровати.

— Твое счастье — вниз не грохнулись, а то не собрать бы от машины гаек, а от тебя костей. Сейчас можешь не волноваться — переломов, говорят, у тебя нету, а от всяких ссадин да царапин в два счета вылечишься.

— А он как?

— Он? Кто он? — в глазах моего собеседника загорелось любопытство.

— Шофер. — Мне не хотелось рассказывать соседям по палате историю моих взаимоотношений с Пи-эр-квадратом. Да и сил было так мало, что приходилось ограничиваться односложными вопросами и ответами.

Старик стал объяснять:

— Мы даже не знали, что с тобой был еще кто-то. Думали, сам вел машину. А про второго не слышали. Где он, что с ним стало — ничего не знаю. — Видимо, он собирался продолжать, но ему пришлось спешно возвращаться на место, так как в нашу палату вошел врач в сопровождении целой свиты накрахмаленных и отутюженных белых халатов. Почему-то в свите были одни женщины. Врач — черноволосый мужчина с сердитым лицом — подо-

шел ко мне и, крепко обхватив кисть, стал считать пульс. Попутно задавал короткие, деловые вопросы:

— Боли чувствуете?

— Время от времени...

— Ясно. Голова болит?

— Затылок побаливает иногда. Особенно под левым ухом.

— Ясно. Сильно болит?

— Так себе, не очень.

— Ясно. Впрочем боли могут и усиливаться. Но бояться не надо. Следует лежать неподвижно, без моего разрешения не двигаться. Говорить как можно меньше. Ясно?

Я попытался ответить также коротко:

— Ясно.

Толпа белоснежных халатов, оживленно переговариваясь о чем-то вполголоса, поплыла к другим кроватям. Только строгий врач снова подошел ко мне и наклонившись сказал:

— Ничего не стесняйся. Если понадобится что-нибудь, обращайся прямо к санитаркам...

Мне надоели все эти церемонии, и я прервал его:

— Ясно. Мне все ясно, доктор.

С тех пор началось! Фельдшерицы и санитарки сновали вокруг моей кровати: осмотры, лекарства, процедуры, кисель, бульон, куриные котлеты... Словом, можно было подумать, что я переселился в рай, а ангелы, вырядившись в белые халаты, обслуживают меня.

Через несколько дней мне говорят:

— К тебе приехали проведать.

— Впустите, — говорю, — пусть входят раз пришли...—А сам смотрю с интересом на дверь — кто оттуда появится. И вижу, — еще в коридоре увидел, — идет моя мама, смущенно поправляя платок на голове. А за ней виднеются пушистые кукурузные усы — такие родные и знакомые с детства отцовские усы.

— Как живешь, сынок? — гудит отец, стараясь придержать накинутый на плечи больничный халат не

первой чистоты. Но мама не дает мне ответить. Она подбегает к кровати, обнимает меня вместе с подушкой и, прижавшись к моей груди, взволнованно шепчет:

— Мальчик мой, родной, что же с тобой приключилось?.. Я как услышала — в глазах потемнело. Соседка прибегает, говорит: «Сын Терентия вашего Нодара со скалы сбросил...» Чего он хотел от тебя, безбожник, чтоб он не видел радости в жизни. Дошли до меня слухи — это все из-за той девушки, дочки Эмгения. Как услышала я, так и помчалась сюда, к тебе. Я и говорю твоему отцу: «Ну, Симон, надо спасти нашего любимого сына, не дадим ему из-за эмгениевской дочки погибнуть». Ну и поехали. Только почему ты в такую даль забрался, сынок? Если бы не встретился нам на счастье парень Шошины, дай бог ему здоровья, ни за что нам бы тебя не разыскать. Ну а теперь, раз уж я нашла тебя живым, ничего не боюсь, сама за тобой присматривать буду. Возьму с собой, сама тебя на ноги поставлю...

— Пока врачи не разрешают мне двигаться, — прервал я поток материнской нежности... Неожиданно мне на помощь пришел отец:

— Совсем сдурела, старая! Мало тебе хлопот по дому? А за нашим Нодаром здесь лучше тебя присмотрят. — Он оглядел палату и обратился к моим соседям, которые старались сделать вид, будто не слышат наш разговор: — Моя старуха вообразила себя профессором, сама больных лечить собирается!

Я постарался замять неловкость.

— Расскажи-ка лучше, мама, что тот, второй, делает?

— Таким людям ничего не делается, — всплеснула руками мать. — Правда, и у него, говорят, помята бока, только это уж, видать, твои дружки постарались! Бросили его в тюрьму — так ему и надо. А тебе о нем даже интересоваться нечего. — Она низко склонилась над

моей кроватью и зашептала: — Девушка та самая хоть приходит проведать тебя? Вот бы мне глянуть на нее одним глазком. Все говорят про вас, уши прожужжали, а я ее даже не видела!

Как ни старалась мать скрыть от отца свое любопытство, но он, как видно, услышал ее слова и возмущенно захохотал на всю палату:

— Не тебе на ней жениться, нечего и глаза попусту на девушку пялить, смущать ее...

У двери в палату послышался шум. Потом дверь осторожно приоткрылась, и за нею показались наши девушки. Они робко оглядывали палату, а когда увидели меня, радостно и облегченно заулыбались. Но все же долго еще они не могли решиться переступить порог и подталкивали друг друга. Наконец Лия отважно задрала голову и решительно направилась к моей кровати, стуча каблуками, как коза. Это она в шахте привыкла ходить так по железнодорожному полотну — высоко поднимать ногу и потом резко опускать вниз, словно отщелкивая одну шпалу за другой. Голова у нее повязана прозрачной белой косынкой, а щеки горят алым пламенем.

За нею горделиво выступает Додо. Она без косынки, — очевидно, чтобы все могли любоваться ее новой прической: волосы одним движением гребешка зачесаны набок и потом взбиты высоко вверх. Когда Додо так причесывается, все ее уверяют, что она становится похожей на французскую кинозвезду Бриджит Бардо. Бедному влюбленному Синусу только этого не хватало! Анико выглядит скромнее всех. Правда, на ней топорщится короткое платье. Она, бедняжка, выглядит в этом платье вдвое меньше, чем на самом деле.

— Господи, они идут сюда! — заахала мама, увидев, что они направляются прямо ко мне, встала со стула и стала торопливо поправлять

одеяло на постели. Заметив ее смущение, я засмеялся и пошутил:

— Получишь премию, если догадаешься, которая из них моя невеста.

Очевидно, мама так разволновалась, что совершенно перестала понимать шутки, и стала внимательно разглядывать посетительниц. Преодолев первоначальную робость, они расселись по обе стороны от меня и сразу же затараторили. Они рассказывали, торопясь и перебивая друг друга, обо всех новостях, которые произошли на руднике с тех пор, как меня взяли в больницу. Только сейчас узнал я со всеми подробностями, как меня, разбитого и окровавленного, вытащили из перевернутой машины, как вылез из нее Пи-эр-квадрат без единой царапинки, как наши ребята набросились на него, и бог знает, что бы могло случиться, если б на помощь этому дураку не подоспел Пармен.

— Где он сейчас? — спрашиваю я.

— Арестован, — отвечает Додо.

Но Анико не удовлетворяет такой короткий ответ, и она разъясняет:

— Тогда же арестовали его. Он и не отпирался, говорил: «Убейте меня, я во всем виноват». А с его работы еще требуют, чтобы он возместил убытки за разбитую машину...

Мать не выдерживает и вмешивается в наш разговор.

— Ты дочка Эмгения? — обращается она к молчащей все время Лие.

— Какого Эмгения? — удивляется девушка, но я не даю им времени для объяснения и успокаиваю маму:

— Молодец, заработала премию! Хорошая девушка, правда? — А сам отчаянно подмигиваю подругам: мол, потерпите, потом все разъясню. Они недоуменно переглядываются, начинают хихикать и одна за другой выбегают за дверь.

* * *

Ночью у меня начлась тупая, одурманивающая боль где-то внут-

ри. Я проснулся сразу, словно от удара. Все больные в моей палате спали. Слышалось только ровное дыхание, да в углу похрапывал худой старик. Костыли он прислонил к спинке кровати, словно для того, чтобы они охраняли его сон. Под толчком горела маленькая тусклая лампочка, и мне почему-то казалось, что ее окутывает густой туман.

Тишина. Только в коридоре изредка прошелестят шлепанцы дежурной сестры.

Я не могу заснуть — боль не отпускает, она подступает откуда-то изнутри и не дает сомкнуть глаз. Хоть бы перевернуться на другой бок, может, тогда стало бы легче, но не могу... От кого-то я слышал, что в подобных случаях нужно считать — до ста, до двухсот, до тысячи.

И я начинаю считать. Но ничего не помогает — по-прежнему боль сверлит виски, по-прежнему не спится. В окна осторожно заглядывают мохнатые ели. Освещенные электрическим светом, они напоминают мужчин в накинутых на плечи бурках. Стоят они себе, чуть покачивая ветками, и ни о чем не думают, ни о чем не беспокоятся.

...Цисана так и не пришла провести меня, не собралась. Впрочем, и ребята пока не приходили, видно не смогли, сейчас у нас каждая минута на счету. Ну, за них можно быть спокойным — как вырвутся хоть на полчаса — тотчас же прибегут. Друзья меня не забудут.

Как мне забыть об этой ноющей, глухой боли? Неужели до сих пор не могли придумать лекарства против этой боли. Каких только болезней не лечат, а простой вещи не умеют — сделать так, чтобы человек мог спокойно уснуть. Нет, больше нельзя терпеть...

Я протягиваю руку к тумбочке и нажимаю на кнопку. Где-то далеко, в самом конце коридора, зазвенел звонок. В комнату неслышно зашла пожилая женщина в белом халате и, увидев, что я не сплю, спросила:

— Что случилось, Ткемаладзе? —

Она положила на лоб свою прохладную руку, и мне сразу же стало легче, спокойнее. Но я ответил сердито:

— Помогите, умираю!

— Не бойся, не умрешь.

— Говорю вам — умираю.

— Сейчас я дам тебе болеутоляющее. — Фельдшерица достала из кармана халата какую-то бутылку, взболтнула и накапала из нее лекарство на ложечку. — Должно полегчать.

Я проглотил какую-то страшную гадость и скривился.

— Скоро рассветет?

— Только стемнело, сынок, до утра еще далеко.

— Хоть бы почитать разрешили...

— Ни читать нельзя, ни двигаться, ни разговаривать.

Я чувствовал, что старенькая фельдшерица сочувствует мне, и думал ее разжалобить.

— Сам виноват, сынок, нечего с хулиганьем связываться.

— Да разве кто-нибудь хотел иметь с ним дело!

Старик в углу приподнял голову с подушки, — очевидно, он давно прислушивался к нашему разговору.

— Пуще всего опасайся красивых девушек, сынок. Все зло от них идет. — Сказав это, он лег на подушку и закрыл глаза. Но долго молчать он не мог. Скоро я уже снова слышал его горячий шепот: — Ток ним не подступишься, задерут нос к небу и ни на кого внимания не обращают. А если обратят — еще хуже. Может, слышали вы о Никифоре Гвелесиани? Не слышали?.. Счастливейше него человека не было на земле. Жену он привел уродливую, хуже не сыщешь. Во-первых, бедро у нее от рождения вывихнуто было, и при ходьбе она вихлялась, как хороший мельничный жернов. А еще, доложу я вам, половина лица заросла такой густой щетиной, что хороший мужик позавидовал бы... Как появилась она у нас в первый раз, сельчане митинг устроили: уж не ведьма ли, мол, переселилась к нам. А Никифор себе и в ус не дул:

сразу же после свадьбы за чужими красотками стал стрелять, и никто его не обвинял — от такой жены и не такое сделаешь... И вот, спрашиваю я вас, — что лучше? На красавице жениться или на некрасивой?

— По мне уж, дядя, если душа не лежит, так и жениться не стоит, — вставил я, но старик не сдавался.

— Чем о душе своей заботиться, ты бы лучше бока поберег! Гляди, как отделали...

— Теперь-то вам, дядя, хорошо так рассуждать.

Старик самодовольно кашлянул:

— Как же, как же! В молодости и я в одну влюбился. Красавица была неопишная: от гордости ни на кого глядеть не хотела. Сказал я ей о своей любви, а она нос воротит: за ней полсвета ухаживает, как же ей за Парамона Брегвадзе замуж пойти. А потом связалась с инженером одним.

— Слыхала я про это дело, — подтвердила фельдшерица.

— Многие слышали, — оживился старик. — Да и я потом не раз благодарил судьбу, что уберегла меня от нее...

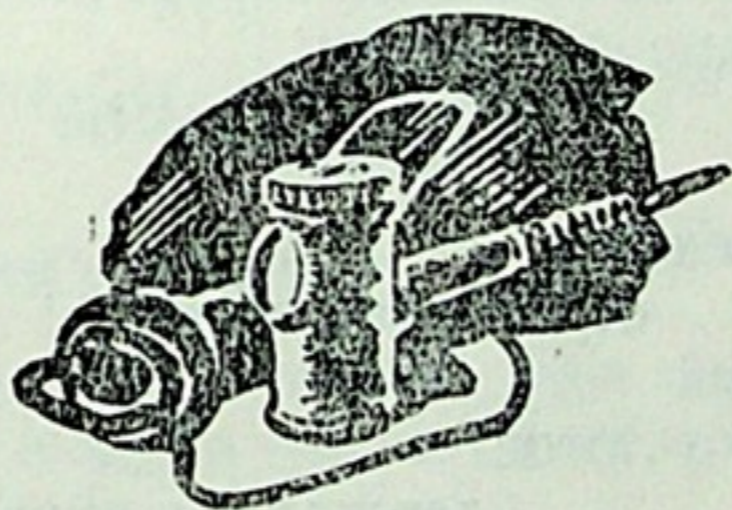
Наш разговор разбудил и больного с переломом руки. А может, ему просто неудобно было от длинной шины: ни повернуться, ни руку передвинуть. Во всяком случае, он тоже включился в нашу беседу.

— Ты бы женился на своей красавице да приглядывал бы за нею, тогда бы и судьбу благодарил, — поддразнил он старика.

Фельдшерица прошлепала к двери и вышла. От глухого шепота мне захотелось спать. Боль, как будто, уменьшилась. Я задремал. Но время от времени просыпаясь, долго еще слышал приглушенный разговор старика с костылями и больного с переломом. Равномерно тикают часы на стене. Откуда-то издали доносится протяжный собачий вой. Должно быть, собака крупная, с длинной шерстью и мохнатым хвостом. Лает она отрывисто, с расстановкой: гав, гав, гав...

Наконец закричал первый петух. Голос у него хриплый, надтреснутый, но я все же ему рад. Прислушиваюсь, закричат ли в ответ другие петухи. Тогда, значит, скоро придет конец этой томительной ночи.

Продолжение следует

Фридон Халваши

Г Р У З И Я

Перевод с грузинского Л. Дербенева

Здесь, в краю, где друзья и семья,
 я — грузин,
 но придут расставания грустные —
 лишь отстанет,
 за «ТУ» не угнавшись,
 земля,
 или горы закроет корма корабля,
 и уже не грузин я, а —
 Грузия.
 Хорошо мне под бархатом синих ночей,
 счастлив солнечным днем
 в звонком гуде я.
 Ты дала, что любить
 и трудиться над чем,
 это все называется —
 Грузия.
 Будь угрюм я и холоден, словно скала,
 и тогда бы с любовью не справиться.
 Дай огонь мне для песни,
 и пусть,
 раскалясь,
 в этом пламени
 сердце расплавится!
 Лед полярный
 и лотос
 держал я в руках,
 видел очень красивые страны,
 но наперсток воды
 твоего родника
 не сменяю на все океаны.
 Неразлучен с тобою я,
 где бы ни жил,
 где б ни мчался
 я песне навстречу —
 так чонгури поет
 и под небом чужим
 все равно
 на родимом наречье!

Я умею у горна трудиться в поту,
а когда на рассвете деревья растут,
сеть могу из воды выбирать я;
твой кузнец и крестьянин,
рыбак и пастух
мне близки и понятны.

Мы — братья.
Мы твои сыновья —
тракторист и кузнец,
ты в одном нас подоле качала.
Ты — все то,
что зовут люди жизнью.

И нет

у тебя ни конца, ни начала.
Ты — все то, что в душе у поэта поет,
что с постели срывает ночами...
Пусть же звонкое,
чистое небо твое
никогда не узнает печали!

Баграт Шинкуба

*Я РОДИЛСЯ ПОД СОЛНЦЕМ
ГРУЗИИ*

Перевод с абхазского Э. Иодковского

Питомец двух стихий, двух матерей,
люблю и ветер гор, и плеск морей.

Когда глаза раскрыл я в первый раз —
я увидал сверкающий Кавказ.
Когда глаза раскрыл я в первый раз —
я море увидал в рассветный час.

С высоких гор скакал лихой поток,
был слаще молока любой глоток.
Я сильным вырос, ибо день-деньской
меня купала мать в воде морской.

Был песней колыбельною моею
суровый гул бунтующих морей.

Когда я засыпал — всю ночь вдали
седые горы караул несли.

Мне жить без родины моей нельзя,
родился я под солнцем Грузии, друзья.
Люблю и ветер гор, и плеск морей,
питомец двух стихий, двух матерей.

Реваз Асаев

БРАТСКИЙ ПРИВЕТ

Перевод с осетинского А. Кронгауза

Мы привезли привет вам с гор Осетии
Радужных встреч отрадною порой.
Объятий наших дружеских свидетели —
Лиахва обнимается с Курой.
Соседством, как наградой, удостоены,
Мы жили неразлучною семьей.
И вечной дружбе поклялись, как воины:
Клинком,
Щитом,
И небом,
И землей.

Дома раскрыты и сердца распахнуты,
Встал виноградник,
Лозы шевеля,
Навстречу солнцу вешнему распаханы,
Лежат коврами чайные поля.
Нас ни горой,
Ни зноем
И ни холодом
Ни разделить,
Ни разлучить нельзя.
Союзниками по серпу и молоту
Вам стали осетинские друзья.

Где наш Бур-хох папахою курчавится,
Где скакуном стремится с гор вода,
Где туча, как прозрачный шарф красавицы,

საქართველოს
საბჭოთაო რესპუბლიკის

Где водопад, как старца борода,
Где полтора столетья горцу выпали, —
Живи себе, любя вершин размах, —
Вот мы откуда
К вам на праздник прибыли
С любовью в сердце,
С песней на устах.

Осетии напевы — в сердце Грузии,
Тбилисский оглашается простор.
И наших старших братьев
Песни русские
Вливаются уже в наш братский хор.
Горы вершина облаками вспенена,
На склоне зажигаются огни.
Сияй же,
Развевайся, знамя Ленина,
И слава нашей партии, звени!

Джансуг Чарквиани

НЕБО ГРУЗИИ

Перевод с грузинского Э. Иодковского

Мне дали родину зеленую
с горами, солнцем и луной,
морской простор,
волну соленую
и небо Грузии родной.

Но вот ко мне приходят юноши —
спор возникает, как гроза.
Глаза их — гордые и южные —
похожи на мои глаза.

О небо Грузии высокое,
взор от меня не отврати,
а дай мне
с песнею веселую
дорогой дальнею пройти!

Наполни грудь звенящей силою,
предубеждения сломай,
благослови —
и кубка милого
от губ моих не отнимай!

Пусть все пребудет мне наградою —
и алый цвет твоих знамен,
и эти лозы виноградные,
и солнце будущих времен.

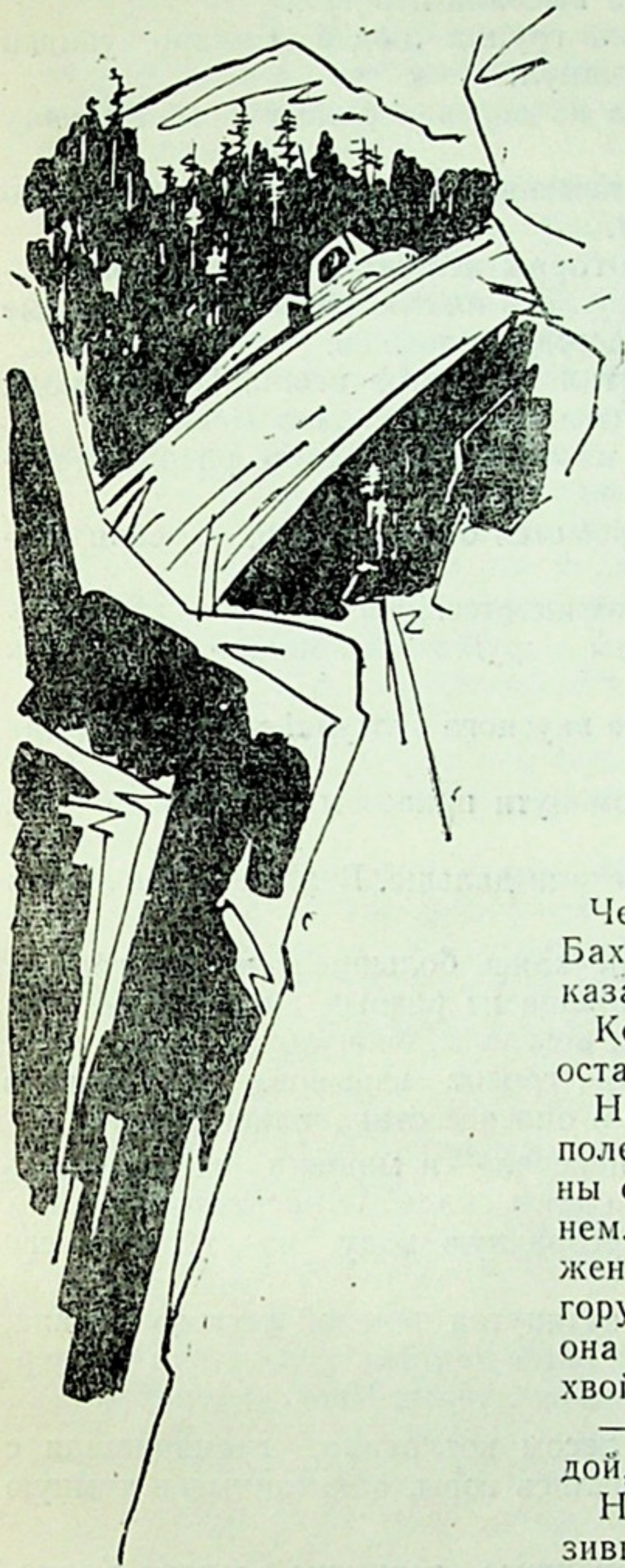
И если я умру,
и тление
охватит смертной белизной, —
мой долг оплатят поколения,
которые придут за мной.

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Иакинте Лисашвили

Верность

Главы из романа

Перевод с грузинского
Э. Ананишвили

Рис. Т. Самсоадзе

Чем ближе подъезжали путники к горе Бахмаро, тем круче и неприступней она казалась.

Когда они достигли подножия, Сандро остановил машину.

На берегу быстрой горной реки, как полегшие в битве великаны, были свалены огромные деревья, вырванные с корнем. Отсюда начиналась новая, проложенная несколько лет тому назад сквозь гору дорога к курорту Бахмаро. Дальше она терялась в горах, густо поросших хвойным лесом.

— Можете угощаться родниковой водой, — громко крикнул Сандро.

Но путники стояли неподвижно, погружившись в глубокую задумчивость, будто не слыша его слов.

На лице Нато сияла счастливая улыбка. Печальные воспоминания не тревожили ее. Единственная дочь, воспитанная любящей матерью, она никогда не знала горя. И сейчас девушка вся светилась радостью.

— Поедем! — сказал наконец Варден.

Путники разместились, и машина тронулась.

Впереди показался новый мост, сооруженный на огромной высоте. Глубоко в пропасти бурлил и бесновался пенистый, белый, как молоко, поток. Машина медленно ехала по узкому мосту; пассажиры сидели, затаив дыхание.

За мостом начался крутой подъем.

— Куда мы едем, дорогие? Возносимся в небо? — шутливо спросил Варден, когда машина взобралась на высокий перевал.

Вскоре за поворотом показалась группа людей. Сандро, увидев стоящий на обочине грузовик, воскликнул:

— Наша машина, та, что вышла из деревни рано утром! Рабочих привезла.

Путники подъехали ближе. На каменистой почве валялись ярко блестящие заступы, кирки и лопаты.

Отдаваясь многократным эхом в горах, неожиданно раздался оглушительный грохот. Над скалой взметнулось пламя, увесистые каменные глыбы взлетели в небо, посыпался дождь обломков.

— Вот для чего Прометей похитил у богов огонь! Чтобы люди взорвали и переделали созданный богами мир! — сказал Леван.

— Но, дорогой Леван, без огня не было бы на свете разрушительных войн... — отозвался Варден.

— Конечно. Но все же целью Прометея было вот это, — Леван указал рукой на взорванную скалу.

— Как дела, друзья? В чем вы нуждаетесь, чего вам не хватает? — обратился Варден к молодым рабочим, окружившим машину. — Воздух тут у вас — точно шампанское.

— К этому бы шампанскому еще вкусного сулгуни! — ответил один из парней.

— Будет и сулгуни! На обратном пути привезем вам! — пообещал Варден.

После беседы с дорожниками поехали дальше. Варден с довольным видом поглаживал свои густые усы.

Теперь на дороге то и дело встречались большие и малые группы людей. Это были колхозники, приехавшие из разных мест Гурии на дорожные работы. Слышались песни, возгласы, звон лопат и заступов, урчание вгрызающихся в скалу буров, грохот взрывов. Чем выше в горы поднималась машина, тем уже и опаснее становилась дорога.

Еще один поворот, еще один перевал — и машина остановилась около родника, струившегося из расселины скалы. С наслаждением пили путники холодную, кристально-прозрачную воду из запотевшего стакана.

Где-то далеко внизу, на западе, затянутая пеленой легкого тумана, лежала Гурия, испещренная серебристыми лентами рек. А вдали сверкало и переливалось залитое солнечными лучами Черное море.

На востоке зеленела заросшая лесом котловина, граничившая с нагорьем, позади которого опять высились горы, закутанные в темную бурку дремучих лесов.

На севере горизонт замыкали снежные вершины седого Кавкасиони, а на юге, там, где были разбросаны домики курорта Бахмаро, покрытые лесами горы словно одели светло-зеленые шапки.

Громко восторгаясь лесами и пастбищами, Варден обращался к своим спутникам:

— Приглядитесь хорошенько, дорогие! Каких только деревьев нет на этом нагорье! Темно-зеленые дремучие чащи-ельники. У елей высоко поднятые верхушки и опущенные плечи. Посветлее — это сосны и пихты. Вон те — буки, а подальше — липы и вязы. А вот и тисс. Удивительное, драгоценное дерево, никакое другое с ним не сравнится — оттого и встречается редко, прячется в этих горных лесах. А вон пастбища... Там пастухи пасут колхозный скот. Так-то, дорогие! — Варден

оглядел всех с таким видом, словно все, что он показывал, было создано его собственными руками.

— Но что за дорогу вы провели! Кто мог подумать, что по этим кручам пройдет автомобиль! Это просто чудо! — продолжал восхищаться Леван, стараясь не упустить ни одной подробности из открывшейся перед ним панорамы.

Нато впервые в жизни видела эти величественно-прекрасные горные пейзажи. Она смутно чувствовала, что сегодняшний день будет иметь особое значение в ее судьбе: завершалась целая полоса жизни...

А Тамаз? Воспоминания о любимых с детства картинах озаряли щедрым и мягким светом его душу, но вдруг тяжелое чувство овладевало им, и он замыкался в себе, полный тревоги и боли.

— Позвольте напомнить, что машина готова! — с шутливой торжественностью сообщил Сандро.

— Да, да, едем! — поддержал его Варден.

По мере того, как машина приближалась к вершине Бахмаро, суровая гора становилась все более приветливой и гостеприимной.

Был уже полдень, когда, оглушительно гудя, машина въехала на площадь курорта Бахмаро.

— Не будем задерживаться здесь, поедem прямо на ферму! — попросил Вардена Тамаз.

— Хорошо, только мне надо кое-что захватить с собой, я отлучусь всего на несколько минут, — ответил удивленный такой поспешностью Варден.

Леван улыбнулся детям, сбежавшимся со всех сторон к машине, и оживленно спорившим о ней:

— Это «эмка». У нее пятьдесят лошадиных сил.

— Ничего подобного! Не пятьдесят, а тридцать.

— Оба вы хороши! Всякий разиня знает, что у «эмки» сорок пять сил.

— Ух, какая машина! Такой, наверно, на свете больше нет! — возбужденно говорил самый маленький, белокурый и курчавый мальчик с живыми глазенками.

— Ну-ка, друзья, откройте мне дверь! — крикнул детям подошедший в это время Варден. В обеих руках он держал по объемистому свертку.

Три ребячьи руки одновременно потянулись к дверце машины. Но они только мешали друг другу, и открыть ее пришлось Левану.

— Я должен угостить наших пастухов, иначе мне нельзя и на глаза им показаться! — сообщил Варден.

Услышав его голос, задремавший было за рулем Сандро сразу очнулся.

— Дорогу, малыши! — закричал он, встряхивая чубом.

Машина тронулась. Дети побежали вслед за ней, но быстро отстали, и их веселые голоса замерли вдали.

Машина выехала на широкое поле, заросшее высокой, свежей травой. Река Бахви, которая, казалось, осталась внизу, в Гурии, внезапно вырвалась из-за пригорка. Здесь, в горах, она была гораздо меньше, и сквозь ее прозрачные, как стекло, струи можно было различить каждый камешек на дне. Сердитая река торопливо и шумно прокладывала себе дорогу среди камней.

Сандро смело направил машину прямо в волны горного потока. С рычанием и ревом она рассекала тугие струи воды. Река билась о бок

стального зверя, раскачивала его. У Нато рябило в глазах, она зажмурилась.

— Что, испугалась? — услышала она голос Вардена. — Видишь, в колхозе мы даже автомашину плавать научили!

Но вот машина выехала на другой берег и понеслась по дороге.

Тут же поблизости рассыпалось вдоль берега Бахви колхозное стадо. Коровы с хрустом жевали сочную траву.

— Смотрите — вот и скот! А там, под горой, где над лесом поднимается дымок, — ферма! — Варден был так обрадован, что не дожидаясь, пока все выйдут, выскочил из машины, заторопился к стаду. — Видите человека, что идет сюда, к нам? Это заведующий нашей фермой. Христофор! Христофор! — позвал Варден.

Кудлатые овчарки с лаем понеслись к машине.

— Вот я вас! — прикрикнул на них Христофор, и собаки, услышав его голос, повернули назад.

Заведующий фермой, радостно улыбаясь, спешил навстречу гостям. Он впервые видел в этих местах машину. Возбужденные овчарки, повизгивая и помахивая хвостами, жались к его ногам, не смея кинуться вперед.

Увидев среди приехавших молодую женщину, Христофор остановился, провел рукой по отросшей бороде, поправил растрепанные волосы и уже более степенно продолжал путь.

Псы, огромные, как медведи, снова залаяли, но властный окрик заставил их замолчать.

Рослый и плечистый молодой парень удивленно остановился перед приехавшими. По-видимому, он не ожидал увидеть среди них столько незнакомых людей. Ему сообщили лишь о том, что ждут председателя колхоза, и с тех пор он не сводил глаз с дороги.

— Христофор, дорогой, здравствуй! — приветствовал его Варден.

— Добро пожаловать! — ответил Христофор и по очереди поздоровался за руку с каждым из гостей. Лицо его светилось удовольствием, — по-видимому, его радовало, что вместе с Варденом приехало столько неожиданных гостей.

Под ногами, словно шелк, шелестела сочная трава. Неподалеку с неумолчным рокотом катила воды Бахви. Легкий ветерок овеивал прохладным дыханием лица гостей, играл их волосами.

Путники подошли к стаду: кругом колыхалось море голов. Скот был крупный, упитанный, породистый. Огромный бык, выставив рога и поводя налитыми кровью глазами, ворвался в стадо, разогнал коров и стремительно помчался дальше.

Серые сторожевые овчарки бегали вокруг стада, по-хозяйски поглядывая на животных; иногда псы подбегали к Христофору и тыкались мордами ему в руки, а потом, отбежав в сторону, ложились на траву.

— Посмотрите, какой у нас породистый скот. Эти коровы — подарок наших друзей-украинцев! Мы с ними давно соревнуемся, помогаем друг другу. Есть и у нас новые породы скота. Видите тех, бурой масти, — это наши местные коровы! — оживленно рассказывал Варден.

Тамаз, слушая Вардена, видел, как радуется ему все, о чем он говорит, и тепло улыбался...

— Эге-гей! — послышался возглас в дальнем конце поля. Наперегонки с огромным лохматым псом им навстречу бежал парень с длинной палкой в руках.

Христофор радостно воскликнул:

— Прибежал пострел! Знакомьтесь — мой сын.

— Неужели это Маради? Смотри, как вырос! — удивился Варден. Потом крикнул юноше: — Быстрее, сынок, а то собака тебя обгонит!

Пес, словно поняв, что речь идет о нем, залился лаем.

— Перестань, Лега! Здравствуйте! — Курчавый паренек лет пятнадцати подбежал к гостям и палкой преградил путь собаке, с грозным рычанием рвавшейся к пришедшим.

Нато, словно защищаясь, испуганно коснулась сильной мускулистой руки Тамаза. Она смутилась и вся вспыхнула. Стыдливо и робко глянула в глаза Тамазу, но прочла в них лишь изумление и опустила голову.

Тамаз покраснел. В его сердце словно зазвучали умолкнувшие струны, которых ему не хотелось больше никогда касаться. Усилием воли он подавил в себе это чувство и шутливо упрекнул Нато:

— Какая же вы, оказывается, трусиха!

— Я? — переспросила Нато. — Не знаю. Может быть...

...Гости дошли до подножия горы.

Нато думала: «Вот, росла, держась за материнскую юбку, и ни разу даже в горах не бывала! А тут собаки, как медведи — огромные и страшные!» Девушке было неприятно, что Тамаз заметил ее испуг и посмеялся над ее слабостью. Рассердившись на себя, она решила: «Нет, больше я не покажу, что испугалась, — пусть хоть тигр выскочит из леса, даже бровью не поведу!»

Все уже изрядно устали и собирались передохнуть в пастушьих домиках, стоящих в лесу.

Но вдруг со стороны леса, темневшего на склоне горы, послышался шум, напоминавший грохот низвергающейся лавины. С бешеной скоростью мчался табун лошадей.

— С дороги, друзья, а то нас сметут, — закричал Варден, отскакивая в сторону.

Нато вздрогнула, но какое-то озорное чувство овладело ею, и девушка не сдвинулась с места.

Табун мгновенно затопил долину. Все разбежались в стороны, одна лишь Нато стояла на обочине дороги. Казалось, она окаменела.

— Ты с ума сошла! — закричал Варден.

Но Нато будто не слышала его, наслаждаясь невиданным зрелищем.

Тамаз кинулся к ней, оттолкнул ее в сторону.

Табун стремительно приближался. Паренек, скакавший позади него на неоседланном жеребце, в азарте ничего не замечал вокруг и только с гиканьем нахлестывал своего скакуна...

— Э-ге-ге-й! — разносилось по полю.

Наконец табун с грохотом промчался мимо. А Нато и Тамаз все еще неподвижно стояли на месте.

— Как у вас духу хватило? — изумился Тамаз.

— Я ведь трусиха! — дерзко ответила Нато.

— Друзья, вы живы? — окликнул их Варден.

— Это чудо, что вы спаслись! — все еще не мог успокоиться Леван; волосы у него растрепались, на нем не было лица.

— Ты, дорогая моя, не женщина, а тигрица! — шутливо обратился Варден к Нато и тем же тоном сказал Христофору: — Мы оставим Нато у тебя! Другого такого пастуха тебе не сыскать. Она всех медведей в горах распугает!

— Это будет очень неплохо! — живо отозвался Христофор.

Нато смутилась и залилась румянцем. Она все еще переживала происшедшее...

«Отомстила!» — подумал Тамаз. Он был пристыжен и не решался взглянуть на Нато.

Они вошли в лес. На полянке среди чащи виднелось несколько домиков, крытых дранкой.

Христофор пошел вперед.

На пороге одного из домиков показался длиннобородый, сгорбленный старик с трубкой во рту.

Он глянул из-под нависших бровей на Христофора и, шамкая, спросил:

— А что, Вардена нет с вами?

— Варден здесь, дорогой! — откликнулся тот и подошел к старику.

— Это наш Бесарион, знаменитый овцевод, мастер животноводства, — представил он старика.

— Ну, пошел захваливать! — шутливо отмахнулся старик.

Он с трудом дотянулся до плеча Вардена своей высохшей рукой и воскликнул, по-детски радуясь:

— В самом деле это Варден! Настоящий Варден! А ты все такой же, ни капельки не переменился! — Потом, затенив глаза ладонью, поглядел на гостей. — Это ты, Нато, внучка? — удивился он. — Здравствуй, милая, здравствуйте все, милости прошу, заходите!

Усевшись на обтесанных чурбаках, гости с любопытством осматривали убранство домика. Он был разделен на две части плетеной перегородкой. Первая половина, где были устроены около огня лежанки, служила пастухам жилищем. Лежанки были застланы войлоком, кошмами, паласами и звериными шкурами, среди которых бросалась в глаза шкура огромного бурого медведя. Там же лежали косматые бурки. Вдоль стен стояли большие и малые ведра, бадьи и котлы. В углу было свалено оружие, начиная с кремневого ружья и кинжалов и кончая берданкой и двухствольной централкой.

Из другой половины домика доносилось мычание телят. У самого входа по обеим сторонам стояли две вместительные бадьи.

Гости изумленно прислушивались к странному звуку: в дальнем углу, за перегородкой, глухо ворчало какое-то существо, пытаясь прорваться на жилую половину.

Заметив любопытство гостей, Христофор улыбнулся:

— Там изволит жить медвежонок, — пояснил он.

— Вы сами его поймали? — поинтересовался Леван.

— Это потомство вон того медведя! — Христофор указал на огромную черную шкуру, целиком закрывавшую одну из лежанок.

— Я ведь говорил вам, что Христофор ходит с голыми руками на медведя, а изловив, быстро приручает! — рассмеялся Варден.

Сандро притащил привезенную провизию и другую поклажу.

Христофор предложил гостям умыться и подкрепиться с дороги в ожидании ужина.

После еды мужчины прилегли на лежанки отдохнуть, а для Нато постлали во дворе под елью.

Но Нато не спалось.

Прямо перед ней выстроились в ряд вершины гор, покрытые нежно-зеленой травой. Кое-где, в расселинах скал, сверкал и переливался на солнце снег, оставшийся с зимы. Никогда еще Нато не видала такой

глубокой синевы. Изредка клочья облаков, белые и легкие, как пух, отрывались от вершин и терялись где-то вдали...

Нато повернулась к горе. Там белыми лебедями парили над морем зелени домики курорта Бахмаро.

Солнце поравнялось с вершиной горы, и лес на ней вспыхнул, словно объятый пожаром. А когда солнце скрылось за хребтом, вершина еще долго стояла, залитая багровым закатным сиянием. Но сумрак сгущаясь, все плотнее окутывал леса, из глубоких ущелий поднимались туманы, похожие на кисею, наброшенную на горы. В вечерней тишине отчетливо слышался говор реки Бахви, наполнявшей собой все ущелье.

Но звуки эти вскоре заглушил разноголосый шум. Среди лая собак, ржания лошадей, мычания коров и рева быков четко выделялись громкие голоса пастухов, гнавших стадо к стоянке.

Почуяв приближение коров, замычали телята, запертые в стойле.

Христофор, засучив рукава, бегал от одного хлева к другому, перетаскивал бадьи, покрикивая на телят, метавшихся за перегородкой.

Бесо ополаскивал ведра, подставив их под струю воды, лившуюся из широкого желоба.

Вот показались соскучившиеся по телятам коровы с отягченным выменем. За ними шли нетели и молодые бычки, а позади стада шагали быки-производители с могучими шеями и налитыми кровью глазами.

Словно волнующееся море окружило стоянку. Среди рева и мычания нельзя было расслышать ни слова. У дверей огромного хлева собрались пастухи. Они покрикивали на скотину, наводили порядок, загоняли хвостинами дойных коров в стойло, отгоняли других.

Отделив дойных коров, пастухи направились к домику, где их ждал с чистыми ведрами для молока Христофор. Потом он прошел в телятник и стал поодиночке впускать телят в загоны к коровам.

Пастухи доили коров. То и дело выносили из загона полные ведра и сливали молоко в огромный деревянный чан.

С брызгами и плеском низвергалось в огромную посудину парное молоко.

Варден повел гостей на пригорок, где плотники ставили небольшой дом.

— Это мы строим для наших животноводов. Здесь будут помещаться лаборатория, читальня, контора и другие культурные учреждения, — пояснял Варден.

Снизу донеслись ржание, топот множества копыт и гиканье табунщика — того самого, что днем самозабвенно мчался на неоседланном скакуне. Вскоре показался и табун, рассыпавшийся по лесу.

— Вот оно, наше богатство! — воскликнул Варден. — Но не думайте, что это все! Полюбовались бы вы нашими породистыми свиньями, которых мы выводим на былых трясилах озера Палиастоми.

Тихо подкралась ночь и поглотила лес и ущелье; горы исчезли, словно провалились во мрак. Но ненадолго. На востоке над одной из вершин возникло сияние, а через несколько мгновений взошла полная луна и залила серебристым светом лес и поле.

На ферме воцарилась тишина.

Стало свежо, и гости поеживались в накинутых на плечи пальто, но не уходили в помещение. Ясное небо, безмолвные горы в лунном сиянии, лес, таинственно притихший за рекой, с огнями домов, мерцавшими в нем, словно светлячки, — все приковывало к себе взгляд.

Христофор вышел из домика, закрутил усы и степенно направился к гостям.

— Пастухи просят вас отужинать вместе с ними, — сказал он и, отогнав огромных овчарок, дремавших у входа в домик, посторонился, чтобы пропустить гостей.

Празднично выглядело жилище пастухов, освещенное колеблющимся пламенем потрескивающих свечей. По одну сторону длинного, уставленного кушаньями стола стояли, дожидаясь гостей, пастухи во главе с Бесо; с противоположной стороны было устроено сидение из досок, положенных на чурбаки и застеленных бурками.

С любопытством оглядывая комнату, освещенную свечами, гости, очарованные своеобразием обстановки, разместились за столом.

Христофор усадил Вардена во главе стола и поставил перед ним вместительную глиняную чашу. Принеся еще две-три такие чаши, Христофор уселся и сам. Специально приготовленное для гостей знаменитое пастушеское блюдо «эларджи» стояло посреди стола.

Варден ораторствовал, балагурил, произносил тосты и, осушив чашу, посылал ее то одному, то другому.

Около полуночи пастухи и два плотника незаметно исчезли, — по видимому, ушли куда-то ночевать. В хижине, кроме гостей, остались только Христофор и Бесо.

Леван выпил чашу за здоровье тамады и опрокинул ее в знак того, что веселье окончено.

Хотя Нато не пила вина, глаза ее слипались, голова была будто свинцом налита — необычные впечатления и переживания этого дня утомили девушку.

Бесо предложил гостям:

— Располагайтесь на ночь, бурок у нас много, лавки просторные. Нато я устрою вон там, с краю: постелю ей медвежью шкуру, занавесу лежанку ковром. Остальные поместятся на других лежанках, средняя останется мне с Христофором. Сандро будет спать в машине.

— Замечательно! Вот что значит бывалый человек! — похвалил его Варден.

Бесо застелил лежанки бурками и кошмами, потом с помощью Христофора завесил лавку, предназначенную для Нато, ковром, разостлал на ней огромную медвежью шкуру и погасил свет, оставив лишь одну свечу.

Скоро все уже спали. Только Тамаз не мог заснуть; он лежал навзничь и смотрел в потолок. Сквозь щели в крыше пробивался лунный свет. Над очагом потрескивала свеча, воткнутая в одно из звеньев железной цепи. Рядом ровно дышал Леван. В домике было тихо, слышалось лишь мерное дыхание спящих людей.

Временами во дворе поднимали возню собаки. С лаем обегали они вокруг домика и снова успокаивались. Порой в дальнем углу ворочался и копошился медвежонок и урчал, словно злясь на людей, лишивших его матери.

Но не это мешало Тамазу заснуть. Он все еще ощущал на правой руке мимолетное прикосновение несмелых женских пальцев.

Леонид Ростовцев

Наследники

*Несколько записей из биографии одной рабочей семьи
и жизни одного завода*

Перелистывая блокноты, я увидел на первой странице одного из них короткую запись: «Семья Надирадзе. ПВРЗ.» И мне вспомнились весеннее утро, тихая улица Джанелидзе по ту сторону переезда и маленькие домики, утопающие в зелени... Я шел по этой улице, окаймленной акациями и тополями... Еще неяркое, но веселое солнце золотило их. Воздух, напоенный солнцем и запахами деревьев, был опьяняюще свеж и прозрачен. Еще мне вспомнились выкрашенная калитка у входа в двухэтажный особнячок, пожилая женщина, гостеприимно отворившая ее на мой стук.

Было воскресенье. Вся семья оказалась в сборе — и дед, и сыновья, и внуки. Этот день я провел среди приветливых, простых людей. Они рассказывали о себе, показывали семейные фотографии, полустершиеся вырезки из очень старых газет, в которых отец выглядел почти молодым, а его сын совсем подростком, письма, документы, книги.

Мой блокнот постепенно заполнялся записями. Порой лаконичными и отрывочными, порой воспроизводящими эпизоды так, как я себе их представил, слушая рассказы хозяев дома. В этих записях мне не хотелось ничего менять.

Семья. Сейчас семья Надирадзе разрослась. С внуками и правнуками в ней 20 человек. Двадцать! Стар-

шие, — их пятеро, — всю жизнь провели на ПВРЗ.

Эти пятеро:

«Патриарх» семьи Надирадзе — Соломон Дмитриевич, глубокий старик. Ему 90 лет. Почти полвека был машинистом парового молота. 11 лет назад ушел на пенсию, но до сих пор говорит: «на нашем заводе», «у нас в цехе»...

Его сын, Захарий Соломонович, бригадир газосварщиков, все еще не может смириться с тем, что стал пенсионером, хотя с той поры прошло уже 4 года. 40 лет он непрерывно проработал на паровозо-вагоноремонтном. Говорит, желая успокоить себя:

— Ничего. Про нас, газосварщиков Надирадзе, и через век знать будут. На мое место заступил старший сын, теперь он бригадиром. А когда старший уйдет на пенсию, младший его сменит. Так что ничего, — род Надирадзе продолжается.

В его голосе звучит гордость, а в глазах — нескрываемая грусть...

Старший сын, Карло Захарович, принявший от отца бригаду газосварщиков, не то шутя, не то серьезно говорит:

— По твоим стопам пойду, — тогда, конечно, про династию Надирадзе век знать будут.

Отец бросает с грубоватой нежностью:

— Ишь, льстец. А сам за что этот

значок от министра и почетную грамоту имеешь?

Младший сын Элгуджа шепчет мне, чтоб не услышал отец:

— Это он храбрится. А вообще очень тоскует по заводу.

— О чем ты там секретничаешь, Элгуджа? — спрашивает Захарий Соломонович.

— Ни о чем. Просто рассказываю, что работаю газосварщиком в бригаде Карло, а раньше ты у меня был бригадиром...

Племянник Захария Соломоновича Баграт, газосварщик из той же бригады, в разговоре не участвует, только слушает, о чем говорят дядя и двоюродные братья.

Дети Карло и Элгуджа играют в комнате, ни на кого не обращая внимания. Кем станут они, когда вырастут? Может быть, тоже железнодорожниками, газосварщиками, как прадед, как дед, как их отцы?

На стене висит фотография: отец и сын. Оба стоят, неестественно вытянувшись и напряженно глядя перед собой. Видно, фотограф долго томил их перед объективом.

— Интересно, когда сделана эта фотография? — спрашиваю я, и Захарий Соломонович задумывается.

— Лет сорок назад, я думаю.

— Раньше, — поправляет дед. — Ты тогда поступил слесарем в паровозное депо. И мы сфотографировались в честь того, что ты уже не ученик, а слесарь.

И дед и отец начинают рассказывать о депо, о паровозо-вагоноремонтном заводе тех времен. Дед многое уже позабыл, и Захарий Соломонович часто приходит ему на помощь.

В свое время мне довелось познакомиться с историей паровозо-вагоноремонтного завода. Он появился около 80 лет назад, когда проложили железную дорогу из Тифлиса в Баку и ветку от Самтредиа до Батума; в ту пору это были железнодорожные мастерские, с малым количеством людей, но большими революционными традициями; в мастерских малярничал Максим Горький, работал токарем Михаил Калинин. Здесь начал свою пропагандистскую работу Иосиф Сталин. Всем известно о многочисленных стачках и забастовках, которые

проводили рабочие под руководством большевиков... Словом, история мне знакома, и потому я спрашиваю стариков, как менялся завод в советское время. Но Захарий Соломонович все еще во власти далеких воспоминаний, разбуженных фотографией на стене.

— Я пришел на завод. Гляжу — все разрушено. Прямо кладбище больных паровозов. Двадцать первый год. Посмотрели бы, какое наследство меньшевики оставили. Про ремни помнишь, отец?

— Как же!

Эта история происходила на глазах у обоих Надирадзе, и дед принимается рассказывать, как меньшевики за несколько дней до своего бегства сняли все приводные ремни в цехах, а потом стали портить паровую машину.

— Так это же был главный заводской двигатель, — поясняет Захарий Соломонович. — Без него завод ничего не стоил.

— И на этом не успокоились, — добавляет Соломон Дмитриевич. — В кузнечном цехе исковеркали поршни и поршневые скалки паровых молотов. А ведь я был машинистом парового молота. Мою профессию исковеркали...

У деда и Захария жизненные пути начинались по-разному. Дед был ветераном, когда привел сына на завод. Он считался хорошим мастеровым и получал высшую поденную плату — 2 рубля при одиннадцатичасовом рабочем дне. Захарий тоже работал 11 часов, — как все, но платили ему 25 копеек: ученику больше не полагалось. Через 4 года Захарий стал слесарем. Потом газосварщиком. Это произошло в первые годы Советской власти в Грузии. Тогда старик Соломон Дмитриевич не был еще стариком, завод переживал вторую молодость, а Захарий, как он сам считал, только начинал жить. Деду минуло пятьдесят, заводу тридцать восемь, Захарию — двадцать три. И с тех пор все сорок лет без перерыва Захарий сваривал негодные паровозные цилиндры. Работа газосварщика сложная и тонкая. Когда же было положено начало его новой профессии?

Тогда ли, когда он вместе с другими поднимал мастерские из руин, восстанавливал хозяйство и оборудование, испорченное, изломанное,

искореженное меньшевиками? Вместе с ним были лучшие бригады кузнеца Портнова, слесарей Цицвидзе и Месхишвили, бригадиров Метехели и Домбровского. Рядом с ним работали коммунисты, бок о бок с ним с песнями трудились первые заводские комсомольцы во главе с Иваном Парцхаладзе, кругом работа кипела, и Захарий в те месяцы не уходил с завода по 12—14 часов.

Или когда он впервые применил оригинальный метод заварки цилиндров и дал три нормы?

Или когда к концу первой пятилетки нормировщики подсчитали и сказали ему: «Шестнадцать годовых норм за пять лет. Этого еще не бывало!»

Или же когда Шакро вручили первый значок «Почетному железнодорожнику», первый из двух, которыми удостоил министр новатора?

Но одно несомненно: подлинных вершин мастерства в своем деле он достиг тогда, когда многочисленные друзья из разных концов страны поздравляли Захария Соломоновича с высшей наградой — орденом Ленина.

Дождь. А сейчас все это позади. Захарий пенсионер. Целыми днями он тоскливо смотрит в окно. Идет дождь. Он нудно стучит по крышам, мелкими каплями растекается по стеклу. Захарий Соломонович распахивает раму, запах акаций и тополей вливается в комнату. Улица по-прежнему тиха и пустынна; зеленые деревья выстроились вдоль тротуара. Улица пустынна — гудок был давно, он отправил всех на работу. Гудок поднял сыновей с постели, они наскоро умылись и позавтракали — им было некогда, они спешили на завод.

И только он, Захарий Соломонович, никуда не торопился. Гудок звал не его. Не ему готовила спозаранку завтрак старуха. Она суетилась вокруг сыновей, торопливо стряпала для них, а Захарию сказала: отдыхай, наработался.

Все еще глядя в окно, Захарий Соломонович криво усмехается собственным мыслям. Что же, так и стоять целыми часами, наблюдая, как тянется этот однообразный дождливый день? Отдыхай, наработался...

Захарий Соломонович отходит от окна, зовет жену:

— Лиза, приготовь завтрак, мне надо уходить.

— Куда?

— На завод.

Он наскоро завтракает, встает, одевается и решительно выходит за ворота.

Все еще идет дождь. Дождь весело стучит по крышам, мелкими каплями усеивает землю, озорно забирается за воротник пальто. Захарий Соломонович шагает по мокрой улице и чему-то улыбается. Может быть, кто-то стоит сейчас у окна и так же, как он полчаса назад, глядит задумчиво на эту улицу... Но теперь она никому не покажется пустынной: по ней хозяйской походкой, рассекая завесу дождя, идет знакомой, не раз хоженной дорогой, старый газосварщик Захарий Надирадзе.

Телеграмма. Он улыбается всю дорогу. Дорога ведет узкими переулками к высокому мосту. Мальчишеской походкой он взбирается по ступенькам и сбегает вниз, будто время не терпит, будто, если не торопиться, можно опоздать на работу. Но торопиться ему некуда, просто Шакро вспомнил молодость. В двадцать девятом он так же бежал, перепрыгивая через ступеньки, чтобы не опоздать. К нему пришел товарищ, сказал, что из Ростова пришла телеграмма и сейчас ее будут обсуждать.

Телеграмма была от ростовских паровозо-вагоноремонтников. Коллеги сообщали: «Вызываем ваш коллектив на социалистическое соревнование зпт высылаем для заключения договора делегацию».

Шакро вспоминает, как горячо обсуждали договор тогда на заводе. Первым и главным пунктом записали: бороться с прогульщиками и лодырями. Это был бич, борьба с ним требовала мобилизации всех сил.

И вот тогда, заключив договор о соревновании, передовые рабочие становились ударниками. Одним из первых ударников стал Шакро: он ускорил сварку цилиндров вдвое, потом втрое, и вскоре слава о нем разнеслась по всей стране.

Да, это был памятный год — год девятьсот двадцать девятый. Когда он закончился, подсчитали: на заводе уровень производства резко подско-

чил вверх, он достиг 134 процентов по сравнению с довоенным.

Шакро был одним из первых ударников пятилетки... Сейчас на заводе добрая сотня ударников коммунистического труда!

...Дорога приводит Захария Соломоновича на завод. У проходной его почтительно спрашивают:

— Куда, Шакро?

— К наследникам, — отвечает Захарий Соломонович. — Интересно все-таки, как они там...

Сыновья. Худой, высокий, немного сутуловатый, он пересекает огромный заводской двор. Дождь давно перестал. Из корпусов доносится оглушительный грохот. Раньше Шакро и не замечал его, сейчас понял: этот грохот для него приятнее музыки...

Корпуса цехов разбросаны по всему двору. Шакро сворачивает в сборный.

Здесь работают его сыновья. Они сваривают цилиндр. Большая чугунная машина раскалена докрасна, и два брата — Карло и Элгуджа, разгоряченные и сосредоточенные, пытаются сшить неподатливый шов. Братья увлеклись, они не замечают, что рядом стоит отец. Тогда он требовательно говорит:

— Расступитесь. Дайте, я попробую.

Сыновья покорно уступают ему место. Он командует, как три с половиной года назад, когда был еще бригадиром в этой бригаде, и сам берет за дело.

На шов ложится аккуратный слой чугуна. Шов сварен.

Шакро весело смотрит на смущенных сыновей.

Старшего из них — Карло — Захарий привел в свою бригаду 16 лет назад. К тому времени Карло закончил семилетку, ему исполнилось семнадцать — почти в этом возрасте начинал и отец. Стояла холодная осень, а сыну было жарко — и от докрасна раскаленных цилиндров, и от суровой требовательности отца, нетерпеливого и крутого, не прощавшего промахов. Надирадзе-второй, как в шутку величали его в цехе, пробыл в учениках три месяца вместо шести и весной сорок шестого стал газосварщиком. Они работали вдвоем самостоятельной бригадой — отец и сын. Вдвоем сваривали паровозные цилиндры и огромные чугунные

крышки. Работы было слишком много, чтобы с ней справиться.

Тогда в бригаду пришел третий. Это был младший сын Захария — Элгуджа. Как и Карло, он имел семилетнее образование и, как Карло, освоил профессию газосварщика за три месяца вместо шести.

Бригада была крепкой, лучшей в цехе и лучшей на заводе, и никто из тех, кто пытался померяться с ней силами, не мог ее обогнать.

Сыновья начинали хорошо...

Письмо. Отец прожил долгую жизнь, сейчас ему есть о чем вспомнить. Он любил путешествовать, и отовсюду, где побывал, увозил десятки адресов друзей. А побывал он во многих местах: и на затерявшейся в тайге станции Ружино, и на многочисленных железнодорожных магистралях Дальнего Востока и не менее дальнего Приморья. Его приглашали для передачи своих методов сварки, звали в гости, чтобы позаимствовать большой опыт, накопленный годами. Он никому не отказывал и с радостью собирался в путь-дорогу...

Однажды ему написал генерал-директор тяги из Москвы: «Может быть, Вы поучите хабаровских железнодорожников Вашему методу горячей сварки паровозных цилиндров?»

Почти две недели трясся Захарий Соломонович в вагоне, больше недели пробыл в далеком холодном Хабаровске, а потом, возвратившись в Тбилиси, сел за письмо.

Сначала оно было лаконичным, как телеграмма: «Докладываю, товарищ генерал-директор тяги, что Ваше задание выполнено. На дорогах Дальнего Востока организована горячая сварка паровозных цилиндров». Подпись. Точка. Все. И уже был написан конверт с московским адресом генерала, и вложено в конверт письмо, и наклеена марка... Но в последнюю минуту Захарий Соломонович передумал: не так надо писать генералу...

И вот Захарий Соломонович кладет передо мной копию письма на четырех страницах и книгу. На титульном листе — фамилия автора: З. С. Надирадзе. В письме газосварщик пишет, как он оборудовал цех горячей сварки цилиндров в депо Ружино, как начальник Дальневосточного округа попросил его организовать та-

кой же цех в депо 'Хабаровск-II, как он восстановил 14 цилиндров у паровозов, которые долго бездействовали, в срок, поразивший его дальневосточных друзей. «...Срок невиданно короткий, это верно. И качество сварки высокое. И тут нет никакого чуда. Все дело в моем приборе, дающем возможность отказаться от применения древесного угля и заменить его мазутом... Я написал книгу о горячей сварке цилиндров с применением древесного угля, ее издали, и она, наверное, оказалась полезной. Теперь я хочу, чтобы мой метод горячей сварки с применением мазута вместо древесного угля широко распространился на всех дорогах. От этого выиграют газосварщики и государство».

Теперь марка наклеена накрепко. Письмо ушло в Москву. Генерал-директор прочел его. Потом его читали железнодорожные специалисты в Министерстве путей сообщения, изучали на дорогах и в десятках депо. А через некоторое время новый метод сварки Захария Надирадзе стали применять на всех магистралях страны.

Опыт. Каждый раз, когда Захарий Соломонович возвращался из очередной командировки на родной завод, он встречал на нем много нового. То реконструировали цех, то привезли уникальные станки. Новое рождалось у него на глазах, но когда Захария долго не бывало, оно становилось заметнее.

Неизменным оставалось одно: люди. То-есть не сами люди — их состав время от времени обновлялся (молодые приходили на смену старикам), а их отношение к труду.

Во время Великой Отечественной войны паровозо-вагоноремонтники отремонтировали сотни паровозов и тысячи вагонов, отправили на фронт подшефный бронепоезд «Советская Грузия». В работе они потеряли счет времени — война требовала большого напряжения всех сил.

Когда война отгремела, рабочие принялись «перекраивать» завод. Сначала оснастили самой современной техникой литейный и кузнечный цехи, затем ремонтно-комплектовочный цех, вслед за ним переустроили вагонный комбинат, освоили ремонт мотор-вагонных секций, построили кислородную станцию.

Выпускались из ремонта сверхпла-

новые паровозы, выходили из депо поблескивающие свежей краской сверхплановые вагоны, становились на запасной путь сверхплановые мотор-вагонные секции.

Но самым большим своим достижением на ПВРЗ до сих пор считают внедрение скоростных и силовых методов резания металлов. Рабочим помогли ученые из Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта, да и сами они, рабочие, не то, что в двадцатые годы — чуть ли не каждый третий учится, стараясь стать инженером. Имена И. Чумбуридзе, А. Маргвелашвили и десятков других рабочих стали известны всей республике: они внесли самую большую долю в разработку этого метода, их опыт перенимали повсюду.

И у Шакро был опыт, который пригодился стране: он научил десятки людей по-своему, по-надирадзевски восстанавливать негодные паровозные цилиндры, которые раньше выбрасывались в лом. Однажды вместе с сыновьями он совершил чудо: ему удалось уничтожить все прежние представления о нормах. Даже фантазеров он удивил в этот день, ставший для него праздником.

Рекорд. К празднику всегда готовятся. И трое Надирадзе — отец и два сына — готовились к нему исподволь.

200—300 процентов плана давно стали для них обычным явлением. Теперь они решили проверить, каков предел их возможностей.

Проверка не была обычной. Требовалось серьезно изучить технику газосварки ответственных частей паровоза. На это ушли недели. Нужно было прибегнуть к помощи инженеров и книг, чтобы применить более совершенные методы работы газосварочного аппарата, рационально использовать время. На это ушли месяцы.

Здесь все было, как на фронте: невероятное напряжение, стремление к победе.

В этот день к концу первого часа работы бригада дала 110 процентов сменного плана, к концу второго — 200, к концу третьего часа — 400. Когда закончилась смена, выяснилось: отец и сыновья Надирадзе достигли девяти норм за одну смену. Это был неслыханный рекорд! Никто

никогда во всей стране не перекрывал его.

Эстафета. Шли годы. Время брало свое. Оно накладывало отпечаток на людей: одни старели, другие подрастали и приходили им на смену.

Старшего сына Карло призывали в армию. Ему на смену в бригаду газосварщиков пришел Баграт — племянник Захария Соломоновича. Карло писал из Белоруссии: служу механиком в авиационной части, скоро вернусь, вчетвером будет веселее.

Но время брало свое: когда младший сержант Карло Надирадзе возвратился из армии, отец ушел уже на пенсию.

Их снова оказалось трое, и бригадиром стал Карло. Словно эстафету, принял он от отца все лучшее, что выработал в себе этот человек — хватку организатора, умение, требовательность. Словно эстафету, приняли члены бригады — сын и племянник Захария — его трудолюбие, рабочую смекалку. И что бы ни сваривали они — цилиндры, цилиндрические крышки, буксовые коробки, — каждый из них твердо убежден: не к лицу наследникам потомственного газосварщика работать плохо.

Теперь у Карло высший, пятый разряд, Элгуджа и Баграт достигли четвертого. Норма? Карло показы-

вает расчетную книжку: январь — 114 процентов, февраль — 128, март — 187... Заработок? — У каждого трехзначные цифры, — смеется Карло.

Да, растут люди. Вместе со всей страной, со своим родным заводом. До Советской власти на нем было 6 цехов, теперь стало 12. Все делалось руками, горбом и потом, а сейчас техника, да какая: тридцатитонный электромостовой кран, трехтонный молот, новейшие станки, магнитная ультразвуковая дефектоскопия... А сколько их, таких заводов, в Грузии! И сколько таких людей, как Надирадзе, трудятся на тех заводах...

* * *

Я прощаюсь с гостеприимными хозяевами и иду по тихой зеленой улице к переезду. Вечерняя улица все еще пропитана запахом акации. Я иду медленно, раздумывая над обычной судьбой обычных рабочих людей. Двое старших всю жизнь отдали заводу. Трое младших выросли, продолжают их дело. Придет время, подрастут и новые наследники.

Нет, не иссякнуть роду Надирадзе. Глубокие корни пустил он. Крепкие корни.

Чтобы звезды стали близкими

О черк

Русское слово «подвиг» означает доблестный, героический поступок, действие — важное по своему значению, совершенное в трудных условиях. Это красивое слово. Оно символизирует красоту души и разума человека.

Подвиг солдата, подвиг ученого, каким бы он ни был конкретным, в силу железной логики бытия перерастает в добро во имя процветания всего человечества.

Подвиг совершает Человек. Или его совершают Люди. Подвиг совершил народ, поднявшийся против царского самодержавия. Подвиг совершал народ, в течение нескольких лет отстаивавший обретенные права, оставляя потомкам овеянную романтикой славу героев гражданской войны. Подвиг совершал народ, вынесший на себе тяжесть пятилеток, превративший голодную, ограбленную, разоренную страну в мощную державу. Подвиг совершают люди, борющиеся за мир, и люди, чьи помыслы устремлены в космос.

И если порою где-то что-то не ладится, если кажется, что те или иные препятствия мешают жить, что возникшие трудности непреодолимы, — совесть невольно взывает к памяти, и перед глазами встают они, совершающие подвиг. И тогда все то мелкое, что казалось важным, значительным, вдруг обретает истинный объем, сгущенные краски растворяются в гордости за Человека, совершившего подвиг.

В этом очерке мне хочется рассказать об одном из наших современников, вся жизнь которого, овеянная мужественной поэзией труда и подвига, — пример беззаветного служения народу.

* * *

В 1860 году английские путешественники «открыли» в Швейцарии место, где под действием ультрафиолетовых лучей мгновенно погибали возбудители туберкулеза — палочки Коха. Швейцарский «Давос» вскоре был признан лучшим в мире курортом для больных туберкулезом.

Но к огорчению европейских поклонников Давоса, те же путешественники, через несколько лет опубликовали отчет о своем новом «открытии». Они писали, что Давос, конечно, великолепен, но ни целебными свойствами, ни красотой ему не сравниться с расположенным в горах Кавказа поселком Абастумани; что для легочных больных в Абастумани благоприятнее среднегодовая температура, что там значительно прозрачнее воздух, чище небо, больше солнечных дней... Кроме того, Абастумани обладает одним самым значительным преимуществом — благодаря близости Черного моря там происходит естественное

смешение горного и морского воздуха!

Тем и славился издревле Абастумани: красотой природы и целебными свойствами своего климата. Настолько славился, что в конце прошлого столетия один из светлейших отпрысков дома Романовых, больной туберкулезом, пренебрег швейцарским Давосом и прибыл лечиться на далекую окраину царской вотчины, в затерянный в горах поселок Абастумани.

Надо полагать, что его светлость не была лишена любознательности, он увлекался наблюдением за небесными светилами и даже состоял почетным председателем Русского астрономического общества. Этим и объясняется, что в его свите оказался астроном, известный профессор С. П. Глазенап. Там, на склоне горы, была построена башня, из которой велись наблюдения и измерения звезд. Результаты наблюдений Глазенапа вызвали живейший интерес астрономов мира. В зару-

бежной печати было высказано мнение о том, что, по-видимому, ни одна обсерватория в Европе не имеет столь благоприятного расположения и атмосферных условий для астрономических работ, как в Абастумани. Но царское самодержавие, конечно, меньше всего привлекала идея создания научного учреждения где-то на отшибе, на непонятной, покоренной окраине.

Только после Великой Октябрьской революции, с началом планового развития советской науки и культуры встал вопрос о создании в Советском Союзе высокогорной астрофизической обсерватории. С этой целью в 1930—31 гг. в Грузию прибыла экспедиция Ленинградского государственного астрономического института. Здесь в качестве проводника по Грузии и участника экспедиции прибывшим был рекомендован молодой сотрудник-синоптик Тбилисской геофизической обсерватории, воспитанник физико-математического факультета Тбилисского государственного университета — Евгений Харадзе. После долгих блужданий по горным районам Грузии, экспедиция пришла к решению организовать обсерваторию в Абастумани, в том самом месте, где была обнаружена забытая башня Глазенапа.

Вскоре после отъезда ленинградцев в Тбилисский государственный университет пришло извещение о том, что решением Народного комиссариата просвещения РСФСР Евгений Харадзе зачислен аспирантом Ленинградского астрономического института. Трудно сказать, что привлекло ленинградцев к этому скромному, казалось, ничем не примечательному молодому человеку, но, по-видимому, внимательный глаз заметил в нем именно то, что является залогом больших перспектив.

А вслед за этим пришла другая бумага — решение правительства Грузинской республики о назначении Евгения Харадзе директором обсерватории. Да, да, директором еще не существующей обсерватории...

Два решения, по существу, включающие друг друга!

Но прекрасны дерзания молодости.

И если тебе сродни могучий ритм, которым живет вся необъятная страна, утопающая в лесах новостроек; если ты горд, ступая хозяином по страстно любимой родной земле, восстающей из мрака и пепла жестокого прошлого; если ты кровный сын своего народа, обильно усеявшего свою многострадальную землю нестареющими памятниками своего созидательного таланта, — никакие трудности не могут казаться тебе непреодолимыми. В тебе рождается неиссякаемая сила. Ты отбрасываешь всякую возможность выбора с пользой для себя. Незамечая того, ты уже мыслишь, как государство, доверяющее тебе трудные дела. И все дела становятся одинаково главными, необходимыми и неотложными. И для всего у тебя хватает сил...

В 1932 году в башне Глазенапа состоялось открытие грузинской астрофизической обсерватории — первой в СССР горной обсерватории. Осенью того же года в ней был установлен дар Ленинградского астрономического института, — первый отечественный телескоп, 33-сантиметровый рефлектор конструкции Н. Г. Пономарева. Обсерватория в составе директора, двух научных сотрудников и одной уборщицы приступила к работе. Началось наблюдение переменных звезд, изучение солнца и межзвездного поглощения света звезд.

Но директора преследовала, не оставляла в покое мысль, настойчиво требующая утверждения: «Да, в Абастумани спокойствие воздуха и высокая прозрачность удивительно хороши для астрономических наблюдений, но может же быть еще лучше?!»

И он начал добираться до вершин окрестных гор, ревниво охраняемых непроходимыми хвойными лесами. Так проник он к вершине господствующей над ущельем горы Канобили, что высится на 1.700 метров над уровнем моря.

Гигантским амфитеатром спускаются гряды зеленых горных массивов, кажется, можно по кронам могучих сосен сбежать вниз, к ущелью, к башне, затонувшей где-то там, в зеленой пропасти...

В думах проходят часы. Солнце скатывается за горизонт. Неожиданно быстро вечереет. Кромка неба окрашивается причудливыми красками. Светло-желтый тон быстро сгущается, затем вспыхивает багрянец, широко разливается волнующий алый цвет, и затем запоздалые лучи, точеными пиками вонзившись вглубь распростертого над землей купола, дрогнув, застывают. И все гаснет. Все погружается во мрак. Но вдруг кто-то словно повернул выключатель, и небеса зажигаются звездами, миллиардами звезд, яркими, близкими, далекими, бледными, еле заметными. Повиснув рождками на собственном ободке, медленно плывет молодой месяц...

В великое безмолвие вдруг врывается протяжный волчий вой... Взметнулись испуганные тени обитателей дремучего леса. Белка рассыпала орехи...

«Правильно. Здесь лучше...» — вслух ли, про себя ли решает директор. И знает: теперь ничто уже не сможет поколебать решения, подсказанного внутренней правотой.

Молча смотрит он в небо. За этим видимым небом существуют неисчислимы количества «небес», в которые так не терпится заглянуть.

Мечта несла его ввысь, и реальность лишала сна.

Помнят ли старшие, знают ли молодые, что значило строить обсерваторский городок в лесу, на высоте 1.700 метров, когда строилась вся страна, когда тяжелая индустрия выводила Советский Союз на передовую линию в мире, когда каждый кирпич и гвоздь были ценнее золотых россыпей?

Для Евгения Харадзе стерлись границы дней и ночей. Где-то далеко за плечами остался отрезок «легкой» жизни, состоящий всего лишь из работы в синоптическом отделе Закавказской гидрометеорологической службы, из занятий иностранными языками, из лекций по высшей математике и механике студентам горно-металлургического и строительного институтов, из жадного поглощения астрономических знаний из русской и иностранной лите-

ратур и из множества других занятий. Из всего этого надо отобрать нужное, а все остальное отставить. Отбросить все, не имеющее отношения к задачам, поставленным страной перед 23-летним человеком...

Надо заставить поверить в себя.

Надо добиться санкции на строительство обсерватории на горе Канобили.

А потом надо найти энтузиастов, готовых охотно приобщиться к жизни трудной и полной лишений. Нужны будут средства, рабочие руки... Понадобятся кирпичи и гвозди, железо и цемент и многие другие остро дефицитные стройматериалы. И все это надо поднять на гору Канобили, куда нет даже тропинки. И все это надо скоро, очень, очень скоро...

Ни на миг нельзя прекращать работу в башне. Первый в Союзе рефлектор должен вскоре выдать продукцию своей оптической мощи, умноженную на знания человека, математические вычисления, статистические обобщения. Советская астрономическая общественность с нетерпением ждет оценки первого отечественного телескопа.

...Санкция была получена. И, если для этого были пущены в ход убеждения, красноречие, напористость, права официального лица, личная благосклонность, доверие, крепко наладившиеся связи с астрономическими учреждениями Москвы и Ленинграда, то на строительстве всего нужно добиваться единственным магическим средством — личным примером. Мысль об отдыхе, об ограничении суток рабочими часами или своими прямыми обязанностями, казалась «еретической». Можно было подумать, что юный директор не умел уставать.

Вместе с местным населением он прокладывал к строительству асфальтовую дорогу. Вместе с помощником по хозяйственной части нанимал осликов, аборщиков, заключал договоры с артельщиками. Вместе с только что окончившим строительный институт молодым инженером планировал каждый метр площади, отвоеванный у леса.

Он жил во временном бараке с

рабочими-строителями, реже остальных прикладывал к замерзшим ногам бутылку с горячей водой, терпеливее всех ждал караван осликов, нагруженных хлебом, водой, продуктами.

Глубоко запрятав тревогу и нетерпенье, он заражал всех своей целеустремленностью. Спокойный, уверенный, ни при каких обстоятельствах не повышающий голоса и не теряющий ни терпения, ни равновесия, безукоризненно вежливый и чутко внимательный, он удивлял всех своей выносливостью и трудоспособностью.

Он строил с расчетом на прочность и долговечность. Обсерваторский городок должен быть оборудованным по последнему слову техники: удобным, уютным, комфортабельным и красивым, обязательно красивым. Ведь грузинская астрофизическая обсерватория, первая высокогорная, должна привлекать друзей со всех уголков Советского Союза и гостей-астрономов всего мира.

Иногда становится трудно таить в себе эту радость, мальчишескую радость, от которой захватывает дыхание. Приходится брать лыжи и утихомиривать ее, мчась в безумном беге по искрящимся белизной нетронутого снега склонам гор.

Попутно директору пришлось освоить еще одну, до того весьма для него туманную науку — бережливость (что же, он всегда охотно учится всему...). Надо уметь беречь копейку, ибо она государственная. Люди, непосредственно причастные к рождению харадзевского детища, до сих пор помнят такой случай. Доставить известь собственным транспортом на Канобили подрядились артельщики из села Квабис-хеви, возле Боржоми. Сгрузив на территории строительства известь, главный заправила-артельщик потребовал плату, которая директору показалась непомерно высокой.

— Что так дорого? — спросил он вежливо.

— Очень уж ты молод, директор! Договаривались, пуд за пятнадцать рублей? Привезли пятьсот пудов. Считать-то ты умеешь? — наслаждаясь своим превосходством, прятал улыбку в усах артельщик.

— Аа... а вы взвешивали? — еще вежливее спросил директор.

— А как же?! — не моргнув глазом, ответил артельщик. Он знал, взвешивать многотонную гору извести никто не станет.

— Хорошо, — безукоризненно корректно произнес директор и попросил артельщиков подождать минутку. Импровизированным измерителем быстро измерил объем части извести, мгновенно перемножил в уме весь объем на удельный вес и тут же, без слов, отсчитал поставщикам копейка в копейку точную стоимость доставленной извести.

Сконфуженные артельщики удалились, тщетно пытаясь отгадать, кто же из их братии сообщил директору о точном количестве извести.

Темпы строительства нарастали.

В 1934 году неугомонный директор обсерватории осаждал Ф. Махарадзе, Г. Мгалоблишвили и многих других членов правительства, требуя 40-сантиметровый рефрактор Цейса, который предоставлялась возможность получить. Пришлось потревожить Михаила Ивановича Калинина и, благодаря его вмешательству, драгоценный груз в тщательно упакованных ящиках прибыл морем до Поти, железной дорогой до Боржоми, машинами до Абастумани, арбами на Канобили. Наконец-то чудо-телескоп на Канобили!

Но и другие дела нельзя прекращать хотя бы на день.

На нижней башне непрерывно идут наблюдения. Уже публикуются результаты проводимой работы.

Ни на минуту нельзя опаздывать в Тбилиси на лекции.

Вопрос о выделении самостоятельной кафедры астрономии при физико-математическом факультете университета, очевидно, скоро разрешится положительно, уже надо приступать к ее оборудованию и налаживанию.

Все дела требуют его постоянного присутствия, занятия в аспирантуре проходят в заочном порядке. Только бы урвать пару дней, съездить в Ленинград сдать очередные экзамены.

Кто знает сколько километров

пройдено и сколько еще будет пройдено от вершины Канобили к башне Глазенапа, к селам — за поисками поставщиков и стройматериалов, в Тбилиси — чтобы прочитать лекции, отстоять намеченное по плану, а попутно и сверхплановое снабжение, в Ленинград — на экзамены, в Москву — за новым оборудованием... Кто мог бы сосчитать эти километры? Возможно их будет не меньше, чем до тех самых звезд, которые служили ему источником познания глубин Вселенной...

При редкой трудоспособности у Евгения Харадзе оказалась еще одна удивительная черта — способность мгновенного переключения с одного дела и вопроса на другие, совершенно разнородные. Причем, такого полного переключения, словно только этим одним вопросом и были заняты его мысли.

* * *

В 1936 году в Ленинграде Евгений Харадзе защитил диссертацию, получив степень кандидата физико-математических наук. При Тбилисском университете уже выделена кафедра астрономии. Теперь перед ним со всей остротой встал исподволь назревавший вопрос: грузинской обсерватории нужны кадры, собственные, грузинские, высококвалифицированные кадры. Нужны талантливые молодые люди, которые, не взирая на молодость, на все соблазны большого города, смогли бы во имя науки оторваться от всего привычного, обжитого, милого сердцу и поселиться отшельниками на горе Канобили, без колебаний, целиком отдаться изучению Вселенной. И опять тут необходим личный пример. Надо вселить в молодежь стремление идти по избранному пути, привить ей всепобеждающую страсть к науке, которой одержим он сам.

И он всегда достигает цели. Чутье ни разу не обмануло его. Он угадывает нужные ему натуры.

Но им, рвущимся к науке молодым людям, кроме личного примера учителя, кроме его педагогического таланта, кроме лекций, очаровывающих их, нужно видеть то, к чему он их призывает. Фантастически захва-

тывающие разговоры надо подтвердить реальностью.

Необходима хорошо оборудованная астрономическая кафедра. Нужно продолжать созидание. И опять урезывая у себя счастливые часы, проводимые у телескопов, Евгений Кириллович снова упорно добывается необходимого.

В это время закладывался фундамент второго корпуса университета. Нужно было отстоять в нем крыло для подготовки будущих астрономов, построить в нем башню для телескопа, приобрести все для учебно-производственной практики студентов.

И башня, и учебная обсерватория были внесены в план строительства нового корпуса. Были получены и необходимые суммы на соответствующее оборудование.

А к этому времени — к 1937 году — на Канобили уже построили и оборудовали первые помещения. Вступает в строй первое белокаменное здание с купольной башней диаметром 9,5 метров между двумя симметричными корпусами. В центре башни на колонне стоит рефрактор Цейса с двумя параллельными фотографическими камерами. Пол вокруг колонны может опускаться и подниматься. Телескоп своим всевидящим оком (объектив в диаметре 40 сантиметров) врезается в просторы Вселенной через широко раскрывающиеся створки вращающегося купола башни.

Вслед за 40-сантиметровым рефрактором на гору из башни поднят и установлен в здании со сдвоенной башней 33-сантиметровый рефлектор. Внизу он использовался только для прямого фотографирования звезд. Сейчас на горе в комбинации с первым советским звездным электрофотометром, он начал применяться и для исследования лунной поверхности, и для наблюдения сумеречного неба в целях изучения строения земной атмосферы.

В этом же помещении во второй башне установлен анаберационный телескоп Шмидта, дающий возможность определения показателей цвета внегалактических туманностей и изучения физических пере-

менных звезд, колебания блеска которых периодичны и зависят от изменения размеров звезды и температуры ее поверхностных слоев.

Уже установлены другие телескопы и приборы, оборудованы лаборатории. Есть водопровод, работает движок, питающий телескопы.

На Канобили начались плановые наблюдения и исследования. Растут и ширятся перспективы на будущее.

В том же 1937 году под редакцией Е. К. Харадзе выходит первый номер Бюллетеня Абастуманской астрофизической обсерватории.

Все ускоряются темпы строительства на горе.

Растут стены нового университетского корпуса в Тбилиси.

Уже на выпуске группа молодых астрономов.

Мечты превращаются в быль!

...Но наступает июнь 1941 года.

Грубо оборвана радость созидания.

Все прекрасное вынуждено задержаться в пути. И все духовные и умственные силы народа устремлены к одному — быстрее победить! Все подчинено суровым требованиям войны.

Ученики, молодые астрономы покидают учителя, покидают посты наблюдений за Вселенной, чтобы преградить путь страшному злу, шагающему по земле.

На Канобили поехали только девушки. Гора их встретила хмуро, настороженно. Девушки, беззаботно выросшие под уютным родительским кровом, оказались достойными воспитанницами Е. К. Харадзе. Зараженные любовью к науке, приученные к строгой, вдумчивой работе, они оказались и выносливыми солдатами единого фронта советских патриотов. Свою жизнь и деятельность они безраздельно подчинили интересам победы. Без слов и раздумий понесли они и ношу, переложенную на их плечи ушедшими на войну товарищами.

По инициативе директора собираются посылки для отправки на фронт. Он чаще прежнего ездит по всему району, читая лекции об астрономической науке, спокойно и деловито

развенчивая «создателя мира», наглядно доказывая ложность «звездных предзнаменований», вселяя в слушателей уверенность в близкой победе, доказывая им доступность космоса человеческому разуму.

В те суровые годы войны на Канобили нашли родной дом, любовь, внимание и возможность продолжать работу ученые, эвакуированные из Крыма и Ленинграда. Интенсивная жизнь грузинской обсерватории вызывала восхищение мировой астрономической общественности. В самом разгаре войны в зарубежной прессе отмечалось, что в мире, объятom пламенем войны, гора Канобили взяла на себя астрономическую инициативу и имеет огромные достижения.

Достижения, действительно, были огромны. Помимо того, что в обсерватории продолжались работы над основными проблемами: звездной астрономией, межзвездной материей, наблюдения за солнцем и другими светилами, здесь впервые в Советском Союзе начали изучать высокие слои атмосферы земного шара. И когда враг, закованный в сталь и броню, обнаглевший от легких побед в Европе, обогащенный ограблением покоренных стран, угрожал свободе мира, на Канобили ученики Евгения Харадзе продолжали вести свои замечательные наблюдения высоких слоев атмосферы земного шара, результаты которых получили особую ценность для грядущих полетов в космос.

В 1942 году на Канобили, в тесном кругу сотрудников, подводились итоги десятилетней деятельности Грузинской астрофизической обсерватории. Самым значительным оказался тот факт, что значение работ молодых астрономов, воспитанных кафедрой астрономии Тбилисского университета, уже вышло за пределы республики.

В год десятилетия Грузинской астрофизической обсерватории директор признал за собой право вступления в партию. Полагая, что за плечами остался еще один отрезок «легкой» жизни, а впереди годы, утяжеленные огромным всенародным бедствием, он почувствовал необходимость вступить в ряды

Коммунистической партии, возглавляющей великую битву добра со злом.

В 1943 году Евгений Кириллович избирается членом Астрономического Совета Академии Наук СССР, а вслед за этим — членом двух комиссий Международного Астрономического Союза.

Но вот отгремела война. Кончилось затемнение. Жизнь советских людей начала входить в родную им стихию мирного строительства. Вновь открылся созидательный дух.

На Канобили достраивались новые помещения.

В Тбилиси заканчивалось строительство второго корпуса университета, достраивалась астрономическая башня.

Возвращались с фронта ученики, правда, не все, — а некоторые с неизгладимыми следами тяжелых физических увечий.

Вскоре по окончании войны Харадзе был командирован в Германию. По его возвращении из Германии в Москву, ректор Тбилисского университета Н. Н. Кецховели получил от него телеграфный запрос: «Можно ли рассчитывать на вашу поддержку в вопросе оборудования учебной обсерватории». «Можете рассчитывать», — ответил ректор, никак не предполагая, что этот лаконичный ответ ему обойдется в полмиллиона рублей. Е. К. Харадзе отправил в Тбилиси в адрес университета учебный планетарий! Это было на него похоже. Бывало и так: собирается специальное заседание университетского совета. Руководители кафедр излагают свои требования на оборудование, помещения, материалы, учебные пособия. Евгений Кириллович, разложив перед собой таблицы и записи, быстро водит пером по листку тетради. Кажется, он так погружен в свои астрономические вычисления, что забыл где находится, что происходит вокруг. Но на самом деле он чутко улавливает все интересное и значительное. В этом легко убедиться и по его быстрому внимательному взгляду, который он бросает на говорящего, и по тому, как точно, не пропуская своей очереди, он поды-

мается и обращается к ректору, будто ни о чем другом, кроме предстоящего разговора, и не думал.

— Кафедре астрономии нужно лабораторное оборудование.

— Помню, вы говорили, — отвечает ректор. — Вам надо, как и руководителям других кафедр, составить заявку.

— Заявка составлена, Николай Николаевич.

— Да? Хорошо! Тогда вам надо вместе с бухгалтерией разработать смету, а затем войти с ходатайством в планирующие органы... — учитывая размах и масштабы руководителя кафедры астрономии, не без хитринки говорит ректор.

— Сметы уже сданы, Николай Николаевич! — невозмутимо отвечает Евгений Кириллович.

— Вот как! Прекрасно! Остается поторопить с решением и ждать оборудования.

— Мы уже получили оборудование.

Слова Евгения Кирилловича тонут в смехе присутствующих.

— Так что же вам еще нужно? — восклицает ректор.

— Перечислить сумму. Извините, я не успел довести это до вашего сведения своевременно...

В 1948 году Харадзе защитил диссертацию в Московском государственном университете. Ему была присвоена степень доктора физико-математических наук и ученое звание профессора по кафедре астрономии. В том же году он был послан в Цюрих на 7-ой Международный астрономический конгресс.

Его присутствие стало необходимым на всех общесоюзных и международных сборах по астрономическим вопросам.

В 1952 году с группой советских ученых-астрономов Евгений Кириллович был в Риме на 8-ом Международном конгрессе, на котором советские астрономы выиграли ожесточенную битву в борьбе между двумя мировоззрениями. Идеалистическим теориям и гипотезам советские ученые противопоставили основные положения советской теории возникновения и развития звезд, результат плановых исследований всего коллектива советских астрономов, основанных на огромном фактическом материале.

И в том же 1952 году вышел в свет труд Е. К. Харадзе — «Каталог показателей цвета 14.000 звезд и исследование поглощения света в Галактике на основе цветовых избытков звезд». В этой своей работе Евгений Кириллович определил показатель цвета 14.000 звезд в 43 участках неба, равномерно распределенных на площади, занимающей седьмую часть небесной сферы. Полученные сведения о показателях цвета звезд он использовал для изучения поглощения света в межзвездном пространстве. А в результате измерения истинного показателя цвета звезды и на какую величину ослаблен ее блеск поглощением можно определить и ее действительное расстояние от земли. Этот труд — результат многолетней планомерной и целеустремленной работы экспериментатора, астронома-наблюдателя и ученого-исследователя, это филигранная работа, вытканная в лабораториях, им же созданных и оснащенных новейшей техникой, принесла обсерватории славу первоклассного астрономического учреждения. Этот труд явился незаменимым пособием для всех исследователей строения Галактики и межзвездного поглощения света. Он стал базой для разнообразных звездно-статистических и теоретических исследований. Своим колоссальным оригинальным материалом об изучении микроструктуры звезд на различных расстояниях и в разных направлениях в нашей Галактике он внес новое не только в характеристику космогонической роли межзвездной материи, но и утвердил свой, новый принципиальный подход к рассматриваемой проблеме.

С 1955 года Евгений Кириллович — действительный член Академии наук Грузинской ССР. Создатель и бессменный руководитель Грузинской астрофизической обсерватории, кафедры Астрономии при физико-математическом факультете Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина, основоположник астрономической науки в Грузии и учитель, воспитавший не один десяток молодых ученых астрономов; Е. К. Харадзе является депутатом Верховного Совета Грузинской ССР, членом Адигенского

райкома партии. Кроме того, он еще руководит или является активным членом многочисленных научных обществ и общественных организаций. И каждой из взятых на себя обязанностей он уделяет необходимое внимание, несмотря на свое невероятно уплотненное время.

Но не чужды ему и простые житейские радости. С увлечением убирает он елку для малышей, живущих на Канобили, и вместе с ними веселится вокруг нее. С таким же увлечением участвует в составлении адреса юбиляру или выбирает подарок новорожденному... Он искренне огорчается, когда его обгоняют на лыжах, и также искренне радуется выигранной партии в нарды или волейбол.

Тонко чувствуя живопись, музыку, художественное слово, он в тысячный раз вновь и вновь наслаждается и красивым пейзажем, и талантливым творением искусства или литературы.

Все, кто общаются с ним, неизбежно ощущают влияние человека с кристальной совестью и с непоколебимым чувством долга перед страной, перед своим народом, перед наукой. И, естественно — это влияние сильнее всего распространилось на его учеников.

Вряд ли кому-нибудь приходилось наблюдать, чтобы общность школы наложила такую характерную печать на его многочисленных учеников. Кажется, встретишь на улице любого из них — сразу узнаешь школу Харадзе. Всех его воспитанников отличают высокий интеллект, любовь к труду, неизменная корректность, спокойное достоинство. Многолетняя совместная научно-творческая работа спаяла их в здоровый, сильный коллектив, который покоряет обаянием отношений между его членами. Евгений Кириллович даже имеет официальную благодарность как воспитатель молодежи в коммунистическом духе. Но наивысшая благодарность для него — успех его учеников. Пожалуй, в единственном случае беспримерная скромность Евгения Кирилловича отступает перед его гордостью — это, когда разговор заходит об его учениках. Вот об их успехах и достижениях он может говорить долго и подробно. При этом он весь преображается, освещенный радостью. И ученики, все поколения гру-

зинских астрономов, с честью поддерживают широкую славу великолепной школы Харадзе. Слава уже пришла почти к каждому из них. Из старших — почти все имеют ученые степени, младшие — в кропотливой, настойчивой исследовательской работе идут по их стопам. Все вместе они работают над актуальнейшими проблемами звездной астрономии, межзвездной материи. Они изучают солнце, высокие слои атмосферы земного шара. Своими работами, выполненными по общесоюзному плану Паренаго, по плану Международного геофизического сотрудничества и Международного геофизического года и по Службе Солнца, по наблюдению за свечением сумеречного и ночного неба они известны всей международной астрономической общественности. Их труды печатаются в Союзе и за рубежом. Они активно участвуют в работе республиканских, всесоюзных и международных астрономических съездов, конференций, пленумов, симпозиумов. Они получают труды иностранных ученых и посылают свои в Америку, Голландию, Швейцарию и другие страны.

Когда Советский Союз всколыхнул весь мир открытием эры космонавтики, Е. К. Харадзе получил благодарность Академии наук СССР за организацию оптических наблюдений за искусственными спутниками Земли и космическими ракетами. Но он был сторицей вознагражден, когда его ученики на Канобили, в результате перекрестных тройных наблюдений, добыв ценные сведения, вошли в передовой отряд наблюдателей за искусственными спутниками Земли и космическими ракетами.

«Мы, английские ученые, находимся под сильным влиянием работ сотрудников Абастуманской обсерватории», — заявил профессор Лондонского университета Вилли Мак-Крэ на Всесоюзном пленуме Комиссии звездной астрономии Астрономического Совета Академии наук СССР, на котором Евгений Кириллович был избран председателем комиссии звездной астрономии Академии наук СССР.

У многих из его учеников уже есть свои ученики, но они не отвыкли, и никогда не отвыкнут, от чувства постоянного присутствия своего учителя, если даже он где-то очень далеко. Вот раскрыты башни на Канобили.

Телескопы нацелены на какую-то точку Галактики. На фотопленках отпечатываются какие-то штрихи, по которым после будут отгаданы новые «тайны» Вселенной. Темно. Кругом молчаливый лес. Хочется затаить дыхание. Проходят минуты, часы. И вдруг безудержно радостно заливаются телефон, стоящий рядом на столике. Звонит Евгений Кириллович. Спрашивает: как самочувствие и есть ли в небе что-нибудь новое.

Так всегда. Все годы учебы и работы с ним. Каждый из его учеников знает — все то, чего ему удалось добиться в науке, оплачено заветными часами ученого, без колебаний жертвовавшего возможностью заниматься любимой наукой во имя того, чтобы к ней приобщились его ученики, поколения молодых грузинских астрономов.

Он заинтересовал группу своих учеников необходимостью создания собственной технологии, новой, совершеннейшей аппаратуры собственными силами. И накаляется творческая мысль, кипит жизнь в производственных мастерских Канобильской обсерватории, и уже получены первые результаты.

И оказалось, что это — лишь часть возможностей Е. К. Харадзе. Снова повторилась необходимость выбора, как и на заре его деятельности. Ему предложено — оставаясь у кормила астрономической науки Грузии, взять на себя ректорство Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина.

Со зрелостью приходит раздумье. Раздумье становится длительнее. И вопрос куда сложнее. Перед мысленным взором возникает огромный, полнокровный организм, даже пугающий своей многогранной бурлящей жизнью. Университет. Неостывающий очаг грузинской культуры. Мощная кузница научных мыслей и поколений. Самых разнообразных, многотысячных... Трудно? Да, очень трудно... И он соглашается. Человек не уступает ни времени, ни возрасту. Наоборот. Он выглядит гораздо моложе своих пятидесяти трех лет. И гораздо неутомнее его созидательный дух. Уже не одна только кафедра астрономии, а 80 кафедр поручены его заботам. И не может быть в одном университете лучше и хуже поставленных кафедр.

как не может быть важных и менее важных научных дисциплин. Все надо поднять на одну должную высоту. Надо повысить требовательность, действительную успеваемость, надо объявить борьбу с либерализмом в оценке студентов и педагогов. Надо добиваться качества, качества, качества...

И форсируются темпы поднятия качества преподавания, и составления проекта новых университетских корпусов, и улучшения жилищно-бытовых условий студентов, и обновления устаревшего оборудования университетских лабораторий...

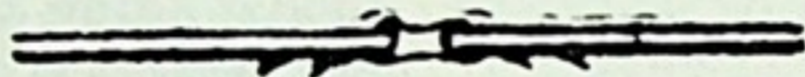
Теперь для отдыха Евгению Кирилловичу отпущены лишь часы в пути между Канобили и Тбилиси. В поезде или в машине. Но путь все

тот же: мимо ансамбля Свети-Цховели — Джвари. Он виден и с поезда и из машины, и никогда сон не смыкает утомленных глаз, не дав им насладиться картиной, такой близкой сердцу...

А впереди Канобили с только что построенной канатной дорогой, научная конференция, оттиски первого грузинского астрономического календаря и учебника по астрономии для высших школ...

А впереди заседание университетского совета, грандиозный силуэт нового корпуса гуманитарных наук, организация в Тбилиси филиала Абастуманской обсерватории с дальним прицелом на будущий Грузинский астрономический институт...

Канобили — Тбилиси.

Карло Гардапхадзе,
секретарь Тбилисского комитета КП Грузии

Тбилиси встречает славный юбилей

Сорокалетие Советской Грузии вместе с грузинским народом отмечает вся наша многонациональная Родина, осененная знаменем интернационализма и коммунизма.

В братской семье народов Советского Союза грузинский народ прошел путь поистине героической борьбы и славных побед. В исторически короткий срок из отсталой окраины царской России, полуколонии, Грузия превратилась в одну из передовых, высокоразвитых промышленных республик нашей страны.

Грандиозные изменения произошли и в жизни одного из древнейших городов мира — Тбилиси. Неузнаваемо изменился его облик. Город, на улицах которого еще полстолетия назад лениво катили фаэтоны и дрожки, а у порогов магазинов зевали торговцы, поджидая и зазывая покупателей, на окраинах которого дымило всего несколько заводских труб, превратился ныне в крупный промышленный, культурный и научный центр.

С первых же лет установления Советской власти в Грузии началась борьба за реконструкцию хозяйства города, строительство новых промышленных предприятий, переоснащение, переоборудование и укрупнение существующих.

Особое внимание, как и сейчас, уделялось развитию тяжелой индустрии. Создавались совершенно новые отрасли промышленности — станкостроение, химическая промышленность, производство электрооборудования, радио- и электротехническая промышленность, сельскохозяйственное машиностроение и т. д. В строй один за другим вступали такие крупные объекты, как электровозостроительный завод имени В. И. Ленина, станкостроительный имени С. Кирова, пластмассовый, коньячный, завод эмалированной посуды, камвольно-суконный, трикотажный, кондитерский и молочный комбинаты, обувные, хлопотно-чулочная, швейная фабрики и множество других предприятий. За последние годы в Тбилиси выросло девять новых электротехнических заводов. В настоящее время в столице Советской Грузии — более девятисот промышленных предприятий.

Для дальнейшего развития индустрии Тбилиси большое значение имеет осуществление решений июньского пленума 1959 года и июльского пленума 1960 года, намечающих дальнейший подъем промышленности и транспорта.

Большие успехи достигнуты нами в деле реконструкции, механизации

ции и автоматизации имеющихся заводов и фабрик. Достаточно отметить, что только за 1959—1960 годы на предприятиях города установлено шестьдесят пять автоматических и полуавтоматических станков, модернизировано более четырехсот единиц оборудования, внедрено более пятидесяти различных механизмов. За технический прогресс борются более десяти тысяч рационализаторов и изобретателей. За последние годы в производство внедрено более четырех тысяч предложений, которые дают ежегодную экономию в несколько десятков миллионов рублей.

В результате значительно возросла производительность труда, уменьшилась себестоимость продукции, увеличился выпуск промышленной продукции. Небезынтересны некоторые сравнения: так, объем валовой продукции 1959 года превышал объем продукции, выпущенной в 1913 году в десятки раз, а один лишь Тбилисский станкостроительный завод имени Кирова выпускает сейчас станков больше, чем все заводы царской России, вместе взятые.

Расширился и ассортимент выпускаемой продукции. Заводы и фабрики Тбилиси выпускают электровозы, станки, различные сельскохозяйственные машины, электросварочное оборудование, железобетон, кирпич, пластмассовые изделия, пищевые продукты, изделия легкой промышленности.

Промышленная продукция столицы нашей республики вывозится не только на внутренний рынок СССР, но и успешно экспортируется на внешний. Марка «Тбилиси» хорошо известна в странах народной демократии, в Индии, Афганистане, Англии, Франции и многих других странах.

Мощное развитие промышленности обусловило и резкий рост рабочего класса Грузии. Если в 1922 году в промышленности Тбилиси было занято до четырнадцати тысяч человек, то к 1960 году эта цифра возросла до ста тысяч. Причем, неизмеримо повысилась и квалификация труда. За последние годы в производство влился поток молодежи со специальным техническим и средним образованием. Трудовая армия города с готовностью включилась в движение бригад коммунистического труда. Более двухсот коллективов завоевали это высокое звание, а за право на него борются несколько сот коллективов.

Растет и армия строителей нового Тбилиси. За сорок лет изменился его архитектурный облик. Тбилиси превратился в один из красивейших городов Союза. Вместо ветхих покосившихся хибарок в Ваке и Сабуртало, в Грма-Геле и Навтлуги выросли высокие светлые многоэтажные дома. Раскинулись новые сады, скверы, парки, спортивные базы — летние и зимние залы, бассейны, стадионы. Только в последние четыре года было сдано в эксплуатацию 785 тысяч квадратных метров жилой площади. Восемнадцать тысяч семей вселились в новые квартиры. В нынешнем году тбилисцы получают более 170 тысяч квадратных метров жилой площади. В прошлое ушли узкие переулки, кривые улочки дореволюционного Тбилиси. Построено много новых магистралей, улиц, проспектов — Варазисхеви, шоссе Ваке — Сабуртало, Октябрьская, Пекинская, Павловские улицы и др. В гранит оделись берега Куры, по ним пролегли новые широкие магистрали. Большие работы ведутся по озеленению города и его окрестностей. Парки, аллеи, цветники, газоны украшают улицы, площади и проспекты, дворы школ, промышленных предприятий и жилых домов.

Значительные достижения имеются в развитии городского транспорта и электроснабжения. Интересно отметить, что в минувшем году средний суточный расход электроэнергии превысил в полтора раза расход электроэнергии за весь 1921 год.

Большие сдвиги произошли в медицинском обслуживании населения. Воспитанию медицинских кадров партия и правительство уделяют особое

внимание, ибо от их квалификации зависит жизнь советского человека, его здоровье и благополучие. А это — немаловажный фактор в деле построения коммунистического общества. В городе открылось много десятков стационарных лечебных учреждений, научно-исследовательских институтов, где самоотверженно трудятся видные деятели советской медицины.

Коренным образом изменилась система народного образования. Выросли высококвалифицированные педагогические кадры. Ныне в Тбилиси 202 общеобразовательных и специальных технических учебных заведения, в которых занимаются более 115 тысяч человек. В дореволюционной Грузии существовало всего одно высшее учебное заведение, а в одном только Тбилиси сейчас одиннадцать вузов с пятьюдесятью пятью факультетами и двадцатью четыремя тысячами студентов. На заочных отделениях учится более двадцати тысяч человек.

Вузы Тбилиси обеспечены квалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами, хорошо оборудованными лабораториями, кабинетами. За время своего существования вузы города подготовили несколько десятков тысяч специалистов высокой квалификации для различных отраслей народного хозяйства и культуры. В республике трудно найти хоть одно предприятие, учебное заведение, научное, культурное учреждение, где бы не трудились воспитанники тбилисских вузов. Сколько выдающихся ученых, педагогов, конструкторов, врачей, деятелей искусства и литературы, работников народного хозяйства вышло из их рядов!

Советская власть создала исключительно благоприятные условия для развития науки. Широко развернулась научно-исследовательская работа. Тбилиси занимает одно из почетных мест среди других научно-культурных центров не только в Союзе, но и за рубежом. В городе более ста научно-исследовательских учреждений, в которых работает более 3.500 научных работников, из них 198 докторов наук и 1.400 кандидатов. Центром научной мысли республики является Академия наук Грузии. Грузинские ученые успешно работают в области экономики, языкознания, литературы, истории, философии, истории искусств, археологии, этнографии, математики, естественных наук. Результаты этих исследований способствуют мощному подъему народного хозяйства республики и одновременно являются ценным вкладом в сокровищницу советской и мировой науки.

Труды грузинских ученых все чаще выходят на международную научную арену. Множество трудов наших ученых переводится на иностранные языки и издается в различных странах мира. Многие наши ученые — члены международных научных организаций, активные участники международных научных конференций, сессий, конгрессов, съездов.

Перед научными работниками Тбилиси стоят важные задачи, которые они должны решить в ближайшем будущем. В связи с этим научно-исследовательская работа получит еще больший размах, и ученые Грузии, без сомнения, внесут свой вклад в самую передовую в мире советскую науку.

За эти сорок лет в Тбилиси сильно расширилась сеть культурно-просветительных учреждений. Множество клубов, библиотек, читален, музеев являются подлинными очагами культуры.

Одним из показателей культурного роста населения города является печатное слово. Издательское дело в дореволюционном Тбилиси стояло на крайне низком уровне. Ныне в городе издается 46 журналов и газет, общий тираж которых достигает миллиона экземпляров. Особое внимание уделяется переводу и изданию трудов классиков марксизма-ленинизма, лучших произведений грузинской литературы. Большая работа ведется в области перевода и издания зарубежной литературы и литератур братских народов Советского Союза.

Каждое более или менее значительное явление в жизни нашего народа находит горячий отклик и верное отражение в литературе и искусстве Советской Грузии. Грузинские писатели, деятели искусств создали за годы Советской власти выдающиеся произведения, отображающие нашу эпоху.

Перед коммунистами Тбилиси стоит много нерешенных проблем, а жизнь ежедневно выдвигает все новые и новые задачи. Есть еще в нашей работе немало недостатков, которые надо выправлять и искоренять.

Трудящиеся социалистического Тбилиси с гордостью оглядываются на пройденный за сорок лет путь борьбы и побед и, полные энергии и энтузиазма, стремятся к новым достижениям, к новым высотам.

Будущее нашего города, намеченное пока еще в планах, макетах, схемах, сметах, — поистине прекрасно и романтично. Появятся новые широкие улицы, площади, проспекты, вырастут новые корпуса заводов и фабрик, здания театров, кинотеатров, массивы жилых домов, зашелестит листва садов и парков.

Сейчас, перед XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза, фабрики, заводы, стройки города захлестнула мощная волна социалистического соревнования.

Добиваясь новых успехов, выполняя предсъездовские обязательства, трудящиеся Тбилиси, вместе со всем советским народом, уверенно и твердо идут вперед, к полной победе коммунизма.

СТРАНИЦЫ БОРЬБЫ

Серго Кавтарадзе

Семнадцатый год в Грузии

Отрывки из воспоминаний

Февральская революция в России насчитывала уже неделю своего существования, а Тбилиси все еще продолжал сохранять дореволюционный облик. Щупальцы самодержавного спрута здесь еще шевелились, хотя голова его уже была отрублена в Петрограде. Военные, полицейские, чиновники — все в царской форме, наместник и генералитет, гауптвахта и сменявшийся караул, соборный звон и фешенебельная публика на Дворцовой и Головинском проспекте, дамы «бо-монда», золотая молодежь, франты, фланеры, собственные выезды... Черт возьми, опять тот же старый мир! Где же она, где революция?!

Она была в Зубаловском народном доме (ныне здание театра имени Марджанишвили), где заседал Совет рабочих депутатов и где на нее уже наложили руку меньшевики, располагавшие там значительным большинством.

Рабочий класс Грузии в определенной своей части не порвал еще целиком своих связей с деревней, с крестьянством. Он не был свободен от мелкобуржуазных влияний. Большевики еще с времен первой революции создали из нее свой партийный актив, опираясь на который, противостояли нам в борьбе за преобладание в рабочем движении в Грузии. Они опирались на мелкобуржуазные элементы, на рабочую аристократию, на ремесленную массу, на часть интеллигенции. Известно, что меньшевики в своих теоретических рассуждениях довольствовались европейским пар-

ламентаризмом, буржуазно-демократической конституцией и социализмом, только как исторической перспективой или, иными словами, социализмом через пятьсот лет, как заявлял один из видных представителей меньшевиков Айоло.

В процессе развивающихся революционных событий рабочие массы и трудовое крестьянство стали быстро революционизироваться. Политическое лицо меньшевистской партии и ее правительства начало обнажаться. Теперь ни для кого уже не была секретом сущность политической ориентации грузинских меньшевиков, заключающаяся в полном отрыве от революционной России и союзе с западным империализмом.

Революцию в Грузии нужно было решительно и стремительно двинуть вперед, без промедления и колебания, сокрушая и отменяя препятствия на пути. Это движение должны были возглавить Советы рабочих депутатов. Но меньшевики мыслили их как некий бесправный и бездеятельный рабочий «парламент», где можно было бы изощряться в красноречии, заниматься болтовней, красоваться перед публикой на балконах и хорах и довольствоваться стряпней беззубых и бескровных, «богоугодных» и миротворческих резолюций и предложений. Этим и объясняется, что Совет рабочих депутатов существовал без исполнительного комитета, без этого делового органа, иначе говоря, без рук и ног. Большевики и не думали его создавать. А в городе

черносотенная реакция уже подымала голову и выходила на улицы. Члены организации «истинно-русских», переодетые полицейские и жандармы, охранники и хулиганы, бандиты и провокаторы, вся эта контрреволюционная шваль начинала распоясываться, нападать на революционных рабочих, избивать и даже убивать их. В результате нашего настоятельного, категорического и упорного требования, поддержанного большинством рабочих, меньшевики согласились, наконец, избрать Исполнительный Комитет Тбилисского Совета рабочих депутатов. От большевиков в Исполком вошли М. Окуджава, В. Джугели и я.

Все правительственные учреждения, все органы царской власти, хотя и пребывали в состоянии полупаралича, оставались пока нетронутыми. Вместо того, чтобы вооружить рабочие отряды, немедленно взять власть в свои руки и при необходимости беспощадно применить вооруженную силу, уничтожить опорные пункты контрреволюции и установить революционный порядок, меньшевики, убоившись обострения событий и борьбы, сразу стали на путь примиренчества, компромисса, сотрудничества, бесхребетного виляния и выжидания. Они серьезно обсуждали вопросы об установлении контакта с представителями буржуазных партий, городской управы, и о совместной с ними посылке делегации к наместнику, дяде царя Николаю Николаевичу Романову, для выяснения его намерений в связи с создавшимся положением, его позиции в происходящих событиях и заявления ему, что сейчас в городе на первом плане стоят вопросы продовольственного и хозяйственного характера, а не обострение и углубление революции. Точки зрения большевиков и эсеро-меньшевиков на движущие силы революции, на ее цели и задачи с первых же дней революции пришли в непримиримое противоречие.

Единственное наше требование, на которое меньшевики согласились, это — захват Тбилисского Губернского жандармского управления. Следует обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, до постановки нами вопроса о жандармском управлении меньшевики ничего не предприняли для захвата этого учреждения, во-вторых, эту операцию они целиком и полностью предоставили нам, большевикам, и лично мне в качестве руководителя, и со своей стороны

от всякого участия в ней устранились, не дав нам в помощь ни одного человека.

Рано утром мы нагрянули на жандармское управление. Быстро заняв все входы и выходы и расставив охрану с приказом «впускать, но не выпускать», мы рассыпались по комнатам. Я с товарищами бросился в рабочий кабинет полковника Пастрюлина. Нигде ни души. Все комнаты и кабинеты пусты. Не было заметно никакого беспорядка, никаких следов торопливого бегства и уничтожения материалов. Все выглядело чисто, чинно и аккуратно. Нас это удивило, и мы вопросительно переглянулись. В это время к нам подошел старик и отрекомендовался то ли истопником, то ли привратником здания.

— Вы напрасно будете искать, — сказал он. — Полковник четыре дня и четыре ночи сжигал в четырех печах бумаги, которые, должно быть, вы и ищите... Вот откройте печи и посмотрите...

Мы действительно открыли дверки больших кафельных печей и удостоверились, что они полны пепла. Было совершенно ясно, что Пастрюлин все эти дни не сидел сложа руки и использовал предоставленную ему свободу для сокрытия и уничтожения следов. Стало также ясно, что проволочка с обыском в жандармском управлении не могла быть объяснена простой случайностью. Несомненно, здесь был злой, преступный и предательский умысел. Кто-то из авторитетных и влиятельных лиц тормозил и оттягивал доступ в жандармское управление, чтобы дать Пастрюлину и его жандармам замести следы преступлений, которые творились в этих застенках. Все было сделано организованно, по плану, спокойно и неторопливо, аккуратно и уверенно. Кто же дал время и свободу врагам революции для совершения этого акта? Кто оказал им помощь и содействие в этом преступном деянии? Кто отвечал перед революцией и народом за сокрытие тайн охранки и жандармерии? Конечно, только те, кто фактически занимал господствующее положение в городе и располагал реальной силой. Это были меньшевики, их ЦК, их руководство.

Что же мы обнаружили? Что нашли?

В кабинете Пастрюлина я стал выдвигать ящики его большого письменного стола. Все они были пусты, но только в одном из боковых ящиков лежала объемистая папка, перевязанная бечевкой, и на ней — пистолет системы

Браунинг тоже перевязанный, запечатанный сургучной печатью и с надписью: «Пистолет Браунинг №....., найденный при аресте Кавтарадзе С. И.» Папка представляла собой том материалов о подпольной деятельности нашей большевистской организации, провалившейся летом 1916 года.

Нетрудно себе представить, с каким чувством нетерпения набросился я на эту папку. Я стал быстро ее перелистывать, пробегать заголовки, подписи, даты... Я захлебывался от радости и удовольствия: это был очень ценный для нас материал, внушающий уверенность в том, что его тщательное изучение прольет свет на темное дело нашего провала и выявит личность предателя.

В это время ко мне подбежал, запыхавшись, какой-то молодой парень, отозвал меня в сторону и взволнованно, шепотом, сказал: «Жандармский полковник удирает... Он сейчас идет по улице... вверх... Можно догнать...»

Я сейчас же вместе с моим информатором бросился вдогонку в указанном направлении и, действительно, издали увидел грузную фигуру полковника Пастрюлина, подымавшегося вверх, под гору... У меня мелькнула мысль: видимо, у него где-то в этом районе, под горой Давида, конспиративная квартира... Я догнал его и остановил.

— Вы жандармский полковник Пастрюлин? — спросил я.

— Да, я полковник Пастрюлин, — ответил он, сурово посмотрев на меня.

— Я вас арестую... Поворачивайтесь... Идите вперед.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Не прикидывайтесь... Мы друг друга достаточно хорошо знаем.

— Какая власть меня арестовывает?

— Власть революции и народа.

— Я такой власти не знаю...

— Если не знаете, так узнаете. Прекратите разговор. Имейте в виду, при малейшей попытке неподчинения, сопротивления или бегства, я вас убью. Понятно?

Он опять смерил меня звериным взглядом и пошел...

— Идите к себе, в свою берлогу... И не оглядывайтесь ни по сторонам, ни назад...

Я привел Пастрюлина в здание жандармского управления, где товарищи продолжали обыск.

Мы завели Пастрюлина в отдельную комнату.

— Разговор будет у нас с вами короткий, — сказал я ему. — Нас интересует то, что вы уже успели сжечь... Вы нам дадите списки ваших агентов, шпионов, осведомителей... сеть вашей агентуры по Грузии, по Закавказью...

— Нет, этого я вам не дам, — решительным тоном ответил он.

— Тогда мы вас расстреляем, — угрожал я ему и позвал двух солдат, которые стояли в соседней комнате.

— Решайте...

— Не дам, — глухим голосом повторил он, не поднимая головы.

Расстрелять его на месте не имело никакого смысла, — пропала последняя надежда, хотя бы в процессе допроса вырвать у него какие-нибудь сведения.

Я вызвал капитана Николадзе, который привел к нам в помощь солдат из караульного батальона. Он содрал с полковника погоны, снял шашку и под конвоем повез на Авлабар в военную тюрьму.

Мы были устранены меньшевистской властью от какого бы то ни было участия в деле Пастрюлина, который, не подвергшись даже следствию, через три месяца, по приказу Ноя Жордания, гласившему, что Пастрюлину по состоянию здоровья вреден тюремный режим, был освобожден и благополучно отбыл из Грузии со своей женой и имуществом.

При наступлении Деникина на Северном Кавказе Пастрюлин появился там в своей роли — палача и душегуба, возглавляя карательные органы белой армии. Кровью многочисленных жертв залил этот зверь пути наступления и отступления контрреволюции на Северном Кавказе. Кровь эта легла несмываемым пятном позора и преступления на меньшевиков.

С жадным интересом взялись мы за папку с материалами по нашему делу. Изучив и проанализировав ее, мы пришли к ошеломляющему результату: провокатором несомненно был член нашей организации Владимир Копалейшвили.

Нужно было действовать быстро, немедленно разыскать провокатора, чтобы он не успел скрыться или эмигрировать в Турцию. Мы стали его искать в Тбилиси и провинции, но безрезультатно. Наконец мы обратились в Исполком рабочих и крестьянских депутатов, где нам удалось в крестьянской секции получить нить для розыска. Там нам сказали, что Копалейшвили

предложил свои услуги для работы по организации крестьянских Советов и вот уже несколько дней, как выехал в Кахетию. Я и Фома Чубинидзе помчались в Кахетию на машине «Рено», принадлежащей заместителю. Мы объехали ряд районов, но нигде не могли напасть на след. Расспрашивая крестьян, мы выяснили, что в селение Сагареджо приехал какой-то большевик из Тбилиси, который ведет с крестьянами беседы об организации сельского Совета. Через полчаса мы были уже в Сагареджо. На центральной площади, где толпилось много местных и окрестных крестьян, я в толпе заметил Копалейшвили. Наши взгляды встретились. Я уловил на его лице застывшее удивление.

Я сказал, что меня сюда направил партийный комитет для выступления на митинге, который по нашим сведениям должен сегодня состояться здесь... и на котором выступят представители разных партий...

Лицо у него совершенно изменилось, даже порозовело, глаза оживились, и он, улыбаясь, сказал:

— Нет, сегодня здесь никакого митинга не предполагается... Но твой приезд хорошо было бы, конечно, использовать... Сегодня пятница, базарный день, и здесь много крестьян.

Я согласился выступить, хотя настроение у меня было не совсем митинговое.

Через 30—40 минут собрались крестьяне, и я, проговорив с полчаса, сказал Копалейшвили, что возвращаюсь в Тбилиси и он должен со мной ехать. Опять какая-то тень прошла по его лицу, и в глазах отразился испуг...

— Я не смогу... — тихо сказал он. — У меня здесь дела... Нельзя отлучаться... Воспользуются меньшевики, федералисты, эсеры...

— Ничего... За один или два дня ничего не может случиться... нужно обсудить крестьянский вопрос в Комитете, и твое присутствие считаю необходимым... Садись, — сказал я ему

решительно. Он сел рядом с шофером, и мы поехали обратно в Тбилиси.

Мы привезли В. Копалейшвили во дворец и ввели в одну из комнат Исполкома. Слух об его предательстве быстро распространился, и собралась большая толпа любопытных. Усадив его за стол против себя, я сказал:

— Ты, должно быть, уже чувствуешь и понимаешь, что происходит. Ты шпион и провокатор. Ты провалил нашу организацию, ты ее выдал жандармерии. Это доказано точно, документально, и ты понесешь заслуженную кару за совершенное тобой преступление против народа...

Он смертельно побледнел, задрожал и, еле ворочая языком, пробормотал:

— Знает бог, что я не...

— Мы знаем лучше бога... Ты давнишний провокатор... Ты расскажешь все подробно — о себе, о своей гнусной работе, о своих товарищах-шпионах, кто и какие задания давал, кого выдал...

Он сидел молча, опустив голову, поглядывая иногда исподлобья, как затравленный зверь.

— Не убивайте, — плачущим голосом проговорил он.

— Ты заслужил смерть...

Он был направлен в тюрьму. Месяца через три меньшевики его освободили, и он скрылся.

Вернувшись летом 1924 года из Турции, я случайно узнал о расстреле Копалейшвили. Этот негодяй опять «ускользнул» от допроса, который мог пролить новый свет на некоторые интересные нас факты.

Некоторые события первых дней февральской революции в Грузии, о которой здесь рассказано, думается, в достаточной степени отражают истинное политическое лицо меньшевиков. Все обостряющиеся отношения с ними вылились в форму вооруженной борьбы трудящихся Грузии, в повсеместные крестьянские восстания, приведшие к победе Советской власти в Грузии.

Платон Шушаня

День первый

В начале 1918 года я включился в работу Кутаисской партийной организации, в которой тогда состояли товарищи Ма-

риа Орахелашвили, Мария Орахелашвили, Шамше Лежава, Ваню Гокадзе и др. Ш. Лежава заведовал в земстве меди-

ქართული
ლიბრარიონი

цинским отделом. По указанию членов губернского комитета партии он устроил меня — тогда еще студента-медика — на работу в Кутаисском уезде в качестве врача, в основном для того, чтобы я мог вести среди населения агитационно-массовую работу.

В то время в Западной Грузии свирепствовала эпидемия сыпного тифа и испанки. Больных было много, и мне приходилось переходить из одной семьи в другую. Так я невольно столкнулся не только со страданиями людей, связанными с болезнью, но и очень близко увидел тяжелую жизнь простых тружеников, доведенную до нищеты. И тут со всей остротой еще раз ощутил необходимость политической агитации среди людей, еще не всегда умевших разобраться в истинных причинах создавшейся тогда в Грузии сложной ситуации.

Для выполнения задания партии о проведении агитационной и организационной работы у меня создавались, благодаря тому, как врач, был непосредственно связан с местным населением.

И действительно, наша работа увенчалась успехом. Партийная организация развернула ее не только в Патрикети, но и в Ткачири, Гегути, Уканети, Опшквити и других селах и районах.

Наша партийная организация быстро росла и крепла. Население все сильнее ощущало необходимость свержения меньшевистской власти.

В Патрикети в то время активными членами нашей организации были Максим Какушадзе, Серапион Намчавадзе — Никоич, как мы его тогда называли, Тарасий Сирадзе и другие.

В 1920 году Коммунистическая партия в Грузии перешла на легальное положение, и наша организация в связи с этим еще больше расширила сферу своего влияния.

Летом того же года, в один из воскресных дней, мы организовали на площади в Патрикети большой митинг, на котором мне пришлось выступить с речью, привести неопровержимые факты полной бесхребетности меньшевистской власти и тяжелого экономического положения населения, в результате чего свирепствовали эпидемии, уносящие сотни жизней. Большевики тоже мобилизовали все свои силы, прислали на митинг лучших ораторов. Но как они не изошрялись, все местное население было на нашей стороне, и их полностью разоблачили.

Даже центральный орган меньшевиков — газета «Эртоба» — не могла

скрыть истинного положения и вынуждена была отметить, что у большевиков в Западной Грузии, в Патрикетском районе, очень сильная организация.

Меньшевистские агенты перешли в наступление. Они нападали на наших товарищей из-за угла, не гнушались побоями.

Через несколько дней, когда я из Патрикети приехал ночью в Кутаиси, у самого дома, где жила моя семья, передо мной, как из-под земли, выросли два вооруженных меньшевистских агента. Один из них ударил меня прикладом по голове. Я упал без сознания, истекая кровью...

Вскоре начались массовые репрессии, обыски, аресты. Из нашей организации в тюрьму заточили Какушадзе, Намчавадзе, Сирадзе и меня. Нам предъявили обвинение в подготовке вооруженного восстания. В подготовке

восстания я встретился с группой большевиков — Мамулией, братьями Федором и Варденом Каландадзе, Варламом Дзnelадзе, Валей Бахтадзе, Сандро Каджая, Георгием Елисабедашвили и многими другими.

Решив продолжать борьбу с меньшевистской властью и в тюрьме, мы организовали общетюремную голодовку. Была создана тройка, возглавившая это мероприятие: Федор Каландадзе, Самсон Мамулия и Георгий Елисабедашвили.

Мы составили текст протеста с требованием ускорить разбор нашего дела и немедленно освободить нас. С помощью сочувствовавшего нам тюремного надзирателя нам удалось раздобыть красное знамя и вывесить его сквозь железную решетку окна тюремной камеры. Охрана открыла стрельбу из винтовок.

Голодовка продолжалась. В тюрьму явились представители меньшевистской власти и стали настаивать на прекращении голодовки, угрожали затопить водой камеру с заключенными. Но это на нас не подействовало. Большевики вынуждены были освободить почти всех заключенных. Некоторых товарищей выслали в Баку, а мне запретили проживать в Западной Грузии.

Осенью 1920 года, по указанию губернского комитета партии, я приехал в Тбилиси и поселился в конспиративной квартире на Тер-Гукасовской улице, в доме № 26 (ныне улица Гурамишвили).

Как сейчас помню тревожные февральские дни 1921 года в Тбилиси.

В ночь с 24 на 25 февраля со станции отбыл в Западную Грузию последний эшелон, переполненный грузинскими

меньшевиками и их единомышленниками. Правда, среди них было немало мирных граждан, перепуганных меньшевистской пропагандой.

Наконец отошел со станции и меньшевистский бронепоезд под командованием Гогвадзе. Он взрывал мосты, обстреливал придорожные села, в общем делал жалкие попытки хоть чем-то помешать победе восставшего народа и пришедшей ему на помощь Красной Армии.

По улицам города разъезжал автомобиль, в котором я заметил поэта Паоло Яшвили. Он высоко держал красное знамя.

С утра падал мелкий снег, дул легкий ветер. Около 8 часов утра в здании нынешнего Тбилисского Совета депутатов трудящихся состоялось заседание Ревкома Грузии. Здесь я встретился с товарищами М. Окуджава, М. Орахелашвили, Ш. Элиава, С. Мамулия, Ф. Каландадзе, Я. Джорбенадзе и некоторыми другими.

Во время заседания в зал вошел с группой профессоров ректор Тбилисского университета, известный ученый И. Джавахишвили. Они выразили свою готовность быть вместе с Советской властью во всех ее начинаниях.

Кто-то вынес на Эриванскую площадь стол. На него взобрался Ясон Джорбенадзе и открыл митинг.

Пехотные части Красной Армии подходили с Пушкинской улицы...

Первый легальный партийный актив Тбилиси собрался через несколько дней после установления Советской власти (дату точно не помню) в Красном зале нынешнего Тбилисского Совета депутатов трудящихся. Он был малочислен.

Докладывал председатель Ревкома Филипп Махарадзе. Он говорил о поручениях, которые были ему даны Владимиром Ильичем Лениным, об осторожном, умелом подходе к людям, о наших трудностях и перспективах...

В это время кто-то вбежал в зал и громко крикнул: «Серго пришел!» И тотчас же вслед за ним в зал заседаний быстрыми, уверенными шагами в длинной шинели и в буденновке вошел Серго Орджоникидзе. Он был небрит. Чувствовалось его приподнятое настроение...

Еще бы! Он докладывал Владимиру Ильичу Ленину о событиях в Грузии и получил указания вождя...

Начатый товарищем Филиппом доклад продолжил Серго...

Константин Джапаридзе

Отстаивая завоеванное

Мне довелось быть свидетелем и участником той невероятно трудной борьбы, которую пришлось выдержать в первые месяцы после установления Советской власти в Грузии молодой республике, измученной интервенцией и хозяйничанием меньшевиков. Врагов внутри республики (не говоря уже о внешних) в то время было больше, чем достаточно. Большевики не хотели мириться с потерей власти. Их оружием в наступлении против пролетарской диктатуры стали антисоветские организации, контрреволюционные банды, саботажники, спекулянты, организовавшие отчаянную подрывную работу по всей стране.

Но все эти попытки задушить только что родившуюся Советскую республику разбивались о непреклонную волю, эн-

тузиазм и революционную бдительность народа, наконец взявшего власть в свои руки.

Вот несколько эпизодов этой борьбы.

В конце 1921 года меня перевели в Ахалкалакский уезд начальником отряда по борьбе с бандитизмом.

Там тогда еще орудовали муссаватисты и дашнаки. Армяно-турецкая резня не прекращалась несколько дней. А трудностей было не счесть. Не налажена связь, дороги в ужасном состоянии. Не хватало боеприпасов и продуктов питания. А тут еще, кроме местных, в уезде распоясалась одна турецкая банда. Она то и дело угоняла стада овец, находившиеся тогда на летних пастбищах в Богдановском районе. Избавиться от нее

было нелегко. Приходилось изощряться, прибегать к хитростям.

В это время приехал в Ахалкалаки Саша Гегечкори — нарком внутренних дел Грузинской ССР. «Приказываю полностью ликвидировать банды, — заявил он нам, — и восстановить в уезде спокойствие».

Мы понимали, как важно выполнить этот приказ, чувствовали ответственность, возложенную на нас. Задание наркома мы с честью выполнили.

Немало натерпелись от банды Чолокашвили жители Телавского уезда. Это был хорошо организованный и до зубов вооруженный отряд из меньшевистских подонков и офицеров царской армии. Он действовал вначале в Душетском и Тианетском уездах, а затем в Телавском.

Борьба с этой бандой была отчаянной и упорной. Но я хочу рассказать об одном случае, который помог нам выловить главарей банды и многих сочувствующих им.

Мы направлялись в сторону села Гиоргети по следам скрывавшихся от нас бандитов. В селе Энисели нам сообщили, что в Греми в этот вечер должна состояться свадьба брата начальника штаба Чолокаевского отряда. Среди гостей было немало «сочувствующих» чолокаевцам.

Я никогда не забуду живописную картину, когда нарядившиеся к торжеству гости, покидали дом невесты с поднятыми руками. Ничего не поделаешь: мы вынуждены были сорвать веселую свадьбу

и повести гостей не к столу, а в штаб милиции. Здесь же нам удалось узнать, что остальные чолокаевцы собираются в соседнем селении, чтобы всем вместе организованно явиться и поздравить новобрачных.

Туда были посланы наши товарищи, чтобы проверить достоверность этих сведений. Вскоре мы услышали стрельбу и сразу же бросились на помощь отрядчикам. Более двух с половиной часов продолжалась неравная схватка: нас было восемь человек, их — пятьдесят.

В этом бою оказались убитыми начальник штаба чолокаевской банды и комендант их отряда. Один бандит был захвачен в плен.

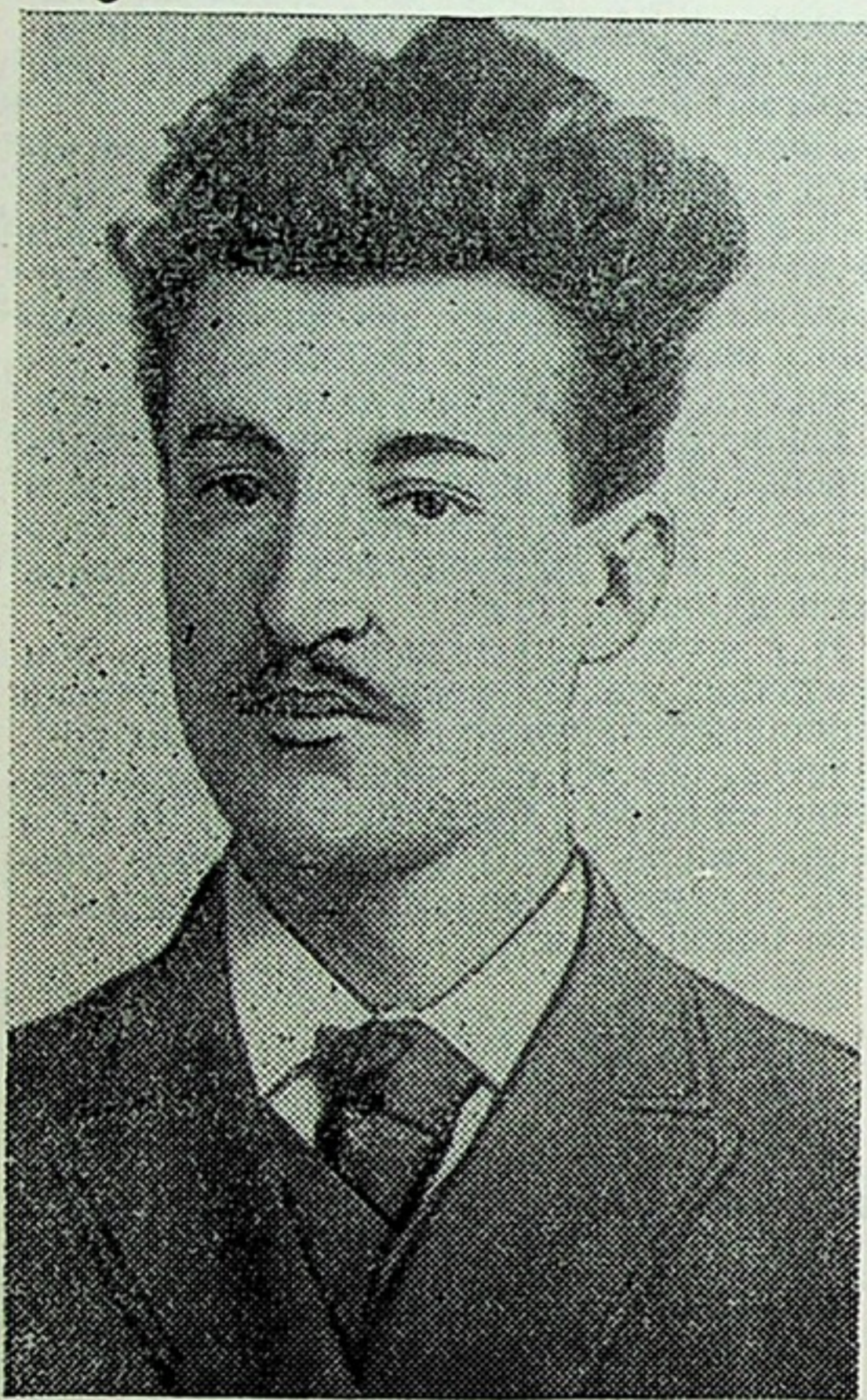
После этого мы еще не раз сталкивались с чолокаевскими подонками — дрались с ними у села Энисели и в селении Тетрицклеби, где бандиты убили командира частей особого назначения Телавского уезда, тов. М. Эристави, могила которого находится в Телавском сквере.

Операция в селении Алвани оказалась для нас самой удачной: за одну ночь нам удалось арестовать 35 чолокаевских бандитов. Вскоре от этой банды осталась лишь дурная слава.

Я вспомнил об этом в радостные дни праздника нашей республики, которая спокойно и мирно трудится и строит коммунизм, потому, что ведь за это спокойствие пришлось много бороться. За него было отдано много сил и энергии людей, которых теперь мы называем старшим поколением.

Захарий Швелидзе

Неизвестные фотографии Ладос Кецохели

лась справка, составленная департаментом полиции на основе материалов о революционной деятельности Ладос Кецохели. В справке говорилось, что по распоряжению Святейшего Синода, за активное участие в беспорядках, происшедших в 1893 году в Тифлисской духовной семинарии, Ладос Кецохели был исключен из семинарии с лишением права жительства в Тбилиси, после чего поступил в Киевскую духовную семинарию, откуда 29 марта 1894 года был исклю-

Разбирая в Московском Центральном историческом архиве материалы фонда департамента полиции, я увидел сразу же заинтересовавшее меня дело, официально именованное так: «О сыне священника, дворянине Владимире Захарьевиче Кецохели»¹. Начатое в конце прошлого века, оно было закончено в 1904 году, т. е. после вероломного убийства Ладос Кецохели.

В деле, состоявшем из 66 листов, име-

¹ ЦГИАМ, фонд ДП. 00. 1904 г. д. 283.

чен — теперь уже за неблагонадежность. В Киеве Ладо Кецховели был арестован, а затем выслан на родину под надзор полиции.

В справке далее указывается, что в сентябре 1897 года Ладо Кецховели, скрывшись от надзора полиции, тайно приехал в Тифлис. После того, как в конце 1899 года Ладо Кецховели провел забастовку тифлисских трамвайных рабочих, полиция вновь решила арестовать его, однако он опять успел скрыться. Департамент полиции начал розыски по всей империи и даже разослал всем губернским жандармским управлениям специальный циркуляр. Именно на основании материалов розыска и составлено упомянутое выше дело.

Разосланные циркуляры сопровождались строгим указанием министра внутренних дел «обыскать, арестовать и препроводить (Ладо Кецховели — З. Ш.) в распоряжение Тифлисского жандармского управления, уведомить о сем департамент полиции». Указывается также, что в департаменте полиции «фотографическая карточка имеется».

Действительно, в дело вшит конверт,

с вложенными туда двумя фотоснимками Л. Кецховели — один анфас, а другой — в профиль.

На хорошо сохранившихся фотокарточках Ладо Кецховели лет 18—19. Судя по одежде и прическе, снимок сделан в одно и то же время и одним и тем же фотографом. Как известно, именно так фотографировали арестантов. Однако изящество одежды и прическа (арестантам обязательно обривали голову) позволяют предполагать следующие варианты появления этих снимков: либо они сделаны сразу же по аресте Ладо киевской полицией, до отправки в тюрьму, либо сданы им самим при поступлении в Киевскую духовную семинарию, либо агенты полиции тайно сфотографировали Ладо Кецховели.

Что касается даты, то, несомненно, что эти неизвестные до сего времени фотографии Ладо Кецховели сделаны или осенью 1894 года (при зачислении его в Киевскую духовную семинарию), или в конце марта 1896 года (когда его исключили из Киевской духовной семинарии и арестовали), или же (что менее вероятно) между этими двумя датами.

Листая старые газеты...

Сорок лет — срок немалый. Он до отказа насыщен событиями. Но бывают дни, которые время никогда не выветрит из памяти. Мы снова и снова мысленно возвращаемся к этим незабываемым дням...

Перелистываем подшивки первых советских газет нашей республики. Пожелтевшие, ломкие от времени страницы, нестройные колонки строк, в которых уживаются буквы разных шрифтов — на всем приметы торопливости, неизмеримо трудных условий, в которых в 1921 году создавалась газета «Правда Грузии».

Оперативные военные сводки, указания и решения ревкомов, обращения, резолюции, циркулярные письма... И в этом потоке официальных сообщений несколько необычно выглядит рубрика: «Эскизы карандашом». Здесь короткие репортажи, живые зарисовки событий журналистом, который идет по горячим следам, торопится рассказать читателю о своих наблюдениях, может быть, еще не до конца понятого и осмысленного происходящего на его глазах становления новой жизни.

Впервые под этой рубрикой, появившейся в № 4 «Правды Грузии» от 5 марта 1921 года, была напечатана зарисовка «Жизнь улицы», подписанная псевдонимом неизвестного автора — «Маска». Мы приводим

выдержки из этой зарисовки, передающей настроение тех дней.

«...Тифлис и его улицы живут сейчас яркими и совершенно новыми впечатлениями.

Почти физически и молниеносно налетевшими на нас.

...Улицы Тифлиса и весь он потеряли свой обычный облик.

Уже 24 утром на протяжении всего Головинского, Дворцовой и прилегающих ко дворцу и зданию министерств улиц не видно было никого из тех, без которых трудно было бы и представить себе:

«Грузинскую независимую республику».

Ни одного милиционера. Ни одного из сотрудников Кедиа. Ни одного министерского чиновника с толстым лоснящимся кадыком и портфелем, наполненным проектами всевозможных, весьма выгодных финансовых комбинаций, сулящих в свою очередь для граждан бесконечный ряд комбинаций из трех пальцев!

Ни одного министра! Куда они делись?

Ведь только вчера все они заверяли граждан, что положение настолько прочно, что не может быть никаких опасений.

Заверяли прессу, которая в свою очередь преисполнилась чувствами уверенности в победе, доходящими до ультра-романтических форм. Все это в день 24 февраля было уничтожено и сметено...

Я в качестве журналиста, которому не подобает сниматься с поста, с утра и до вечера на улице.

Приглядываясь к улицам, к биению общественного пульса, ловлю настроенные минуты и часа, переживая налетевшие события, прозреваю в грядущем новое и отбрасываю страх перед этим новым, долженствующим перевернуть весь уклад жизни по-своему.

Ну так что же.

Есть боль за тех, кто понес тяжелые утраты в эти дни.

Но больше всего есть великая жажда скорого устройства этой новой жизни.

Есть великая неутомимая жажда правды.

Жажда жизни в началах истинного братства и любви...»

О событиях первых дней установления Советской власти в Грузии подробно рассказывает в своих воспоминаниях известный деятель большевистской партии С. Тодрия. Опубликованы они в газете «Заря Востока» от 25 февраля 1926 года, под названием «Как это было».

«11 февраля 1921 года ночью началось большевистское восстание в селекции Узунляр Лорийского района, — рассказывает С. Тодрия.

За месяц до этого восстания вернулся я в Тифлис из Москвы.

Через 2 или 3 дня после начала восстания прибежала домой моя жена, которая работала в советском торговом представительстве, и сообщила, что меньшевики арестовали советскую миссию.

До этого был арестован целый ряд товарищей. Очередь должна была дойти и до нас. Теперь мы решили уйти из дома и скрыться куда-нибудь. Вышли на улицу, но недалеко от нашей квартиры встретил нас сын С. Джибладзе и сообщил, что они уезжают и отец зовет нас к себе.

Сильвестр оставил нас у себя и сказал, чтобы мы не выходили на улицу, если не хотим попасть в Метехский замок. Таким образом он подверг нас домашнему аресту, с какой целью — это выяснилось потом.

После этого я с ним редко встречался — приходил он поздно ночью и уходил рано утром.

Кажется, 18 февраля встретились, и он мне сказал, что от Чичерина получили радиogramму, в которой он предлагал им свое посредничество для мирных переговоров с Ревкомом Грузии.

Я спросил:

— Какой ответ дали они на это?

— Сообщили, что мы согласны вести мирные переговоры лишь после того, как красные войска, помогающие восставшим, отойдут назад до наших прежних границ с Азербайджаном и Арменией.

В это время грохот пушек уже слышен был в Тифлисе.

Кажется, 20 февраля пришел С. Джибладзе домой и сказал мне, чтобы я отправился на радиостанцию и вызвал Авелия Енукидзе для переговоров по поводу предложения Чичерина. Теперь они соглашались вести переговоры о мире без предварительного вывода Красной Армии из пределов Грузии.

Такое предложение Сильвестра меня очень удивило, так как за переговорами с советским правительством можно было обратиться к советскому представительству, хотя бы и сидящему в Метехском замке.

Я отверг предложение Джибладзе.

На второй день С. Джибладзе опять повторил мне свое предложение, но теперь в иной форме.

— Отправим тебя во Владикавказ, и оттуда будешь вести переговоры с Москвой, — сказал он мне. — Мы согласны на назначение комиссии под председательством Авелия Енукидзе.

И это предложение я отверг.

— Вы уже пропустили все подходящие случаи для мирного окончания конфликта, а теперь мое выступление в роли посредника считаю совершенно неуместным, — ответил я.

Ясно было теперь, для чего они держали меня под домашним арестом — на всякий случай иметь под рукой человека, который свяжет их с советским правительством и большевистской партией. Отказавшись от посредничества, я на другой день чуть не раскаивался. Грохот пушек утих. Газеты подняли шум о катастрофическом поражении большевиков. Создалась такая атмосфера, что 21 февраля вернулись обратно в Тифлис отправленные в Западную Грузию семьи меньшевистских руководителей.

Но 24 февраля, вечером, снова приступили к упаковке вещей.

Квартира С. Джибладзе представляла сборный пункт для некоторых меньшевистских руководителей перед их бегством.

До 3-х часов ночи длилась их отправка.

Когда начало рассветать, я вышел на балкон, падал снег. На улице гробовая тишина. Выстрелов не слышно.

На Эриванской площади с утра начался митинг. С балкона городской управы произносил речь Галактион Нуцубидзе, а на площади с автомобиля — Г. Вашадзе.

Товарищи схватили меня, затащили в

подъезд управы. Ввели в какой-то кабинет и объявили, что я назначен председателем городского революционного комитета, и предложили приступить к выполнению обязанностей.

Кем был назначен на эту должность, и теперь не знаю.

Открыли заседание ревкома, выработали план работы.

Выпустили воззвание, приступили к рассылке товарищей, для занятия разных учреждений и милицеских районов и создания там какого-нибудь временно действующего аппарата.

Было 10 часов утра, когда сообщили мне, что дипломатические представители иностранных государств хотят видеть председателя ревкома.

Открылись двери, и вошли 5 или 6 дипломатов. Чувствовали они себя довольно плохо — были бледны, как полотно.

Столько начитались и наслышались они ужасов про большевиков, что, когда шли в ревком, предполагали, наверно, встретить чертообразных рогатых людей.

Мы приветствовали друг друга и с помощью переводчиков повели беседу. Они поздравили нас с установлением новой власти.

Я поблагодарил. Затем спросили, каково будет распоряжение новой власти относительно их дальнейшей деятельности. Я им объявил, что они могут продолжать исполнение своих обычных обязанностей и защищать интересы граждан своих стран в тех рамках, которые будут определены Советской властью одинаково для всех граждан. Моими разъяснениями они остались весьма довольны. При прощании спросили, чем могут услужить новому правительству. Я знал, что наша касса пуста, но занимать у них деньги считал неудобным. Видно было, что именно этого они ожидали от меня. Но я нашел у них возможным попросить на время только автомобили. Они с удовольствием предоставили в наше распоряжение легковые автомобили.

Около часу дня задрожало здание Городской управы: на площади перед ним начали идти танки. За ними шли с пением отряды товарищей красноармейцев. Власть уже опиралась на твердую силу, и порядку не угрожала опасность.

Из городской управы перешли во дворец, где состоялось первое заседание временного революционного комитета Грузии под председательством Мамия Орахелашвили, который объявил установление Советской власти в Грузии и издал декрет об амнистии.

Этим декретом еще раз давалась меньшевикам возможность одуматься, но они окончательно потеряли голову. Утопая, они хватались за соломинку, пропуская мимо спасательные круги, которые им великодушно бросала Советская власть.

Потеряв главнейшую позицию — Тифлис, — они отступили и продолжали лишнюю всякого здравого смысла борьбу.

Окунувшись в море ошибок со дня Октябрьской революции 1917 года, меньшевики продолжали плавать в этом море до 18 марта 1921 года, пока не были сброшены в Черное море, чтобы продолжать плавание уже в океане глупостей и преступлений».

* * *

Эти воспоминания газета «Заря Востока» поместила в связи с торжественной датой — пятилетием Советской Грузии.

Номер этой газеты выглядит празднично.

Здесь же напечатан отчет о торжественном заседании в Тбилиси, посвященный этому знаменательному юбилею — своеобразный репортаж из тех далеких дней, которые представляют яркую и знаменательную страницу истории нашей республики.

ПЯТЬ ЛЕТ И... ДАЛЕЕ

Красные флаги, как густые языки пламени, при неверном свете электрических лампочек лижут лепные колонны театра, а перед театром праздничные толпы народа.

В узкий подъезд с лением, с гомоном вваливаются толпы пионеров и комсомольцев, черной дисциплинированной колонной проходит партшкола, тянется серая лента красноармейцев, а вокруг всего этого — пестрая россыпь: профессора, депутаты Совета, весь красный тифлисский актив.

Зал уже полон, ложи до отказа набиты народом, когда поднимается занавес и председатель торжественного заседания товарищ Филипп Махарадзе начинает вступительное слово.

Вслед за ним у трибуны товарищ Элиава. Кратко обрисовав героический путь, проделанный за 8 лет Красной Армией, он под шумное одобрение зала шлет ей пожелания усиления внутренней мощи и переходит к скромной юбилярше — Советской Грузии, прожившей, просуществовавшей нелегких пять лет и доказавшей не только парижской эмиграции, но и всему миру, что она просуществует еще столько, сколько ей самой понадобится.

Борьба. Тайные козни. Политическая провокация. Недоверие. Предательские ножи, занесенные над спиной. Все это уже кажется в прошлом. Впереди годы борьбы за хозяйственное возрождение страны, в которой ничего не было, и в которой нужно создать все. Создать заново.

На что же возлагать надежды в этой работе?

Докладчик приводит коротенькие ци-

фры, которые отвечают на этот вопрос ярче и красноречивее, чем сотни самых убедительных фраз.

Страной управляет около 90% крестьян и рабочих. Разве они захотят себе зла, разве они не напрягут свои мышцы и мозги для того, чтобы вытянуть родную страну из бедности и беспорядков?

И рядом многозначительная справочка: какой процент рабочих и крестьян участвовал в управлении страной при меньшевистском правительстве? Крупица.

Крупица, утонувшая в массе толстосумов и дворян.

Вот и итоги, и перспективы.

И тут же такое яркое и ясное подтверждение.

Не успел т. Элиава отойти от трибуны, как уже его сменяет делегат комсомольской конференции, который от лица многотысячной смены, подтверждает:

— Да! Надеемся и на нас! Мы тоже дали клятву не отдавать завоеванного. Все силы отдадим возрожденной Родине.

Верит ли своим избранникам масса?

Считает ли она правильным все то, что сделано грузинским правительством за истекшие пять лет?

На это красноречиво отвечает голосо-

вание резолюции, в которой выражается полное доверие высшим органам власти.

Тов. Махарадзе пробует спросить у собравшихся:

— Кто против этой...

Но ему не дают докончить, и весь зал тонет в рукоплесканиях.

И наконец заключительный штрих, в котором таится много внутреннего смысла, над которым стоит серьезно задуматься.

У стола президиума один за другим вырастают фигуры делегатов с грузинского съезда писателей. Они пришли сюда сказать, что около сотни собравшихся на съезде беллетристов, поэтов, критиков, философов и публицистов особой резолюцией постановили приветствовать Октябрьские завоевания Советской власти и изъявляют свою полную готовность работать с нею плечом к плечу, рука об руку.

Зачитывается пространная резолюция, но короче и гораздо выразительнее говорит об этом маститый Давид Клдншвили, весь в сединах, как в мягком пуху.

Его молодые звонкие фразы, говорящие о дружбе и совместной работе, летят в зал, а зал в ответ гремит и грохочет ответными дружескими криками.

Георгий Маргвелашвили

Жизнь, история, литература...

Статья вторая

«Заря Колхиды», «Гвади Бигва» и «Похищение луны» — три наиболее крупных произведения грузинской советской прозы, в которых по-разному и с разных сторон нашли художественное воплощение процессы, происходившие в новой, Советской Грузии, преимущественно в грузинской деревне. Однако, кроме этих больших романов, грузинскими писателями разных поколений и дарований, работающими в разных жанрах, были созданы в 20-х и 30-х годах повести и рассказы, драмы и комедии о городе и деревне, о жизни интеллигенции и рабочего класса, колхозного крестьянства и Советской Армии. Так, например, одним из первых в грузинской советской литературе затронул тему индустриализации республики П. Чхиквадзе в своих романах «Этажи» и «Товарищ Бутхузи». Жизнь рабочего класса была отражена и в «Ферро» Б. Чхеидзе. В произведениях испытанных мастеров грузинской прозы и драматургии — М. Джавахишвили, С. Клдиашвили, Д. Шенгелая, А. Белиашвили, Ш. Дадиани, П. Какабадзе, И. Вакели читатель увидел и картины перестройки и обновления самых отдаленных и «глухих» уголков Грузии (некоторые из «Сванских новелл» С. Клдиашвили, пьеса «Тетнульд» Ш. Дадиани), и жизнь городской интеллигенции (роман «Вдохновение» Д. Шенгелая), и героических покорителей природы — осушителей колхидских болот (пьеса «Поколение героев» С. Клдиашвили), и контрастные картины борьбы старого и нового в городе и

на селе, нарисованные в комедийном ракурсе (пьесы «Прямо в сердце» Ш. Дадиани, «Свадьба колхозника» П. Какабадзе, «Апракуне Чимчимели» И. Вакели). Целый ряд произведений грузинских писателей был посвящен изображению больших и малых событий недавно отгремевшей гражданской войны в России — в этих произведениях особо сильно сказались идеи дружбы народов, вдохновляющие советских писателей. На страницах грузинских романов, повестей, рассказов, пьес все чаще появляются яркие образы русских, украинцев, белоруссов, армян, азербайджанцев и представителей других народов Советского Союза. Тут и образы известных исторических деятелей, и простых тружеников и воинов. Писатели ищут также далекие исторические корни дружбы и совместной борьбы за свободу лучших сынов разных народов (роман «Арсен из Марабды» М. Джавахишвили и пьеса «Арсен» С. Шаншашвили), они перелистывают и страницы сравнительно недавнего прошлого, отражая новый этап этой совместной борьбы. Образы русских людей живут и в таких значительных произведениях грузинской прозы, как знакомые нам уже «Аки Адзба» Л. Киачели и «Пепелище» С. Клдиашвили; К. Лордкипанидзе несколько наиболее значительных своих произведений посвящает событиям гражданской войны в Белоруссии, а в известной своей «Горийской повести» рисует образ молодого Горького. Остановимся более подробно на

этих произведениях К. Лордкипанидзе, так как в них достаточно отчетливо сказались и общий подход грузинских писателей к интересующей нас теме, и многие индивидуальные черты, свойственные творчеству самого К. Лордкипанидзе. Основной пафос названных здесь произведений писателя так же, как и основной пафос его романа «Заря Колхиды», — в революционном гуманизме. Гуманизм писателя действительно революционен. Художник не любит человека вообще, как некоей биологической особью, «венцом творения», он ищет в человеке человеческое, борется за победу этого человеческого и показывает те новые социальные условия, которые революционизируют народ, дают ему возможность полностью выявить свою творческую энергию, скованную раньше рабскими условиями жизни. Можно сказать, что главное содержание произведений К. Лордкипанидзе составляет рассказ о том, как человек становится Человеком. Горьковская тема? Да, поскольку Горький первый открыл ту страницу, с которой начиналась новая глава в истории мировой литературы. И не случайно в рассказе «Горькая повесть», в котором непосредственно раскрывается тема гуманизма, автор рисует образ молодого Горького, в поисках правды и человечности исходившего почти пол-России.

«Он был ненасытно любознателен. И, может быть, это заставило его бродить по свету, ночуя, где ночь застанет, находя друзей, где они найдутся. Он стороной обходил людей, которые, подобно скотине, пристрастились к своему стойлу — даже голову не поднимут, чтобы на небо взглянуть, чтобы хоть чем-нибудь отличиться от четвероногих. Скучно с такими. И он ушел от этой скуки» — вот первая прямая характеристика «незнакомого путника», образ которого нарисован в рассказе. Затем эта характеристика расширяется. Бегство от скуки, от прикованных «к своему стойлу» людей оказывается неотделимым от желания внести в эту скуку жизнь, сделать рабов людьми, заставить их оторваться от стойла и взглянуть на небо. «Человек живет для лучшего» — эти известные горьковские слова следующим образом трансформируются в рассказе Лордкипанидзе во внутреннем монологе «спутника»:

«Может, лучшего не обретешь, но к лучшему тянет безудержно. И от этого человек становится чище, свежее. Кажется, что брошен ты в этот мир, как квасцы в мутную воду, чтобы очистить все, что осквернили, что за-топтали подлые люди. И мир тогда возникает перед тобой молодо, в первоначальной своей красоте. Смотришь на эти цветы, на зеленый пожар в долинах, на лиловый разбег холмов, смотришь так, будто до тебя никто их не видел. И женщину любишь так, будто никто до тебя ее не любил. И дружба радуется, будто человек человеку никогда не был врагом. Хочется рукоплескать жаворонку в небе, поклоном встречать восход солнца, удивляться всему, словно присутствуешь при сотворении мира».

Это не цитата из Горького, хотя слова эти кажутся буквально выписанными из его произведений. Это та степень проникновения в образ реально существовавшего лица, когда он оживает настолько, что может говорить своими словами, ходить своей походкой, думать своими, а не приписанными ему мыслями.

В основу «Горькой повести» положен исторический эпизод — казнь двух крестьян в Гори в 1892 году, очевидцем которой был молодой Горький, побывавший тогда в Гори. Горький дан таким, каким он только и мог быть в 1892 году. Это еще, разумеется, не пролетарский революционер, он еще — в состоянии духовного брожения, он еще ищет, хотя и находится на верном пути, мировоззрение его формируется. Гуманизм его — еще не гуманизм «Врагов» и «Матери», но это уже гуманизм «Девушки и смерти», «Васьки Буслаева». И если о маленьком горьком ученике, присутствовавшем на казни, автор говорит, что в этот страшный день «детство мальчика кончилось», то о молодом путнике тоже можно было бы сказать, что виденное в Гори — не только ужас казни, но и красота человеческого подвига, красота мужества, сила любви, побеждающей самую смерть, — пробудили в нем новые чувства и мысли, обогатили его душу еще одним новым качеством, оказались той последней каплей, которая переполнила чашу впечатлений и превратила «ненасытно любознательно-го» «путника» и «бродягу» в писателя.

Сродни «Горийской повести» и цикл белорусских рассказов К. Лордкипанидзе, известных под общим заголовком «Бессмертие». Внешнего сходства здесь не приходится искать — настолько отличны и время, и пространство, в пределах которых происходит действие в этих двух произведениях. Но тем явственнее ощущается их внутренняя близость, единство гуманистической концепции, положенной в их основу. И здесь писателя привлекают переломные моменты в судьбах героев, и здесь он старается подглядеть скачок в духовном развитии человека, зафиксировать тот момент, когда что-то в душе навеки умирает, а нечто новое, неиспытанное, неизведанное празднует свое рождение.

...Скучной жизнью живут в Полесье, той скучной жизнью, от которой бежал герой «Горийской повести». Беспросветная нищета, стоячий, окостеневший быт, жестокая власть земли и слепая власть тьмы. В ветхой одинокой корчме знакомит нас автор впервые с дедом Рухло. Сын его Михась — на войне, сноха Уладья не разгибает спины, чтобы спасти ребенка от голодной смерти. Древний дед лишь изредка позволяет себе отдохнуть, вот как теперь. И отвести в корчме душу в рассказах и беседах, в которых безысходная горечь перемешана с убогой мечтой о земле, о куске хлеба. Рассказы «В корчме» и «Конь» составляют первую, экспозиционную половину интересно задуманного цикла. Действие в них происходит еще до революции, где-то на исходе империалистической войны. Рассказ «Опять о коне» — своеобразный мостик к последнему, кульминационному в идейно-композиционном отношении рассказу цикла. Героев «Бессмертия» мы видим здесь такими, какими сделала их неподвижная, косная жизнь старой России, — забитыми и придавленными, униженно прикованными к стойлу, отравленными ядом собственничества, тем более горьким, что собственности-то у них нет никакой. Но вот это «почти» и держит в своих цепких лапах души Рухло и Михася. Рухло готов до гроба ссориться с соседом из-за старой яблони, выросшей где-то у межи их дворов. И Рухло и Михась с болью в сердце отказываются помочь раненому партизану, опасаясь навлечь подозрения белогвардейцев и потерять единственного коня. Этот конь и со-

ставляет всю собственность Рухло и Михася. Но вот его все же уведут гайдамаки, и, несмотря на все горе Рухло и Михася, мы видим, что этот последний удар не убил их, а воскресил, а если и убил кого, то только собственника в их душах, окончательно разбудив и призвав к жизни таившегося в них человека.

В рассказе «Бессмертие» К. Лордкипанидзе прибегает к своему излюбленному приему: показывает, как возрождает революция человека, на какую высоту она его поднимает, какие невидимые доселе сокровища обнажает она в артезианских глубинах его души. Старый лукавый дед Рухло, всю жизнь ссорившийся с соседом Терентием Жуком, отказавший партизанам Грабке и Пискуну в помощи, за рюмку водки рассказывавший зевакам в корчме разные небылицы, — этот самый Рухло совершает величайший подвиг самопожертвования и обретает подлинное бессмертие. Вот когда может полюбоваться писатель своим героем! Он и до сих пор любил его, понимал его беды, знал и его недостатки и подлинную цену его большой души, ревностно и придирчиво следил за каждым его шагом, каждым поворотом его мысли. И чем строже и придирчивее был он до сих пор к нему, тем больше должна быть мера радости и гордости, испытываемых им при виде того ореола бессмертия, которым увенчал себя чудесный дед Рухло.

Тема гражданской войны еще долго будет вдохновлять грузинских писателей — прозаиков и драматургов. Особое значение приобрела она для грузинской советской драматургии, для грузинского театра. Так, например, драма С. Шаншиашвили «Анзор», написанная по мотивам знаменитого «Бронепоезда» Всеволода Иванова, во многом определила репертуарную линию и вообще путь развития героико-романтического грузинского театра. Написанная в конце 30-х годов пьеса Ваниона Дарасели «Киквидзе» прочно, на долгие годы, утвердилась на сцене грузинских и русских театров — вплоть до Декады грузинского искусства и литературы в Москве в 1958 году. Получила в грузинской драматургии отражение и героическая борьба испанских республиканцев против фашизма («Альказар» Георгия Мдивани). В предвоенные годы в грузинской так же, как и

во всей советской литературе, особенно сильно зазвучала тема революционной бдительности и патриотизма — ведь над миром сгустились грозные тучи, и фашизм уже начал свою разведку боем, устраивая провокацию за провокацией и засылая шпионов и диверсантов, организуя «пятую колонну» во многих странах. Уже в пьесе С. Клдиашвили «Поколение героев», на фоне картин эпического труда советских людей, были показаны происки империалистической агентуры — шпионов, диверсантов, замаскированных контрреволюционеров. Эти мотивы стали ведущими в пьесах И. Вакели «Зависть» и Г. Мдивани «Родина».

«Дети не должны видеть кровь!» — мы помним, что этими словами Гвади Бигва закончил Лео Киацели свое повествование о жизни грузинских колхозников. Ради этой великой цели, ради окончательного утверждения таких человеческих взаимоотношений, которые исключали бы из жизни человечества войны и все формы насилия, подчинения человека человеку, во имя торжества этих великих и светлых идеалов — боролись, воевали, жертвовали собой, проливали кровь, совершали героические подвиги и вершили скромные ежедневные свои дела Тариэл Голуа и дедушка Рухло, Тарасий Хазарадзе и Корнелий Мхеидзе, Меки Вашакидзе и Гвади Бигва.

Страна строилась и боролась за мир. Она зорко стояла на страже своего мирного труда. Но кровь все же пролилась. Фашистский зверь, вскормленный мировым империализмом, все наглее и наглее стал выпускать свои когти. Первыми жертвами оказались Абиссиния и Испания. Вскоре мрачная тень свастики легла на всю Европу — уже в 1940 году она почти полностью была охвачена пожаром войны. Наша страна прилагала титанические усилия сначала для предотвращения, а затем для пресечения дальнейшего расширения войны. Тревожная пульсация времени чувствовалась и в нашей республике. Гостивший тогда в Грузии Николай Тихонов великолепно передал впоследствии это восприятие грозных мировых событий и ощущение надвигающейся беды:

«Уже неделю, целых семь дней шла мировая война. Вторая мировая война. Горела Варшава, германские тан-

ки по всем направлениям рубили, как хотели, обманутую, преданную панскими генералами польскую армию, тысячи беженцев устремились по всем дорогам, их расстреливали с воздуха... Фашистская орда сметала все на своем пути. Лондон и Париж объявили войну гитлеровской Германии. Воздух гудел от тысяч самолетов и содрогался от ударов бомб и снарядов. Солнце мертвых встало над миром. Дочитав последнюю газету, мы сидели молча. С улицы доносился шум большого города... Я не мог быть больше в здании. Я хотел на воздух, к людям, к тихим Цхнетским холмам, тихим, мирным вечерам. Их больше не было. Я поднялся на гору Давида, я смотрел на город, лежавший в свете сентябрьского солнца, древний город славы и искусства, труда и мира. Куда бы я ни бросал взгляд в это скопление домов, садов и улиц, всюду я находил уголки, связанные с воспоминаниями, с хорошими, добрыми днями, с хорошими, добрыми людьми. Как древний язычник, я вознес моление к небу, чтобы война не коснулась красоты этого города, не превратила его в груды развалин. И небо услышало мое моление. Война не коснулась красоты Тбилиси».

Да, война не коснулась красоты Тбилиси, но она коснулась его души, его жизни, ибо и жизнь и душа его были со всей Советской Родиной, а сыны его плечом к плечу со всеми своими братьями включились в великий и бессмертный фронт борьбы и труда во имя Победы. На полях сражений Великой Отечественной войны прославились имена грузинских военачальников и рядовых воинов — от генералов К. Леселидзе, В. Мжаванадзе и П. Чанчибадзе до рядового Мелитона Кантария, водрузившего вместе со своим русским собратом Егоровым знамя Победы над Рейхстагом. А двести бойцов грузин, погибших при героической обороне Брестской крепости! А более пятисот грузинских воинов, отдавших свою жизнь за Родину в дни поистине легендарного восстания грузин-военнопленных на голландском острове Тексель! 127 грузин — участников Великой Отечественной войны получили высокое звание Героев Советского Союза. Десятки тысяч грузинских солдат и офицеров были отмечены боевыми орденами и медалями. Золотыми буквами вписали свои

имена в историю страны летчики Цурцумия и Бенделиани, пехотинцы и артиллеристы Харазия и Схулухия, Шаламберидзе и Бухайдзе, Гахокидзе и Диасамидзе, подводник Иоселиани, сподвижник прославленного Ковпака, партизан Бакрадзе, девушки-герои Зоя Рухадзе и Тина Иосебидзе.

Имена всех этих героев войны стали и именами героев грузинской литературы, которая вместе со всей советской литературой с честью выполнила в годы Великой Отечественной войны свой воинский, гражданский, патриотический долг.

И в годы войны и за послевоенные полтора десятка лет грузинские прозаики и драматурги, писатели разных поколений и дарований одной из благороднейших и ответственнейших своих творческих задач считали создание художественной летописи героической военной страды советского народа. Первыми появились очерки и рассказы — «Отец и сын» Лео Киачели и «Табак» Шалвы Дадиани, «События одной ночи» Серго Клдиашвили и «Четвертый брак» Демны Шенгелая, «На западном фронте» Георгия Натрошвили и «Правдивые новеллы» Раждена Гветадзе, «Вероломство» Э. Зедгенидзе и «Мы грузины» Р. Коркия, «Вторая встреча» Гр. Чиковани и «Побег» В. Тордуа, «Кровь друга» Д. Сулиашвили и «Вернувшийся» П. Лория, «Любовь» А. Ломидзе и «Мать» Л. Авалиани, «Альпинист» К. Гогнава и «Фронтвик» Б. Чхеидзе. Позднее были созданы романы и большие повести — «Человек гор» Лео Киачели, «Клинок без ржавчины» Константина Лордкипанидзе, «На перевале» Акакия Белиашвили, «Четыре года» Демны Шенгелая, «Кровью героев» Давида Бакрадзе, «За жизнь» И. Лисашвили и «В Ордышевском лесу» Д. Квицаридзе. Еще позже были написаны такие произведения молодых писателей, как «Генерал Леселидзе» Мурмана Лебанидзе и «На Крымской земле» Карпе Мумладзе, «Волны стремятся к берегу» и «Голуби» Арчила Сулакаури, «Судьба солдата» Ростомы Бежанишвили и многие другие. Не осталась в долгу и грузинская драматургия, которая откликнулась на военную тему «Оленьим ущельем» Серго Клдиашвили и «Горой раздумий» Георгия Шатберашвили, «Начальником станции» Ило Мосашвили и «Очагом Ха-

ратели» Михаила Мревлишвили, пьесами Г. Мдивани — «Батальон идет на запад», «Под небом Москвы» и «Партизаны», пьесами В. Габескирия, Л. Готуа, Г. Нахуцришвили, С. Мтварадзе и других. Историческая тема, созвучная боевой страде советского народа, нашла свое воплощение в «Багратионе» А. Самсония и «Героях Крцаниси» Сандро Шаншиашвили, в «Дочери Жамтабера» Михаила Джапаридзе, «Царе Ираклии» и «Давиде Строителе» Левана Готуа.

Война миновала Тбилиси, но она, как известно, подошла вплотную к грузинским предгорьям Кавказа, дотянувшись к подступам Сванетии и Абхазии, просочившись к Дарьяльскому ущелью. Героическая эпопея обороны Кавказа стала одной из самых ярких и значительных страниц всей истории Великой Отечественной войны, а, следовательно, и ее художественной летописи, запечатленной советскими писателями, в том числе и грузинскими прозаиками и драматургами.

Наиболее значительными произведениями грузинской прозы, из числа посвященных событиям Отечественной войны, полностью выдержавшими испытания временем и вошедшими в золотой фонд грузинской советской литературы, являются роман Лео Киачели «Человек Гор» и повесть Константина Лордкипанидзе «Клинок без ржавчины». В этот же ряд следует поставить роман Акакия Белиашвили «На перевале», первая редакция которого не удовлетворила ни автора, ни читательскую общественность и который позднее был основательно переработан, хотя и не освободился полностью от недостатков. В этом романе тема войны воплощена в тесном переплетении с изображением жизни советского тыла. Трудовой жизни грузинской деревни в годы Отечественной войны была посвящена и талантливая повесть Михаила Мревлишвили «Очаг Харатели», инсценированная впоследствии автором и выдвинувшая его в первые ряды грузинских прозаиков и драматургов. Картины фронта и тыла были нарисованы и писательницей Тиной Донжашвили в своем первом, еще неровном, но живо, увлеченно написанном романе «Слава».

В «Человеке Гор» Лео Киачели вновь обратился к эпическому образу старого грузинского крестьянина, мно-

гими своими чертами напоминающего Тариэла Голуа. Но если Тариэл Голуа жил и действовал в эпоху революции 1905 года, то Бату Кардуа — герой романа «Человек Гор» — житель советской колхозной деревни и участник Великой Отечественной войны. В «Человеке Гор» так же, как и в «Тариэле Голуа», писатель показывает отношение своего героя и к большим историческим событиям, вторгающимся в его деревню и к самому близкому и родному человеку — сыну. Как видно, тема «отцов и детей» проходит через все творчество Лео Киачели — от его крупнейшего дореволюционного произведения, через повесть первых военных лет «Отец и сын» — к его последнему крупному роману «Человек Гор». Но тема эта решена автором в соответствии с исторической правдой новой революционной эпохи не как тема борьбы старого и нового поколений, а как тема преемственности лучших черт и свойств грузинского национального характера и грузинских национальных традиций, развитых и оплодотворенных в новую эпоху свойствами и чертами советского характера, советского мироощущения и миропонимания. Лео Киачели задается целью показать в новых условиях, в условиях суровых военных испытаний, крестьянина, прошедшего великую школу коллективного, социалистического труда. В романе описано вторжение фашистских орд в маленькую абхазскую деревню Соу. Этот военный эпизод получает в романе большое обобщающее значение. В боях с врагом погибает любимый сын старика Бату — Джото, а когда пришла надобность — и сам Человек Гор — бывший табунщик и прекрасный охотник, знающий каждую тропинку в родных краях, — становится проводником советской воинской части и первый грудью встречает врага, жертвуя и своей жизнью во имя Родины, во имя победы.

Как мы уже сказали, в образе Человека Гор Киачели показывает историческую преемственность лучших черт грузинского народа — его героизм, верность в дружбе, беззаветную преданность Родине. В уста одного из действующих лиц романа автор вкладывает такую прямую, мы бы сказали, «публицистическую» характеристику своего героя, являющуюся клю-

чом к его верному пониманию: «Дело не только в том, что Вы замечательный охотник и наездник или великолепный животновод. Мы любим Вас также за тот благородный патриотический дух, который присущ Вам в столь высокой степени. Правда, верность в дружбе, готовность жертвовать собой за родной народ — вот главное! Вы предстали перед нами как живое олицетворение тех великих традиций, которые наравне с меткой пулей и остро отточенным мечом, всегда помогали грузинскому народу. Пусть никто не думает, что мы отвергаем эти традиции. Напротив — мы верим в их силу настолько, что берем их вместе со всем боевым вооружением на поле ожидающей нас битвы, как залог победы!..»

Но Человек Гор не только олицетворение лучших черт прошлого, не только своеобразный «двойник» Тариэла Голуа. Писатель показал развитие этих традиционных черт в настоящем, огромное духовное обогащение человека в условиях советской действительности. Война, один из эпизодов которой лежит в основе сюжета романа, явилась проверкой этих высоких моральных качеств советского человека. Человек Гор так же, как и его сын Джото или другие обитатели маленького Соу (в том числе абхазец Маци Зурубая и русский Кирилл Гориков), блестяще выдерживают испытание, выпавшее на их долю. Показав единство и сплоченность советского народа (разных поколений и разных национальностей), автор большое внимание уделил и показу единства партии и народа в годы войны. В этом также принципиальная удача одного из старейших и крупнейших мастеров грузинской советской прозы.

Повести Константина Лордкипанидзе «Клинок без ржавчины» предшествовала интенсивная и многообразная работа писателя-фронтовика — военные очерки, фронтовые зарисовки, боевые корреспонденции. Богатые и точные жизненные наблюдения, полученные писателем в эти годы, определили впоследствии силу и жизненность такого глубокого по замыслу и зрелого по мастерству полотна, каким является повесть «Клинок без ржавчины». Сама природа таланта К. Лордкипанидзе такова, что его не могли не привлечь как художника, образы простых советских людей,

ставших героями. когда их призвала Родина. О войне можно писать по-разному, подвиг можно изобразить и так, как это сделали, скажем, Фадеев и Горбатов в «Молодой Гвардии» и «Непокоренных», Киачели и Гончар в «Человеке Гор» и «Знаменосцах», и так, как это сделали Некрасов и Панова в повестях «В окопах Сталинграда» и «Спутники». От этого литература лишь становится многообразнее и богаче. К. Лордкипанидзе нашел свой, новый. «третий» угол зрения в изображении военной страды — он добился сочетания романтической приподнятости с трезвой «заземленностью» образов. Такая художественная манера уже была использована писателем в «Белорусских рассказах», где был показан героизм отнюдь не исключительных людей, жизнь которых могла бы и не привести к «бессмертию», не будь особых условий революционной эпохи. И точно так же особые, исключительные условия войны делают героем такого, скажем, ничем, казалось бы, не примечательного до этого человека, каким является один из характерных персонажей «Клинка без ржавчины» Варден Джишкариани, по прозвищу «Чвения». «Солдаты прозвали его так потому, что он каждый раз, когда где-нибудь разрывался снаряд или пролетал самолет, спрашивал: «Чвения?» (т. е. наш, свой?). Уже в этой первой же характеристике перед нами встает образ далеко не сказочного героя. И действительно, Джишкариани — человек сугубо штатской профессии, счетовод, единственной радостью и увлечением которого до войны было сочинение кроссвордов и шарад; попав на фронт добровольцем, он вначале по-настоящему трусил, как-то даже чуть не подвел товарищей и лишь постепенно, с трудом свыкся с фронтовым бытом. Война закалила характер Вардена, сделала из нелюдимого чудака со слабыми нервами выдержанного, спокойного, способного совершить подвиг бойца.

Варден и некоторые другие персонажи повести образуют в ней с реалистической достоверностью разработанный фон повествования. Эти образы очень характерны для изобразительной манеры писателя. Однако тут же нужно подчеркнуть, что, желая изобразить людей правдиво, со собственными им человеческими слабо-

стями, автор проявляет в этом отношении исключительное чувство меры, нигде не прибегает к чрезмерной детализации, способной нарушить тот общий романтико-героический строй повествования, который, как мы уже отметили, характерен для «Клинка без ржавчины». О человеческих недостатках своих героев писатель говорит с мягким юмором, с душевным теплом, что, отнюдь не снижая драматического накала событий и не сглаживая противоречий характера, помогает ему сделать тот гуманистический акцент в своем рассказе, который является ведущей чертой мировосприятия и художественного видения писателя.

Что сказать о главных действующих лицах «Клинка без ржавчины» — Ладо Вашаломидзе и русской девушке Марии, судьбы которых сплелись на тернистых и жестоких путях войны? К ним можно было бы отнести многое, сказанное выше о других персонажах повести, но тут хочется выделить главное, особенное, наиболее характерное для них, для их взаимоотношений, для их судеб, — поэтичность. Пусть никого не отпугивает это слово, пусть никому не покажется оно слишком идиличным для тех коллизий, которые порождает война. Творческая удача Константина Лордкипанидзе как раз в том и заключается, что он, нигде не охлаждая драматического накала событий, достигая порой подлинно трагических высот, рисуя характеры во всей их внутренней сложности, без сусальной идеализации и лакировки, умеет подглядеть в людях и их взаимоотношениях то подлинно поэтическое, что исходит от их глубинной благородной человеческой сущности и что заставляет их буквально светиться каким-то внутренним светом, излучать любовь и тепло. Не трудно подглядеть эту поэтичность человеческой природы, когда и сама обстановка гармонирует с ней, как бы «вызывая» ее к жизни. Неизмеримо труднее сделать это, когда все вокруг звучит резким диссонансом, контрастирует с цельностью, гармоничностью, поэтичностью человеческой природы. Не все выдерживают такое испытание, не все могут подняться на ту высоту, к которой обязывает их в этой обстановке их человеческое звание. Но одно можно сказать со всей определенностью: хорошие становятся лучше и чище. Сталь закаляется, а шлак сгорает.

Мы не будем пересказывать истории взаимоотношений Ладо и Марии и их героической гибели. Скажем лишь, что вторая и третья главы повести — «Над нами не звезды» и «На безыменной высоте» — могли бы быть названными трагическими поэмами о любви и подвиге. Первая глава повести носит экспозиционный характер. Это знакомый нам прием К. Лордкипанидзе, который любит показывать своего героя в «исходном» состоянии, до «взлета», во всех своих обычных человеческих проявлениях, чтобы среди прочих черт характера наметить и ту, которая содержит в себе, если можно так выразиться, «потенцию» героического взлета, подвига. Вообще композиция «Клинка без ржавчины» весьма своеобразна. Отступая от принципа обычной хронологической последовательности событий, выделяя важнейшие звенья сюжетного развития, прибегая и к форме пролога, и к приему экспозиции, перемежая повествование от первого лица (причем, то от лица автора, то от лица героя) с рассказом от третьего лица, автор мастерски компанует и организует материал, достигая большой динамичности и экспрессии, связанной не столько с сюжетной занимательностью, сколько с раскрытием и развитием сильных и ярких характеров.

Вслед за многочисленными рассказами, утвердившими за писателем славу блестящего новеллиста, Акакий Белиашвили обратился к жанру романа, сначала исторического, а затем и современного. Исторические романы писателя — «Жизнь Бесики Габашвили» (начатый в военные годы) и «Золотой шатер» (написанный позже, уже после войны) — заняли видное место в советской исторической романистике. Изобразив одну из самых драматических и решающих эпох грузинской истории — вторую половину XVIII века, когда решалась судьба не только внешнеполитической ориентации, но и всех дальнейших путей исторического развития Грузинского государства (и Восточного и Западного царств), одним из наиболее выдающихся лидеров которого был Ираклий II, писатель смог показать на этом широком эпическом фоне жизнь и деятельность замечательного грузинского поэта (и дипломата) Бесариона

(Бесики) Габашвили, жизнь, изобилующую драматическими событиями и увлекательными приключениями. Вслед за «Бесики» автор обратился к современной теме и создал, как мы уже говорили, роман о жизни фронта и тыла в годы войны — «На перевале». Вот как характеризует сам автор задачу, которую он ставил перед собою в романе: «Лучшей части населения пришлось перенести всю тяжесть войны. На передовой линии огня боролись лучшие сыны нашего народа, самые замечательные представители всех советских республик, а в тылу — на заводах, колхозных полях, государственных учреждениях беззаветно трудились, выносили все невзгоды трудного времени подлинно честные труженики — отцы и матери, братья и сестры тех, кто проливал свою кровь на фронте... Но были и такие люди, которые своим поведением, безобразными делами только мешали народу и государству. Это была незначительная паразитическая часть населения, которая или вовсе не работала и занималась темными делишками, или пристроилась в теплых и доходных местечках». Здесь, как видим, очерчен общий тематический круг, охватываемый романом, указан и конфликт, легший в его основу. Реалистическая достоверность деталей, живость и легкость повествования, непринужденная манера письма в лучших частях романа — обеспечили ему популярность.

Углубленным реалистическим изображением жизни колхозного села в годы войны отличается повесть Михаила Мревлишвили «Очаг Харатели». Прекрасное знание быта, психологии, языка своих героев, отсутствие какой-бы то ни было «лакировочной» предвзятости, помогли автору нарисовать драматическую и правдивую картину жизни своих героев, — вдовы фронтовика Нато, которая после потери мужа и единственного ребенка замкнулась в себе и полностью выключилась из трудовой жизни села. Ее свекра — человека отсталого и грубого, ревностно оберегающего одиночество невестки, председателя колхоза Хуцураули, которому удается вывести Нато из своего «добровольного заточения» на единственно верную дорогу трудовой жизни.

Вл. Чиаурели,

заместитель министра культуры
Грузинской ССР

На грузинском экране

Мало кто из сегодняшних зрителей помнит грузинскую кинокартину «Христина». Это был единственный художественный фильм, снятый в Грузии до революции. Примитивная техника съемок и ряд других трудностей не мешали авторам фильма — режиссеру А. Цуцунава и оператору А. Дигмелову — донести до зрителя острый социальный смысл этого произведения Эгнатэ Ниношвили.

Следующий грузинский полнометражный художественный фильм вышел на экран в октябре 1921 года — всего через несколько месяцев после установления в Грузии Советской власти. Это был «Арсен Джорджиашвили» — произведение, отображающее революционную борьбу рабочих против царского самодержавия (режиссер И. Перестиани, сценарий Ш. Дадвани, оператор А. Дигмелов. Главные роли в фильме исполнили М. Чиаурели — Арсен и Е. Черкезишвили — мать Арсена, тогда впервые снимавшиеся в кино).

Этот фильм явился важным событием в культурной жизни республики. Оно знаменовало рождение грузинской советской художественной кинематографии. Кроме того, «Арсен Джорджиашвили» был и первым советским реалистическим художественным фильмом, который с успехом демонстрировался на экранах страны.

За «Арсеном Джорджиашвили» последовали «Сурамская крепость» режиссера И. Перестиани, поставленная по одноименной повести известного грузинского писателя XIX столетия Д. Чонкадзе, и «Разбойник Арсен» (режиссер В. Барский) о народном герое Арсене Одзелашвили, сложившем голову за дело освобождения крестьян.

При всех недочетах существенно важным в этих кинофильмах было то, что

они вывели на экран народных героев и показали отдельные страницы жизни и борьбы трудового народа за свое лучшее будущее.

В 1922 году на базе киносекции Наркомпроса Грузии был организован трест «Госкинопром». За короткий срок им были выпущены фильмы, быстро выдвинувшие грузинское киноискусство на одно из первых мест в советской кинематографии.

Первые шаги грузинского советского киноискусства неразрывно связаны с именами таких режиссеров, как И. Перестиани, В. Барский, А. Цуцунава, А. Бек-Назаров, К. Марджанишвили, киноактеров Нато Вачнадзе, К. Микаберидзе, М. Чиаурели, Д. Кипиани, М. Геловани, З. Беришвили, Т. Болквадзе, К. Джаши, Т. Мачавариани, М. Тенази, С. Жозефи, кинооператоров А. Дигмелова, С. Забозлаева, А. Поликевича и др.

Известный актер и режиссер дореволюционной русской кинематографии И. Перестиани, работая в Грузии, создал за 5—6 лет более 12 художественных фильмов, в их числе такие выдающиеся, как «Красные дьяволята», «Три жизни», «Дело об убийстве Тариэла Мклавадзе».

Революционно-приключенческий фильм «Красные дьяволята», поставленный по сценарию П. Бляхина, был посвящен борьбе Первой Конной Армии Буденного с бандитами Махно. Исполнителям главных ролей удалось создать яркие, овеянные революционной романтикой образы молодых героев гражданской войны. Популярность фильма, явившегося серьезной победой молодой советской кинематографии и восторженно встреченного прессой, превзошла успех наиболее ходких в те годы иностран-

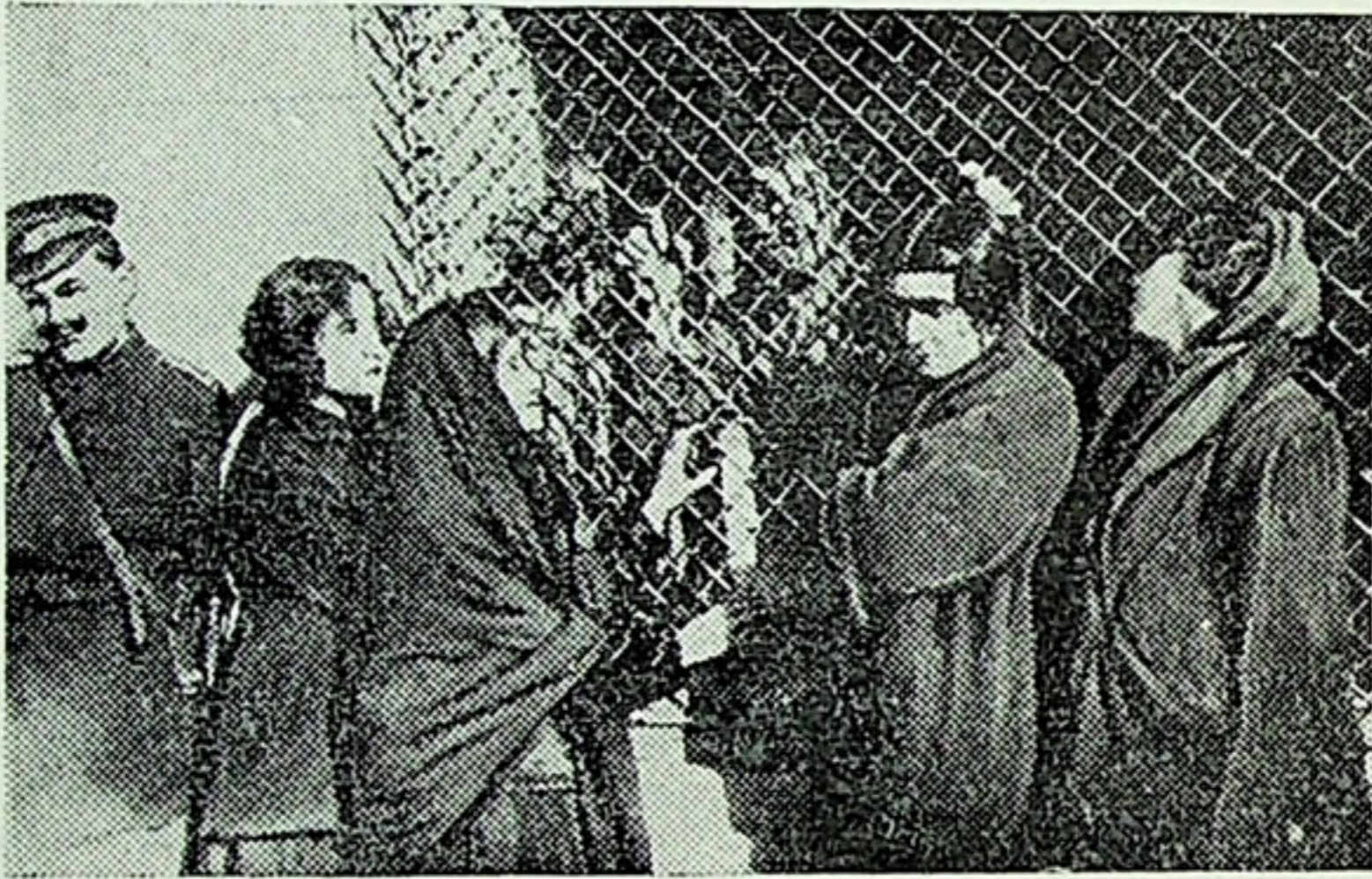
ных боевиков. В музее киностудии «Грузия-фильм» бережно хранится одно из свидетельств огромной популярности «Красных дьяволят» — присланное в Тбилиси рабочими Владимирского текстильного комбината Красное знамя со следующей надписью: «Работникам Госкинпрома Грузии, создателям первого, лучшего советского фильма «Красные дьяволята» — от многих тысяч рабочих фабрики «Коммунистический авангард» — настоящее пролетарское спасибо. Да здравствует великий попутчик социализма — киноискусство!»

В последующие годы богатым источником, из которого грузинская кинематография черпала мотивы и образы, воспитывавшие в зрителях чувства гуманизма, социальной справедливости и человеческого достоинства, служила национальная демократическая литерату-

ста», снятый по мотивам пьесы Иико Накашидзе «Кто виноват?». Вторжение в дореволюционную грузинскую деревню торгового капитала, его разлагающее влияние были показаны в фильме с большой силой.

За «Наездником» вышли другие фильмы, поставленные А. Цуцунава, — «Ханума» (1926 г.) — по одноименной комедии известного грузинского комедиографа А. Цагарели, положенной, как известно, и в основу оперы В. Долидзе «Кето и Котэ», психологическая кинодрама «Два охотника» (1927 г.) — по рассказу И. Элептеридзе и историко-революционный фильм «Джанки» (1929 г.) — по мотивам романа Э. Ниношвили «Восстание в Гурии».

В эти же годы активно проявил себя режиссер В. Барский, более всего известный как экранизатор произведений

«Арсен Джорджиашвили»

ра. Не случайно, наиболее серьезные успехи грузинской кинематографии, лучшие актерские работы того времени связаны именно с экранизацией литературных произведений.

Так, незабываемые образы в фильмах, поставленных по произведениям А. Казбеги, Г. Церетели, Э. Ниношвили и других, создали известная грузинская киноактриса Нато Вачнадзе, М. Геловани, Д. Кипиани, Т. Болквадзе и другие.

Уже в первое десятилетие после революции в грузинском кино появились режиссеры, которым кинематография не только Грузии, но и всей нашей страны многим обязана.

Кто же работал в студии в те, уже ставшие далекими годы?

Несколько фильмов снял постановщик «Христина» А. Цуцунава. Среди них выделяется по своей драматургии, режиссерскому решению и актерскому исполнению «Наездник из Уайльд-Ве-

русской классической литературы, в той или иной мере связанных с жизнью Кавказа. В 1926 году В. Барский заснял по «Герою нашего времени» Лермонтова кинокартины «Княжна Мери», «Бела», «Максим Максимыч», а в 1927 году экранизировал повесть Л. Толстого «Кавказ». Наиболее удачной из них следует считать «Белу», где режиссер смог воспроизвести колорит эпохи и удачно подобрал типаж и натуру. Правдиво и непосредственно сыграли здесь свои роли молодые актрисы Т. Болквадзе (княжна Мери) и Т. Мачавариани (Бела).

В эти же годы в «Госкинпроме» Грузии начинает работать А. Бек-Назаров, впоследствии выдающийся армянский кинорежиссер. В 1923 году он заснял свой первый художественный фильм «Отцеубийца» по роману А. Казбеги (в главной роли снималась Н. Вачнадзе), затем двухсерийную картину «Пропавшие сокровища» (1924 г.) и «Нателу»

«Последний маскарад»

«Дарико»

(1926 г.) — киноповесть из истории крестьянского восстания в Грузии в XIX веке.

К сожалению, эти фильмы не отличались высокими художественными достоинствами, но они имели успех у зрителя, так как отображали жизнь грузинского народа. К тому же, в них снимались любимые публикой актеры.

Несмотря на то, что работа в кино одного из крупнейших режиссеров русского и грузинского театров К. Марджанишвили по своей художественной ценности, направленности и значению намного уступала его работе в театре, обойти ее молчанием нельзя. Его первой постановкой в кино была историко-революционная картина «Накануне грозы» (сценарий Ш. Дадвани, 1925 г.). Фильм получился схематичным, но зрителей привлекала в нем талантливая игра актеров А. Имедашвили, Н. Гоциридзе, Л. Кавсадзе, У. Чхеидзе, И. Джорджадзе.

Нельзя назвать творческой удачей и следующую работу К. Марджанишвили — экранизацию повести классика грузинской литературы Д. Клдиашвили «Мачеха Саманишвили», в которой писатель мастерски воспроизвел быт и нравы мелкопоместного грузинского дворянства.

В 1927 году Марджанишвили экранизировал психологическую новеллу С. Цвейга «Амок», в 1928 году — «Овод» Войнич. К сожалению, оригинального построения кадров и мастерства режиссерского решения ряда эпизодов оказалось недостаточным для передачи революционного пафоса этого романа.

Тем не менее на этих и других фильмах тех лет молодые творческие работники учились кинопроизводству, накапливали опыт постановочной работы. Эти фильмы способствовали привлечению в кино талантливой молодежи из различных областей грузинской культуры — в кино пришли писатели, поэты, литературные критики, деятели грузинского театра, мастера живописи и скульптуры.

Исторической вехой в развитии советской кинематографии явился 1928 год, когда состоялось Всесоюзное партийное совещание по вопросам кино, наметившее пути его дальнейшего развития. Решения совещания сказались на творческих успехах советского киноискусства, усилении и расширении его материально-технической базы и выявлении новых творческих кадров.

В этот период на самостоятельную творческую работу в качестве режиссеров-постановщиков выдвинулись Н. Шенгелая, М. Чиаурели, Г. Макаров, С. Дolidze, Л. Эсакия, Д. Рондели, М. Калатошвили и др.

Первая самостоятельная постановка

Н. Шенгелая — фильм «Элисо», рассказывающий об одном из эпизодов борьбы горцев против колонизаторской политики царского правительства. Обли-

«Элисо»

чая ее, режиссер сумел правдиво рассказать о мужестве простых людей и их тяжелой судьбе, о солидарности трудящихся, побеждающей национальную вражду.

«Элисо» — этапное произведение в истории грузинской кинематографии. Это — ценный вклад в сокровищницу советского киноискусства.

Вслед за «Элисо» Н. Шенгелая поставил интересную по идейному замыслу и художественному воплощению картину «Золотистая долина», первым показав на экране грузинскую колхозную деревню.

Затем — фильм «Родина» о патриотизме и политической бдительности советских людей. Последней работой Н. Шенгелая была картина «Он еще вернется», законченная после его смерти режиссером Д. Антадзе.

Приход в грузинскую кинематографию новых творческих кадров обусловил ее дальнейший подъем. В 1929—1931 гг. были созданы значительные произведения различных жанров — «Саба» (1929 г.), «Хабарда» (1930 г., режиссер М. Чиаурели), «Молодость побеждает» (1929 г., режиссер М. Геловани), «Американка» (1930 г.) и «Роте фани» (1930 г., режиссер Л. Эсакия), «Камера № 79» (1929 г., режиссер З. Беришвили), «Угубзира» (1930 г., режиссер Д. Рондели) и др.

Историческое постановление ЦК

ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке работы литературно-художественных организаций» послужило новым стимулом для дальнейшего творческого подъема всей советской, а значит, и грузинской кинематографии. Был создан ряд значительных по своему идейному содержанию и интересных по художественному решению кинофильмов, среди которых следует отметить «Последний маскарад» режиссера М. Чиаурели, «Последние крестоносцы» режиссера С. Долидзе, «Приданое Жужуны» режиссера С. Палавандишвили и «До скорого свидания» режиссера Г. Макарова.

Кинофильм «До скорого свидания» — острая, оригинальная по замыслу (сценарий Г. Цагарели) сатира на судебные

Кинофильм режиссера С. Долидзе «Последние крестоносцы» отражал характерные сдвиги, происходившие в сознании крестьянства в условиях социалистической перестройки деревни.

Затем на экраны вышел ряд других интересных произведений — «Арсен» (режиссер М. Чиаурели), «Золотистая долина» (режиссер Н. Шенгелая), «Дарико» (по мотивам произведений Э. Ниношвили, режиссер С. Долидзе), «Крылатый маляр» (режиссер Л. Эсакия) и другие.

«Арсен» — это героико-романтический фильм об известном народном герое, в котором выведена целая галерея колоритных характеров. Исполнение роли Арсена Одзелашвили вылилось в яр-

«Георгий Саакадзе»

органы самодержавия и реакционные классы грузинского общества начала XX столетия. В этом фильме Г. Макаров показал высокое мастерство кинорежиссера. «До скорого свидания» — наиболее значительное произведение этого одаренного мастера.

Рано прервался творческий путь одного из даровитых кинорежиссеров молодого поколения — С. Палавандишвили. Его единственное произведение — комедия из колхозной жизни «Приданое Жужуны» — высмеивает любителей легких заработков и показывает преимущества коллективного труда. Четкая идейная основа, правдивость, добродушный народный юмор обеспечили этому фильму заслуженный успех.

Новой вехой как в творчестве М. Чиаурели, так и в истории развития грузинской кинематографии, явился «Последний маскарад», посвященный революционной борьбе трудящихся Грузии в предоктябрьские годы.

кую победу молодого талантливого актера Спартак Багашвили, сумевшего создать с помощью режиссера правдивый образ крестьянского вождя. С. Багашвили, завоевавший большую любовь зрителей, затем успешно выступил и в других фильмах М. Чиаурели — «Великое зарево» и «Георгий Саакадзе».

В «Дарико» режиссер С. Долидзе показал один из эпизодов героической борьбы грузинских крестьян против царского самодержавия и местных феодалов. Успеху этого содержательного, эмоционального фильма во многом способствовала талантливая игра исполнительницы главной роли Тамары Цицишвили, создавшей замечательный образ грузинской крестьянки.

Значительные достижения комедийного жанра — «Крылатый маляр» Л. Эсакия и «Потерянный рай» Д. Рондели — наметили дальнейшие пути развития советской кинокомедии.

«Крылатый маляр» явился интересным опытом построения комедии на современном материале. Успех фильма был обусловлен и хорошей игрой актеров А. Кванталиани (Лексо) и Т. Саввы (летчица Нино).

Кинокомедия «Потерянный рай» — вторая попытка экранизации произведения Д. Клдиашвили. Она представляет собой увлекательную сатирическую комедию, высмеивающую жизнь и быт мелкопоместного грузинского дворянства.

Новую победу принес грузинской кинематографии художественный фильм режиссера М. Чиаурели «Великое зарево», выпущенный Тбилисской киностудией в 1938 году. Фильм рассказывает об участии трудящихся Грузии в борьбе за власть Советов.

«Арсен» и «Великое зарево» стали этапными как в творчестве самого М. Чиаурели, так и в развитии грузинской кинематографии. Они прочно вошли в золотой фонд советского киноискусства.

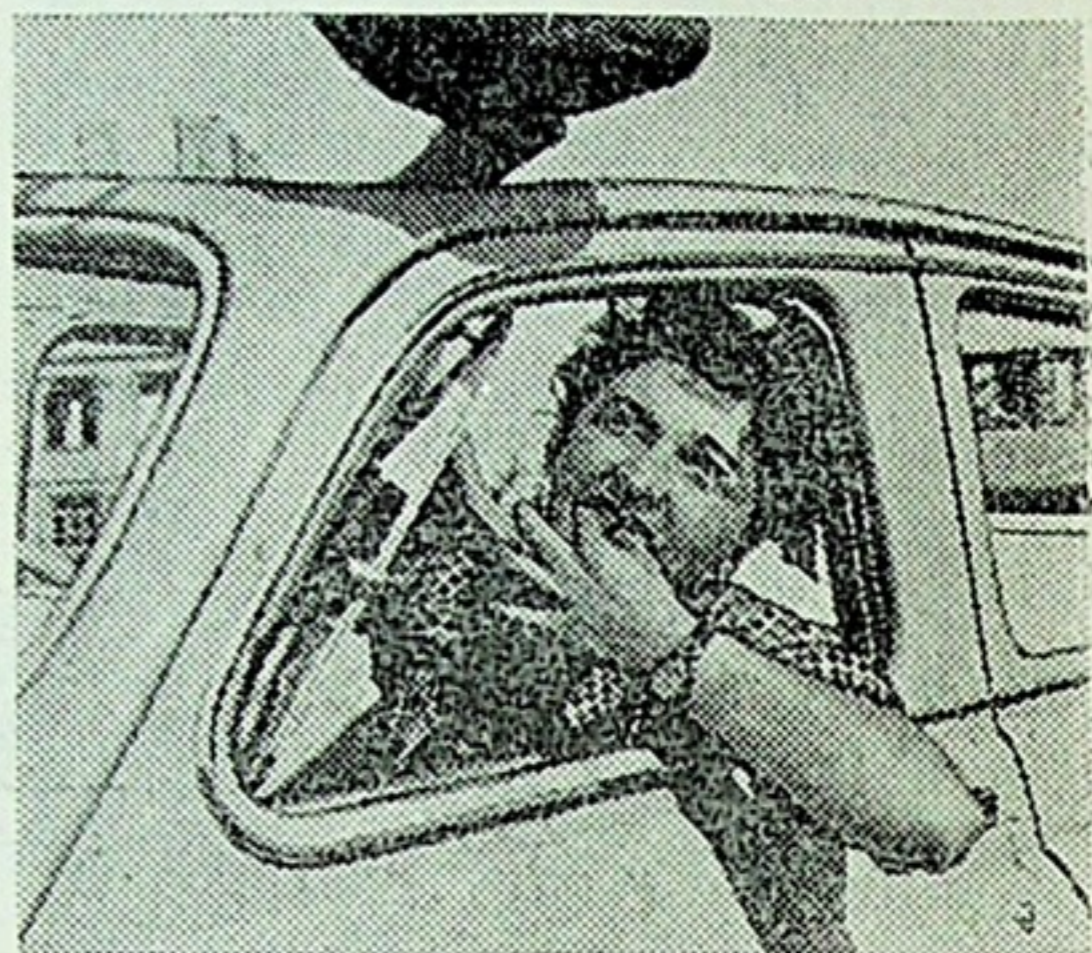
Созданная на базе «Госкинопрома» Грузии Тбилисская киностудия к 1940 году была уже технически подготовлена к производству 5—6 полнометражных фильмов в год. Вместе с тем она располагала ценными кадрами творческих работников и других специалистов кинопроизводства. В этом году киностудия полностью перешла на производство звуковых фильмов.

В течение года были выпущены фильмы: «Дружба» режиссера С. Долидзе — о дружбе и соцсоревновании между колхозами братских республик Украины и Грузии, «Девушка с того берега» (режиссер Л. Эсакия) — о бдительности советских пограничников, «Девушка из Хидобани» — комедия из колхозной жизни режиссера Д. Антадзе, «Огни Колхиды» (режиссер Д. Рондели) — об осушении Колхидской низменности, «Сокровища Ценского ущелья» (режиссер З. Беришвили) — о самоотверженной работе советских геологов, «Каджана» (режиссер К. Пипинашвили) — картина на антирелигиозную тему, поставленная по одноименной повести писателя Н. Ломоури, и др.

Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков, явившаяся величайшим жизненным испытанием всех сил советского народа, поставила новые задачи и перед советской кинематографией. Все свои творческие силы и внимание кинематографисты сосредоточили на производстве фильмов, отражающих героизм наших людей, как один, вставших на защиту социалистического Отечества, картин, воскрешающих славные страницы борьбы народов нашей страны против буржуазно-помещичьего строя, воспитывающих в советском человеке патриотизм, боевой дух и коммунистическую сознательность.

В годы Великой Отечественной войны Тбилисская киностудия выпустила 14 художественных картин и сотни хроникально-документальных киноочерков и киножурналов, запечатлевших героические подвиги советских людей в тылу и на фронте.

Особо следует отметить удостоенный Сталинской премии патриотический

«Заноза»

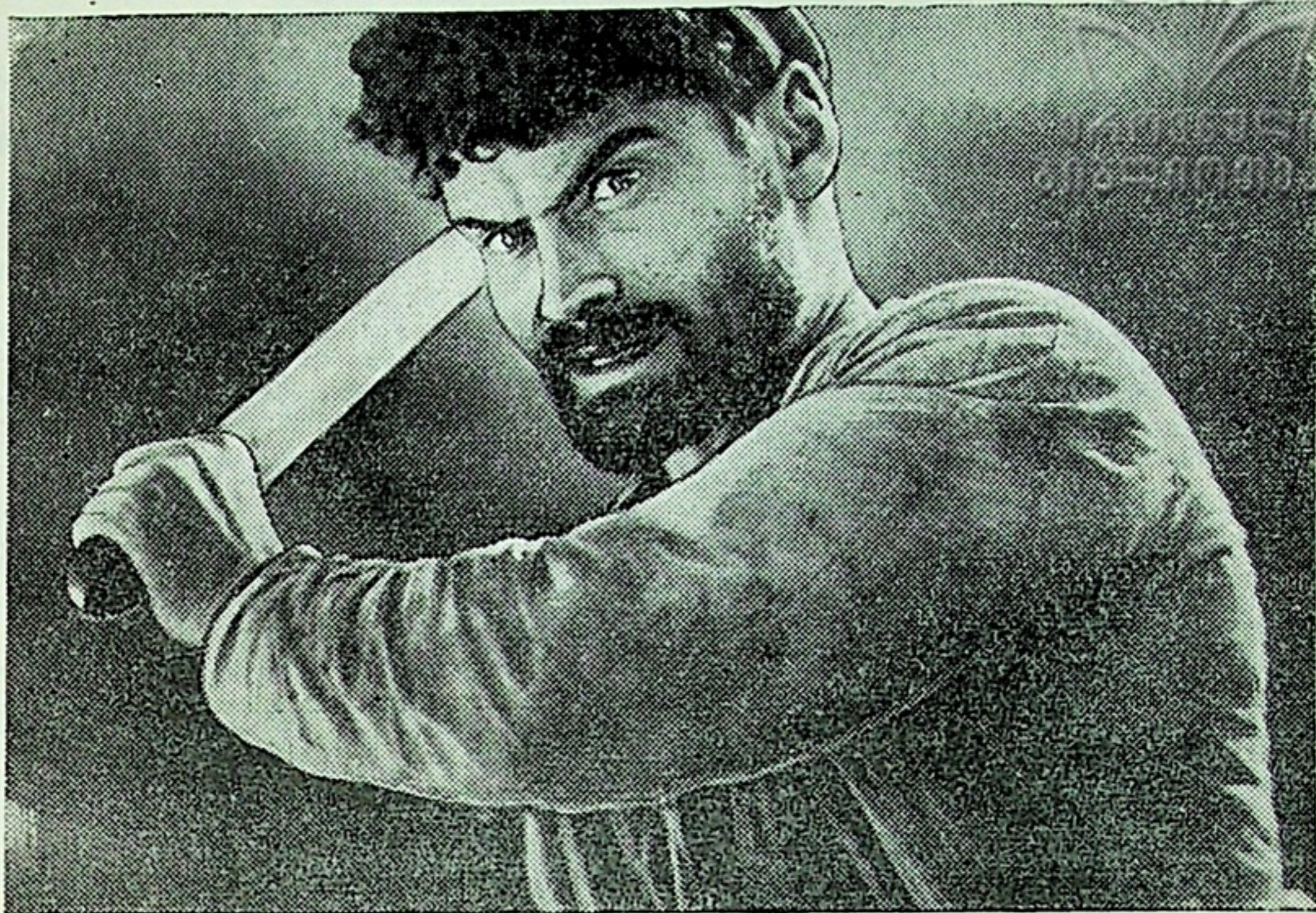
фильм режиссера М. Чиаурели «Георгий Саакадзе». Это — историко-героическая эпопея, посвященная борьбе грузинского народа против иноземных захватчиков и феодальной раздробленности, за целостность и независимость своего государства.

Патриотический фильм-концерт «Щит Джургая» (режиссеры С. Долидзе и Д. Рондели) также был удостоен Сталинской премии.

В эти годы вышли еще: художественно-приключенческий фильм режиссера К. Пипинашвили «Золотой тропой», «Он еще вернется» — о работе колхозников в период Отечественной войны (режиссеры Н. Шенгелая и Д. Антадзе) и комедия из колхозной жизни «Строптивые соседи», поставленная режиссером Ш. Манагадзе.

В годы войны на Тбилисской киностудии осуществлялась постановка многих фильмов, работа над которыми была начата на центральных студиях Союза («Мосфильм», «Ленфильм», «Союздетфильм»). Это — «В подводном плену» — о героизме советских подводников (режиссер Легошин), «Неуловимый Ян» — о борьбе чехословацкого народа с немецко-фашистскими захватчиками (режиссер В. Петров), «Малахов курган» — о героической обороне Севастополя (режиссеры А. Зархи и И. Хейфиц), «Свадьба» — по рассказу А. П. Чехова (режиссер И. Анненский) и другие.

За выпуск высокохудожественных картин Тбилисская киностудия

«Арсен»

«Лурджа Магданы»

в 1944 году была награждена орденом Ленина.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны советская кинематография вступила в новый период своей работы.

Во второй половине сороковых годов большой успех имели — «Клятва» (режиссер М. Чиаурели), произведение, рассказывающее об одном из этапов исторического пути советского народа, фильм «Давид Гурамишвили» (режиссеры И. Туманишвили и Н. Санишвили), посвященный жизни выдающегося грузинского поэта XVIII века.

В 1946 году вышли также первый советский стереоскопический фильм «Робинзон Крузо», поставленный Тбилисской киностудией совместно со студией «Стереokino» (режиссер А. Андриевский), и «Колыбель поэта» (режиссер К. Пипинашвили), фильм, посвященный Акакию Церетели; в 1948 году была

становке режиссера Д. Рондели, 1950 г.).

В последующие годы Тбилисская киностудия резко сократила выпуск художественных фильмов. Несмотря на то, что грузинская кинематография располагала хорошими кадрами актеров, режиссеров, операторов, художников, композиторов, в продолжении ряда лет она работала значительно ниже своих возможностей. За год, в среднем, выпускался один полнометражный художественный фильм. Резкое сокращение объема производства художественных фильмов в основном было вызвано порочной теорией бесконфликтности и вредным влиянием культа личности в советской драматургии, вызвавшими дезориентацию и творческий спад в кинематографии. В грузинской кинематографии последствия этих явлений особенно сказались в 1950 — 1954 гг., когда Тбилисская киностудия, ограничиваясь, в основном, производством хроникально-документальных фильмов и

«Отарова вдова»

выпущена музыкальная кинокомедия «Кето и Котэ» по сценарию С. Пашалишвили в постановке режиссеров В. Таблиашвили и Ш. Гедеванишвили.

За 1947 — 1950 гг. Тбилисская киностудия создала несколько фильмов, посвященных нашей современности. Они рассказывают о делах советских людей, об их жизни, труде и судьбах. Жизни колхозной деревни были посвящены «Счастливая встреча» (по сценарию В. Карсанидзе, в постановке Н. Санишвили, 1949 г.) и «Весна в Сакене», по мотивам одноименного рассказа Г. Гулиа (сценарий и постановка Н. Санишвили, 1950 г.).

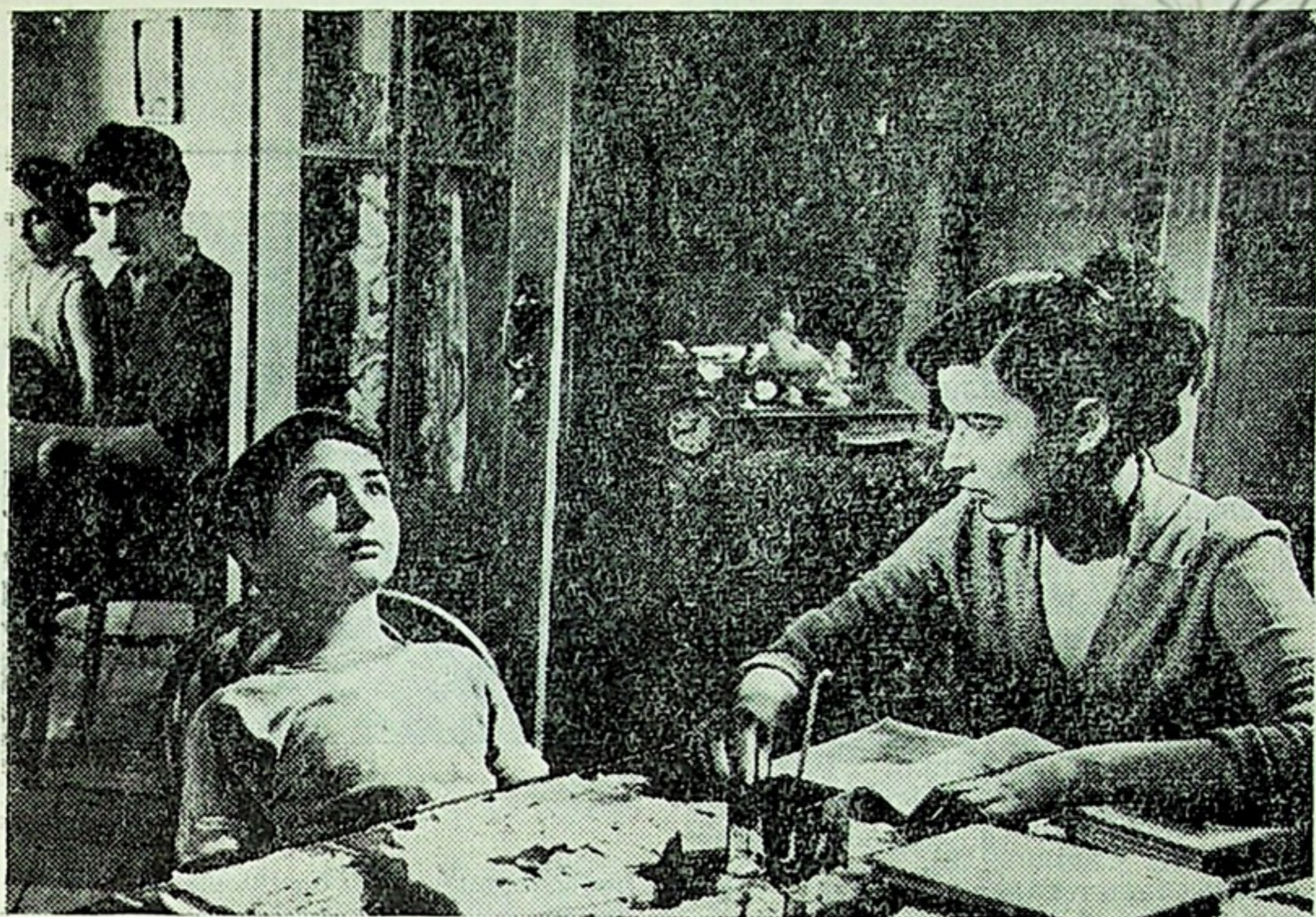
О героическом траверсе неприступных вершин Кавказа повествует кинофильм «Покорители вершин» (по сценарию Д. Рондели и Н. Тихонова, в по-

киножурналов, выпустила только одну художественную картину.

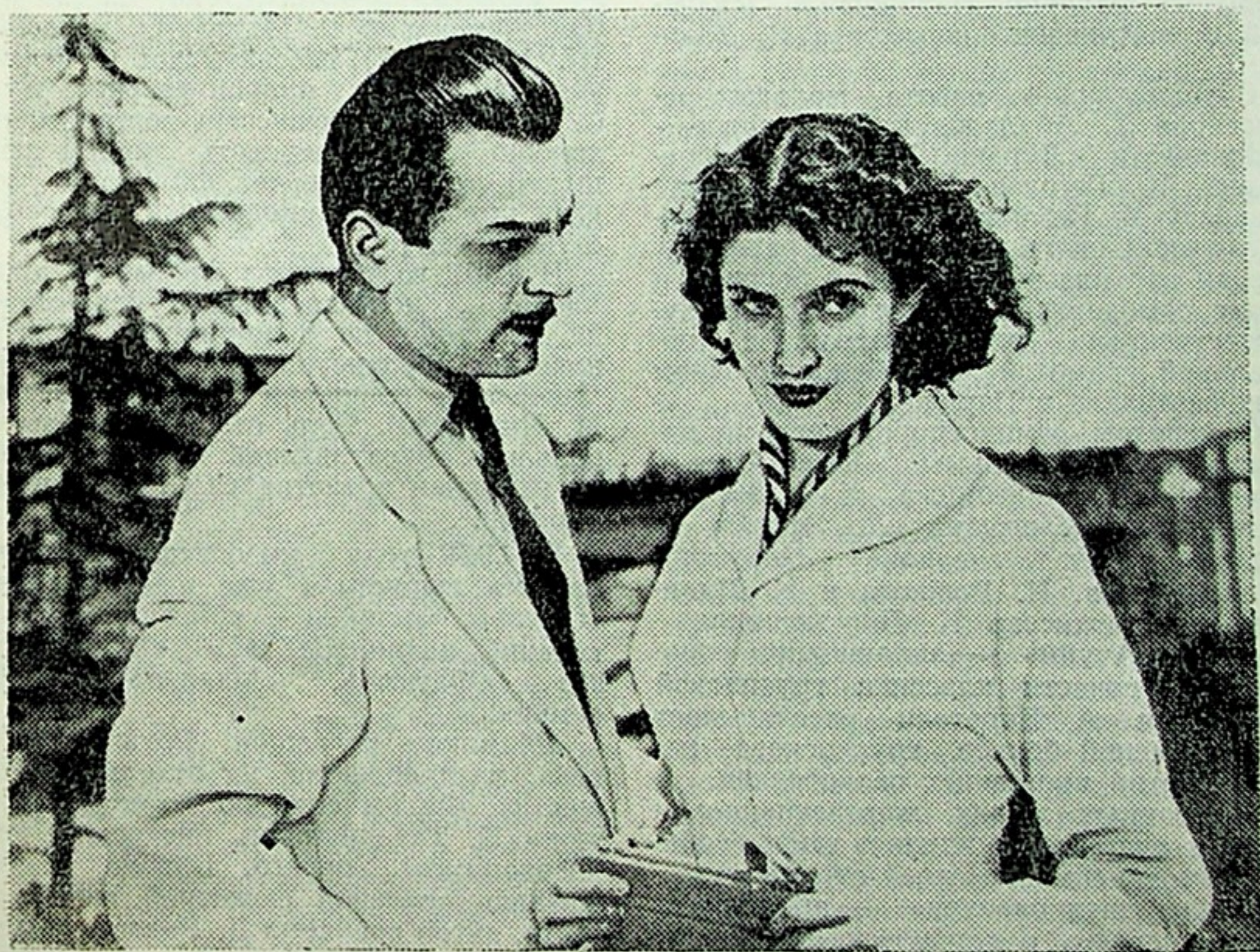
Разоблачая чуждые революционному искусству теории и вредные влияния культа личности, партия призвала к укреплению принципов социалистического реализма и коммунистической идейности. Указав на серьезные недостатки в области кинематографии, партия выдвинула задачу резкого увеличения выпуска художественных фильмов.

В августе 1954 года ЦК КП Грузии и правительство республики, отметив серьезное отставание грузинской кинематографии, вынесли специальное постановление, направленное на коренное улучшение работы Тбилисской киностудии.

За 1955 — 1957 гг. студия «Грузияфильм» выпустила уже 14 картин, в числе которых ряд высокоидейных и

«Чужие дети»

«Тень на дороге»

художественно значительных произведений. Это, прежде всего, — «Они спустились с гор» (авторы сценария А. Белиашвили, М. Большинцов и Н. Санишвили, режиссер Н. Санишвили, 1954 г.) — о грузинских юношах, спустившихся с гор Хевсуретии для того, чтобы овладеть искусством выплавки стали.

Молодому поколению, ищущему свое место в жизни, посвящен также фильм «Наш двор» (сценарий Г. Мдивани, режиссер Р. Чхеидзе, 1956 г.), удостоенный золотой медали на VI Всемирном фестивале молодежи в Москве в 1957 году.

К числу значительных достижений грузинской кинематографии следует отнести кинофильм «Тень на дороге», рассказывающий о грузинских овцеводах (сценарий К. Лордкипанидзе и Э. Фейгина, режиссер Д. Рондели, 1956 г.).

Тепло встретили зрители две кинокомедии — «Стрекозу» (сценарий М. Бараташвили и Л. Хотивари, режиссер С. Долидзе) и «Занозу» (сценарий А. Витензона, при участии Н. Санишвили, режиссер Н. Санишвили), в которых снималась талантливая молодая киноактриса Лейла Абашидзе. Остроумная, жизнерадостная «Стрекоза» стала любимицей советского кинозрителя.

Биографический фильм «Песнь Этери» (1956 г.) воскресил эпизоды из жизни выдающегося грузинского композитора Захария Палиашвили (сценарий и постановка режиссера С. Долидзе).

В талантливой работе молодых режиссеров Т. Абуладзе и Р. Чхеидзе — киноповести «Лурджа Магданы» (сценарий К. Гогодзе, по одноименному рассказу Е. Габашвили) с большой драматической силой воссоздана реалистическая картина тяжелой доли бедноты в эпоху самодержавия. Этот поистине художественный фильм награжден похвальной грамотой на Международном кинофестивале в Париже.

С успехом демонстрировались на экранах страны фильмы «Баши-Ачуки» (сценарий В. Карсанидзе и Л. Эсакия, постановка режиссера Л. Эсакия) и «Тайна двух океанов» (сценарий В. Алексеева, Н. Рожкова и К. Пипинашвили, режиссер К. Пипинашвили).

«Баши Ачуки» — экранизация одноименной повести классика грузинской литературы А. Церетели — рассказывает о героической борьбе грузинского народа против иноземных захватчиков, о мужественных людях, жертвовавших и личным счастьем и жизнью ради свободы и независимости своей страны.

«Тайна двух океанов» — приключенческая повесть о героическом экипаже подводной лодки «Пионер», с которой происходит множество приключений во время выполнения особого задания.

В 1957 году киностудия «Грузия-фильм» выпустила приключенческую киноповесть «Я скажу правду» (сценарий О. Дгебуадзе и Л. Хотивари, режиссер Л. Хотивари) и фильм «Судьба женщины» (автор сценария и режиссер

«Наш двор»

постановщик Н. Санишвили). Это — экранизация одноименного романа выдающегося грузинского писателя М. Джавахишвили, посвященного событиям революции 1905 года в Грузии.

Отмеченный III премией на первом Всесоюзном кинофестивале в 1958 году, кинофильм «Последний из Сабудара» (сценарий Г. Мдивани, режиссер Ш. Манагадзе) рассказывает о формировании молодых кадров рабочего класса в Грузии. Режиссеру-постановщику хорошо удалось передать лиризм отношений молодых героев фильма и создать колоритный кинорассказ на современную тему.

В 1957 году вышел фильм «Отарова вдова», поставленный режиссером М. Чиаурели по одноименной повести классика грузинской литературы Ильи Чавчавадзе (сценарий А. Белиашвили и М. Чиаурели). Роль отаровой вдовы с большой впечатляющей силой исполняет народная артистка СССР В. Анджапаридзе.

В 1958 году киностудия «Грузия-фильм» выпустила уже шесть художественных фильмов — «Мамлюк», «Маяковский начинался так», «Чужие дети», «Фатима», «Манана» и «Две семьи».

«Мамлюк» посвящен Грузии XVIII века, раздробленной на отдельные княжества. Фильм снят по повести «Мамлюк» К. Татаришвили, писавшего под псевдонимом Уиараго. Ближе придерживаясь основной сюжетной линии повести, автор сценария Д. Рондели создал содержательное патристическое произведение.

Фильм «Маяковский начинался так»

в постановке режиссера К. Пипинашвили (сценарий К. Гогодзе) является первой попыткой показать в кино образ юного Маяковского. Несмотря на ряд серьезных недостатков, съемочной группе все же удалось создать кинокартину, имеющую несомненное познавательное и воспитательное значение.

Особо следует отметить фильм режиссера Т. Абуладзе «Чужие дети» (сценарий Р. Джапаридзе, Т. Абуладзе), поставленный как серия психологических этюдов о рождении благородных и тонких чувств, о борьбе любви и долга. Картина эта привлекла внимание зрителей высоким уровнем режиссерской работы, умением увидеть и запечатлеть переживания детей, покинутых отцом и привязавшихся к мачехе, заменившей им родную мать. В образе «мачехи», созданном в фильме, раскрываются черты высокого благородства, душевной щедрости и отзывчивости. И все же фильм не лишен серьезных недостатков принципиального характера. А именно — действие картины замкнуто в кругу интимных переживаний его героев, показанных изолированно от жизни общества.

Совсем недавно вышел на экраны фильм-балет народного артиста СССР Вахтанга Чабукиани «Отелло», справедливо оцененный, как большая удача грузинского кино.

В минувшем году зрители увидели и картину «Прерванная песня» — результат творческого содружества киностудий «Грузия-фильм» и «Баррандов-фильм». Сценаристы — К. Лордкипанидзе, А. Маренчин, Н. Санишвили, режиссеры — Н. Санишвили и Ф. Жачек.

Нельзя не отметить вместе с тем, что, проделав большую работу по значительному увеличению количества выпускаемых картин, киностудия «Грузия-фильм» снизила за последнее время требовательность к их качеству. Низок идейно-художественный уровень таких фильмов, как «Две семьи» (режиссер Д. Канделаки, сценарий С. и А. Сулакаури), «Манана» (режиссеры З. Гудавадзе и Ш. Марташвили, сценарий Э. Гедеванишвили), «Нино» (режиссер Л. Эсакия, сценарий В. Чанкветадзе), «Зуб акулы» (режиссер Ш. Гедеванишвили, сценарий О. Чиджавадзе), «Прошедшее лето» (режиссеры Г. Цулая и Н. Ненова) и некоторые другие.

Все эти фильмы, за исключением «Зуба акулы», посвящены нашей современности, моральному облику советского человека. Однако современность обозначается в них только внешними, весьма условными признаками, а морально-этические проблемы разрешаются с неверных, порой мещанско-обывательских позиций.

С особой остротой стоит, таким образом, вопрос о качестве, об идейно-художественном уровне произведений грузинской кинематографии.

А разрешение этого вопроса упирается, прежде всего, в качество сценариев. Уже для всех почти ясно, что именно сценарий — это первооснова фильма, определяющая всю дальнейшую творческую работу съемочного коллектива. И если это так, если сценарий — это литература, то понятно, что творцами его должны быть не случайные люди, а профессиональные писатели, и активное сотрудничество с ними, привлечение их в кино — одно из важнейших условий успешной деятельности киностудии.

В эти предъюбилейные дни Тбилисская киностудия работает с особым напряжением. Готовится к выпуску ряд фильмов, в большинстве своем посвященных современности. В их числе «Добрые люди» (автор сценария Г. Мдивани, режиссер Ш. Манагадзе) — о людях города металлургов, «Невзгоды Саулии» (сценарий Д. Шенгелая, режиссер Р. Чхеидзе) по повести известного грузинского писателя Д. Шенгелая «Клад», показывающей борьбу с частнособственническими пережитками в сознании человека.

* * *

Мы проследили путь грузинского кино почти за полвека. С тех пор, как на экране появился первый грузинский фильм «Христина», прошло 45 лет. Пожалуй, можно сказать, что этот первенец грузинской кинематографии предопределил ее дальнейшую судьбу. Чрезвычайно знаменательно, что рождение грузинского кино знаменовало появление этого остросоциального для своего времени фильма, а не так распространенных тогда развлекательных побрякушек. Как видно из называемых в этой статье картин, созданных нашей киностудией за все эти годы, основная, идейная целенаправленность грузинской кинематографии, несмотря на отдельные спады и неудачи, оставалась неизменной. Лучшие произведения грузинского советского киноискусства всегда выражали высокие идеалы нашего общества.

Вместе с тем грузинская кинематография претерпела огромные изменения. Она располагает теперь, в отличие от первых лет своего существования, отличной съемочной техникой, имеет прекрасно оснащенную студию, которая получит в нынешнем семилетии целый киноплодородок с павильонами и другими помещениями, оборудованными в соответствии с новейшими достижениями киноискусства. Есть отличные кадры киноработников. Наша жизнь дает им массу тем, ставит перед ними вопросы, требующие разрешения. И надо сделать все для того, чтобы новые произведения грузинского киноискусства достойно отображали наше время, нашу жизнь и дела советских людей.

Книги к 40-летию

Книга «Сорок лет Советской Грузии» это — сборник очерков о завоеваниях Советской власти в Грузии за сорокалетие. В ней рассказано о государственном строе республики и богатствах ее природы, о славном историческом прошлом и замечательном настоящем нашего народа, о вдохновляющей роли Коммунистической партии и славных делах тружеников нашей республики.

Книга отражает успехи Грузии в промышленности и сельском хозяйстве, повествует о достижениях науки, искусства, литературы. Немало страниц по-

священо победе культурной революции в Грузии (здравоохранению, спорту). В книге рассказано и о великой дружбе народов СССР.

* * *

В книгу «40 лет Советской власти и Коммунистической партии в Грузии» (издательство «Сабчота Сакартвело») включены статьи А. Агладзе «40 лет Советской Грузии», Г. Жвания «Создание Коммунистической партии Грузии и ее борьба за Советскую власть», С. Квачадзе «Тифлисская большевистская организация в борьбе за Советскую власть в Грузии», С. Беридзе «Газета «Коммунисти» в 1920 г.», Д. Енукидзе «Борьба трудящихся Грузии против иностранных интервентов» и др.

Статьи содержат много новых, интересных материалов, ценных документов, рассказывают об истории создания Коммунистической партии в Грузии, отражают все этапы борьбы за установление в республике Советской власти.

* * *

Книга «Деятели революционного движения в Грузии» (издательство «Сабчота Сакартвело») состоит из кратких биографических очерков о В. И. Ленине, И. В. Сталине, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирове, М. И. Калининe, А. И. Микояне, С. Г. Шаумяне, П. А. Джапаридзе, Ф. И. Махарадзе, М. Г. Цхакая, В. З. Кецховели, М. Я. Орахелашвили, Ш. З. Элиава и многих других славных борцах революции, чью память свято чтит народ. В сборнике более четырехсот очерков.

* * *

Дружба братских народов Грузии и России зародилась много веков назад. Свято храня лучшие традиции общественно-культурных взаимоотношений, поколение за поколением укрепляло и развивало эту дружбу.

Документы, отражающие многовековую историю русско-грузинских связей, отрывки из художественных произведений, мемуары и статьи выдающихся деятелей культуры двух братских народов собраны в книге «Летопись дружбы», которую выпускает к празднику сорокалетия республики издательство «Заря Востока».

Книга иллюстрирована документальными фотографиями, репродукциями с картин известных русских и грузинских художников.

* * *

Славный боевой путь прошла 11-я Армия. В годы гражданской войны она вела героическую борьбу против так называемой «добровольческой армии» Деникина на Северном Кавказе, отстояла от яростного натиска белогвардейцев Астрахань и устье Волги, помогла народам Дагестана и Северной Осетии навсегда освободиться от ига буржуазной контрреволюции. По призыву поднявшихся на борьбу рабочих и крестьян Азербайджана, Армении и Грузии, 11-я Армия во главе с посланцами В. И. Ленина — Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кировым, А. И. Микояном — пришла на помощь народам Закавказья в установлении и упрочении здесь Советской власти.

Книга М. Б. Траскунова «Героическая Краснознаменная» повествует о борьбе 11-й Армии за становление социалистического строя в Закавказье. Используя архивные документы, материалы печати, личные воспоминания бойцов и командиров, автор рассказывает о подвигах бойцов 11-й Армии, о ее тесной дружбе с трудящимися Закавказья, о братстве многонациональной семьи советских воинов.

Книга выходит в издательстве Союза писателей Грузии «Заря Востока».

* * *

В сборнике рассказов «Новое созвездие», выходящем в издательстве «Сабчота мцэрალი», собраны произведения, созданные писателями республики в преддверии знаменательной даты — сорокалетия Советской Грузии.

В книгу вошли новый отрывок из второй части романа К. Лордкипанидзе «Волшебный камень», повесть А. Белиашвили «Швидкаца» — о бригаде коммунистического труда, рассказы Д. Шенгелая, Г. Натрошвили, Г. Чиковани, Л. Готуа, Т. Гоголадзе, Р. Инанишвили, Т. Донжашвили, М. Гвасалия.

* * *

«Современники» — второй сборник произведений русских писателей, работающих в Грузии. Книга, выходящая

в издательстве «Заря Востока», отличается жанровым разнообразием. В нее войдут новые повести и рассказы Р. Канделаки, В. Орджоникидзе, А. Кузьмичева, М. Лохвицкого, А. Зурабова, В. Закладного. Читатель найдет здесь также критическую статью М. Заверина «Искания и принципы», воспоминания литературоведа Г. Бебутова о В. Маяковском, П. Павленко, Г. Табидзе.

* * *

Лучшие стихотворения поэтов Советской Грузии, написанные в разные годы и на разные темы, но завоевавшие популярность и прославившие в народе любимыми, собраны в книге «Наши песни», выпускаемой издательством «Заря Востока» к юбилейной дате. Эти стихи посвящены партии, Родине, советским людям, любви и дружбе.

* * *

Книга «Грузинские кинофильмы» (издательство «Сабчота Сакартвело») представляет собой летопись грузинской кинематографии в кадрах из кинофильмов. Эту своеобразную киноленту составляют кадры из грузинских кинокартин, начи-

ная от первых из них («Арсен Джорджиа-швили», «Сурамская крепость», «Красные дьяволята»), созданных в первые годы Советской власти, кончая фильмами последних лет, популярность которых далеко перешагнула границы нашей республики и всей Советской страны. Среди них — удостоенные наград международных кинофестивалей фильмы «Лурджа Магданы», «Наш двор», «Последний из Сабудара», «Чужие дети».

Кадры снабжены краткими аннотациями.

* * *

Четыре больших альбома — «Советская Грузия», «Советская Абхазия», «Советская Аджария», «Советская Юго-Осетия» — выпускает издательство «Сабчота Сакартвело» к сорокалетию нашей республики.

Фотографии, собранные в альбомах, наглядно показывают этапы славного исторического пути, пройденного республи-

кой за сорок лет, ее большие достижения во всех областях народного хозяйства и культуры.

* * *

В издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», в серии «Жизнь замечательных людей», издается сборник «Замечательные люди Грузии».

Художественные очерки, собранные в этой книге, рассказывают о жизни и деятельности лучших представителей политической и общественной мысли, науки, культуры, просвещения грузинского народа с древнейших времен и до наших дней.

В этих очерках освещены эпоха, быт, политическая, экономическая и общественная жизнь Грузии в разные периоды.

Книга снабжена комментариями и алфавитным указателем. В ее издании приняли участие академики, писатели и художники Грузии. Сборник выйдет к 40-летию Советской Грузии.

На вкладках:

Ж. Медзмариашвили, Р. Стура, «Праздник Грузии».

К. Кикнадзе, «В. И. Ленин получает телеграмму об установлении Советской власти в Грузии».

У. Джапаридзе, народный художник Грузии,

«Н. С. Хрущев».

У. Джапаридзе, народный художник Грузии,

«Первомайская демонстрация 1901 года в Батуми».

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРО ТЕВЗАДЗЕ. К звездам! Стихи.	2
ДАРЫ ЗЕМЛИ ГРУЗИНСКОЙ. Беседа Председателя Совета Министров Гру- зинской ССР Г. Д. ДЖАВАХИШВИЛИ с писателем КОНСТАНТИНОМ ЛОРД- КИПАНИДЗЕ.	4
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. К вершинам века! Стихи.	16
МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ. Радянскій Гру- зии. Стихи.	17
ПАВЛО ТЫЧИНА. Давиду Гурамишвили. Стихи.	17
АНТАНАС ВЕНЦЛОВА. Песня у костра. Стихи.	18
ГАФУР ГУЛЯМ. Братский привет!	20
ГРАЧИЯ КОЧАР. Памятник братства.	21
ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ. Февраль. Рассказ.	23
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Корни. Хвамли. Опустевшая дача. Памяти невысказан- ных стихотворений. Стихи.	26
АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. Швидкаца. Повесть. Часть вторая.	31
ФРИДОН ХАЛВАШИ. Грузия. Стихи.	44
БАГРАТ ШИНКУБА. Я родился под солн- цем Грузии. Стихи.	45
РЕВАЗ АСАЕВ. Братский привет. Стихи.	46
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ. Небо Грузии. Стихи.	47
ИАКИНТЕ ЛИСАШВИЛИ. Верность. Гла- вы из романа.	49
ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ	
ЛЕОНИД РОСТОВЦЕВ. Наследники.	57
ТИНА ДОНЖАШВИЛИ. Чтобы звезды стали близкими. Очерк.	63
ПУБЛИЦИСТИКА	
КАРЛО ГАРДАПХАДЗЕ. Тбилиси встре- чает славный юбилей.	73
СТРАНИЦЫ БОРЬБЫ	
СЕРГО КАВТАРАДЗЕ. Семнадцатый год в Грузии.	77
ПЛАТОН ШУШАНИЯ. День первый.	80
КОНСТАНТИН ДЖАПАРИДЗЕ. Отстан- вая завоеванное.	82

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

ЗАХАРИЙ ШВЕЛИДЗЕ. Неизвестные фотографии Ладо Кецховели.	84
Листая старые газеты...	85

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Жизнь, история, литература... Статья вторая.	89
---	----

ИСКУССТВО

ВЛАДИМИР ЧИАУРЕЛИ. На грузинском экране.	97
--	----

ХРОНИКА

Книги к 40-летию.	108
---------------------------	-----

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ,
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Подписано к печати 5 мая 1961 г. 7 печ. листов + 4 вкл.

Формат бумаги 70×108^{1/16}

Тираж 2.500

Заказ № 486

УД 0484 6

Цена 40 коп.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

Цена 40 к.

ს/რ-20/29

[7]